15
Б48

Анри Бергсонъ.

МАТЕРІЯ И ПАМЯТЬ.

Изслѣдованіе объ отношеніи тѣла къ духу.

Переводъ съ французскаго

А. БАУЛЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Жуковскаго.
1911.

Изданія Д. Е. Жуковскаго.

Т. Гомперцъ. Греческіе мыслители. Т. I. Пер. съ нѣм. Я Герцыкъ и Д. Жуковскаго. Стр. 485. Ц. 2 р. 75 к.

П. Струве, Patriotica. Сборникъ статей за 5 лѣтъ (1905—1910). Цѣна 3 р.

Л. Франкъ. Философія и жизнь. Сборникъ статей Стр. 389. Ц. 2 р

Проф. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. съ нѣм. С. Л. Франка. Стр. 374. Цѣна 1 р. 60 к.

Риккертъ. Философія исторіи. Пер. С. Гессена. Стр. 154. Ц. 75 к.

Шульце-Геверницъ. Марксъ или Кантъ? Пер. съ нѣм. Стр. 87. Ц. 50 к.

Фихте. 1) **Назначеніе человѣка.** Пер. подъ ред. Н. Лосскаго. Стр. 133. Ц. 50 к.

2) **Основныя черты современной эпохи.** Пер. подъ ред. Н. Лосскаго. Стр. 232. Ц. 75 к.

Шеллингъ. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы. Бруно или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей. Пер. съ нѣм. Л. М. Стр. 164. Ц. 1 р.

Жанъ-Жакъ Руссо. Объ общественномъ договорѣ. Пер. съ франц. Л. Неманова. Съ примѣчаніями и библіографіей. Стр. 247. Ц. 75 к., въпер. 1 р.

Ницше. По ту сторону добра и зла. Пер. съ нѣм. Н. Полилова. Стр. 386. Ц. 1 р. 60 к.

Леклеръ. Къ монистической гносеологіи. Пер. съ нѣм. А. Ремизова. Стр. 60. Цѣна 50 к.

Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Стр. 402. Ц. 1 р.

С. Булгаковъ. Карлъ Марксъ какъ религіозный типъ. Стр. 55. Ц. 25 к.

Овсянико-Куликовскій. 1) Синтаксисъ русскаго языка. Распродано. 2) Вопросы философіи творчества. Распродано.

МАТЕРІЯ И ПАМЯТЬ.

КНИГА
ЧИТАЛЬНОГО
ЗАЛА

15
Б48
Пров. 1964

Анри Бергсонъ.

МАТЕРІЯ И ПАМЯТЬ.

Изслѣдованіе объ отношеніи тѣла къ духу.

Переводъ съ французскаго

А. БАУЛЕРЪ.

524069
63567
Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Жуковскаго.
1911

БИБЛИОТЕКА

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. VII

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выборъ образовъ для представленія 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Узнаваніе образовъ.—Память и мозгъ 70

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О сохраненіи образовъ.—Память и духъ 139

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О разграниченіи и фиксаціи образовъ.—Воспріятіе и матерія.—Душа и тѣло 197

Общія заключенія 242

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исходной точкой нашей работы былъ анализъ, который читатель найдетъ въ третьей главѣ этой книги. Въ этой главѣ мы показали, на анализѣ воспоминанія, что одно и то же явленіе духа охватываетъ одновременно множество различныхъ плоскостей сознанія, которыя намѣчаютъ всѣ промежуточныя степени между грезой и дѣйствіемъ: въ послѣдней изъ этихъ плоскостей, и только въ ней, вступаетъ въ дѣйствіе тѣло.

Но эта концепція роли тѣла въ жизни духа возбуждала многочисленныя затрудненія какъ научныя, такъ и метафизическія. Изъ анализа этихъ затрудненій вышла вся остальная книга.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы должны были разсмотрѣть теоріи, по которымъ память признается лишь функціей мозга, а для этого выяснить, насколько возможно подробнѣе, нѣкоторые довольно спеціальные факты мозговыхъ локализацій: это составляетъ предметъ второй главы нашего сочиненія. Но, съ другой стороны, мы не могли установитъ такую рѣзкую разницу между психическою дѣятельностью и ея матеріальнымъ развитіемъ, не встрѣтивъ на пути болѣе чѣмъ когда либо важныхъ возраженій разнаго рода, возраженій, поднимаемыхъ всякимъ дуализмомъ. И намъ пришлось предпринять углубленный анализъ идеи тѣла, сравнить реалистическіе и идеалистическіе теоріи матеріи, извлечь изъ нихъ общіе постулаты и наконецъ разслѣдовать, нельзя ли, устранивъ всякій постулатъ, яснѣе увидѣть различіе между тѣломъ и духомъ, а

одновременно и проникнуть глубже въ механизмъ ихъ связи. Такъ, мало по малу, мы были приведены къ самымъ общимъ проблемамъ метафизики.

Но путеводной нитью среди этихъ метафизическихъ трудностей намъ служила та же психологія, которая вовлекла насъ въ эти трудности. Если, въ самомъ дѣлѣ, вѣрно, что интеллектъ нашъ неудержимо стремится къ матеріализаціи своихъ концепцій и къ разыгрыванью своихъ грезъ, то можно предвидѣть, что привычки, образовавшіяся такимъ образомъ въ дѣйствіи, восходя до спекуляціи, будутъ затемнять въ самомъ его источникѣ непосредственное познаваніе нашего духа, нашего тѣла и ихъ взаимнаго вліянія. Много метафизическихъ трудностей возникаетъ, быть можетъ, изъ смѣшенія спекуляціи съ практикой или изъ того, что мы, желая изслѣдовать какую нибудь идею теоретически, отклоняемъ ее въ сторону полезнаго, или, наконецъ, оттого, что мы пользуемся для мышленія формами дѣйствія. Если тщательно разграничить дѣйствіе отъ познаванія, многія темныя стороны вопроса разъяснятся иногда потому, что нѣкоторыя проблемы окажутся рѣшенными, иногда потому, что ихъ не надо будетъ ставить.

Таковъ былъ методъ, который мы прилагали уже къ изученію проблемы сознанія, когда пытались отдѣлить его внутреннюю жизнь отъ практически полезныхъ символовъ его прикрывающихъ, чтобъ уловить его мимолетную особенность.

Къ этому самому методу мы желали бы прибѣгнуть и теперь, расширивъ его, ставъ на этотъ разъ уже не просто внутри духа, но въ точкѣ соприкосновенія духа и матеріи. Въ этомъ опредѣленіи философія является сознательнымъ и обдуманнымъ возвратомъ къ даннымъ интуиціи. Она должна привести насъ анализомъ фактовъ и сравненіемъ доктринъ къ выводамъ здраваго смысла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выборъ образовъ для представленія.—Роль тѣла.

Представимъ себѣ на минуту, что мы не знаемъ никакихъ теорій матеріи и никакихъ теорій о духѣ, никакихъ споровъ о реальности или идеальности внѣшняго міра. Итакъ, я нахожусь въ присутствіи образовъ, — принимая это слово въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, — образовъ воспринимаемыхъ, когда я настораживаю свои пять чувствъ, и невоспринимаемыхъ, когда мои пять чувствъ бездѣйствуютъ. Всѣ эти образы дѣйствуютъ и реагируютъ другъ на друга во всѣхъ своихъ элементарныхъ частяхъ, согласно неизмѣннымъ законамъ, которые я называю законами природы, и такъ какъ совершенное знаніе этихъ законовъ позволило бы, безъ сомнѣнія, вычислить и предвидѣть, что произойдетъ въ каждомъ изъ образовъ, будущее этихъ образовъ должно заключаться въ ихъ настоящемъ и не должно прибавлять къ нимъ ничего новаго. Среди этихъ образовъ есть одинъ, который выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что я знаю его не только извнѣ по воспріятіямъ, но также извнутри по чувствованіямъ: это мое тѣло. Я разбираю условія, при которыхъ эти чувствованія появляются, и нахожу, что они всегда вдвигаются между импульсами, получаемыми мною извнѣ, и движеніями, ко-

торыя я имѣю совершить; они, какъ будто, должны оказывать какое-то, не ясно опредѣлимое, вліяніе на мой конечный поступокъ. Я пересматриваю мои чувства; мнѣ кажется, что каждое изъ нихъ по своему включаетъ побужденіе къ дѣйствію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позволеніе ждать и даже ничего не дѣлать. Присматриваюсь ближе: открываю начатыя, но не выполненныя, движенія, указаніе на болѣе или менѣе полезное рѣшеніе, но не на принужденіе, исключающее выборъ. Вызываю, сравниваю свои воспоминанія: припоминаю, что всюду въ организованномъ мірѣ, я наблюдалъ появленіе этой чувствительности именно тогда, когда природа, одаривъ живое существо способностью движенія въ пространствѣ, ощущеніемъ предостерегаетъ видъ отъ грозящихъ ему общихъ опасностей, возлагая на индивидовъ заботу объ избѣжаніи этихъ опасностей. Наконецъ я обращаюсь къ своему сознанію для выясненія его участія въ чувствахъ: оно отвѣчаетъ, что оно дѣйствительно присутствуетъ въ видѣ чувства или ощущенія во всѣхъ поступкахъ, иниціативу которыхъ я себѣ приписываю, но затемняется или исчезаетъ, когда мое дѣйствіе, становясь автоматичнымъ, тѣмъ самымъ указываетъ, что оно болѣе въ сознаніи не нуждается. Или всѣ видимости обманчивы, или актъ вызываемый чувствомъ не изъ тѣхъ актовъ, что могутъ быть строго выведены изъ предшествующихъ явленій, подобно тому какъ движеніе выводится изъ движенія; въ такомъ случаѣ онъ на самомъ дѣлѣ прибавляетъ нѣчто новое ко вселенной и къ ея исторіи. Будемъ держаться видимостей. Я просто формулирую, что чувствую и что вижу: все происходитъ, какъ будто въ совокупности образовъ, которую я называю вселенной, нѣчто дѣйствительно новое не можетъ возникнуть иначе, какъ при посредствѣ какихъ то особыхъ

образовъ, типъ которыхъ мнѣ являетъ мое тѣло.

Перехожу теперь къ изученію на тѣлахъ одинаковыхъ съ моимъ этого особаго образа, называемаго мною моимъ тѣломъ. Я нахожу приводящіе нервы, которые передаютъ колебанія нервнымъ центрамъ, затѣмъ отводящіе нервы, которые исходятъ изъ центра, проводятъ колебанія къ периферіи и приводятъ въ движеніе части тѣла или все тѣло. Я спрашиваю физіолога и психолога о назначеніи тѣхъ и другихъ. Они отвѣчаютъ, что центробѣжныя движенія нервной системы могутъ вызвать передвиженіе тѣла или частей тѣла; центростремительныя движенія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, порождаютъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Какъ это понимать?

Нервы приводящіе суть образы, мозгъ тоже образъ, колебанія, переданныя чувствительными нервами и распространившіяся въ мозгу, все это образы. Чтобъ образъ, который я называю мозговыми колебаніями, породилъ внѣшніе образы, онъ долженъ такъ или иначе, содержать ихъ въ себѣ, и представленіе о матеріальной вселенной должно цѣликомъ включаться въ представленіе объ этомъ молекулярномъ движеніи. Но достаточно высказать такое положеніе, чтобы понять его нелѣпость. Мозгъ составляетъ часть матеріальнаго міра, а не матеріальный міръ часть мозга. Уничтоживъ образъ, носящій названіе матеріальный міръ, вы тѣмъ самымъ уничтожаете мозгъ и мозговой импульсъ, части этого міра. Предположите, наоборотъ, что исчезли эти два образа—мозгъ и колебаніе въ немъ: согласно гипотезѣ, вы ничего, кромѣ нихъ, не уничтожаете, т. е. очень мало—незначительную подробность на громадной картинѣ. Въ общемъ картина, т. е. вселенная, сохраняется полностью. Сдѣлать мозгъ условіемъ существованія полнаго образа, значитъ противорѣ-

чить самому себѣ, ибо, по гипотезѣ, мозгъ составляетъ часть этого образа. Ни нервы, ни нервные центры не могутъ, стало быть, обусловливать образа вселенной.

Остановимся на этомъ послѣднемъ пунктѣ. Передо мною внѣшніе образы, потомъ мое тѣло, потомъ, наконецъ, измѣненія, вносимыя моимъ тѣломъ въ окружающіе образы. Я вижу, какъ внѣшніе образы вліяютъ на образъ, который я называю своимъ тѣломъ: они передаютъ ему движеніе. Я вижу также, какъ это тѣло вліяетъ на внѣшніе образы: оно возвращаетъ имъ движеніе. Слѣдовательно, въ цѣломъ матеріальнаго міра тѣло мое есть образъ, дѣйствующій, какъ другіе образы, получая и давая движеніе, съ той разницей, можетъ быть, что тѣло мое какъ будто выбираетъ, до нѣкоторой степени, способъ отдачи получаемаго. Но можетъ ли мое тѣло вообще, моя нервная система въ частности, породить совокупность или часть моего представленія о вселенной? Назовемъ мое тѣло матеріей или образомъ, здѣсь слово безразлично. Если мое тѣло матерія, оно составляетъ часть матеріальнаго міра, и матеріальный міръ, слѣдовательно, существуетъ вокругъ него и внѣ его. Если оно образъ, этотъ образъ можетъ давать лишь то, что въ него вложено, а такъ какъ, по гипотезѣ, онъ есть только образъ моего тѣла, то было бы нелѣпо желать извлечь изъ него образъ всей вселенной. Тѣло мое— предметъ, предназначенный для передвиженія другихъ предметовъ, — есть, слѣдовательно, только центръ дѣйствія; оно не можетъ порождать представленія.

Но если тѣло мое является предметомъ, способнымъ производить реальное и новое дѣйствіе на предметы его окружающіе, оно должно занимать относительно ихъ привилегированное положеніе. Всякій вообще образъ вліяетъ на другіе образы способомъ опредѣленнымъ, даже подле-

жащимъ вычисленію, согласно съ тѣмъ, что называется законами природы. Для такого образа нѣтъ выбора, и ему незачѣмъ ни изслѣдовать его окружающей области, ни заранѣе испытывать нѣсколькихъ дѣйствій, просто возможныхъ. Требуемое дѣйствіе совершится само собою, когда пробьетъ его часъ. Но я предположилъ, что роль образа, который я называю своимъ тѣломъ, заключается въ оказаніи реальнаго вліянія на другіе образы и слѣдовательно, въ рѣшающемъ выборѣ между нѣсколькими матеріально возможными актами. И такъ какъ акты эти, безъ сомнѣнія, внушаются ему большимъ или меньшимъ преимуществомъ, которое онъ можетъ извлечь изъ окружающихъ образовъ, надобно чтобъ образы эти какъ нибудь изобразили, на сторонѣ обращенной къ моему тѣлу, ту пользу, которую тѣло мое могло бы извлечь изъ нихъ. И я замѣчаю въ самомъ дѣлѣ, что размѣры, форма, даже цвѣтъ внѣшнихъ предметовъ измѣняются сообразно съ приближеніемъ къ нимъ, или отдаленіемъ отъ нихъ, моего тѣла, что сила запаховъ, интенсивность звуковъ увеличивается и уменьшается съ разстояніемъ и, наконецъ, что само это разстояніе служитъ мѣрой, въ какой окружающія тѣла какъ бы ограждены отъ непосредственнаго дѣйствія моего тѣла. По мѣрѣ того, какъ расширяется мой горизонтъ, образы, меня окружающіе, какъ-бы вырисовываются на все болѣе однородномъ фонѣ и становятся для меня безразличными. Чѣмъ болѣе я сужаю этотъ горизонтъ, тѣмъ предметы, имъ охваченные, разставляются явственѣе, сообразно съ большей или меньшей возможностью для моего тѣла прикасаться къ нимъ и двигать ихъ. Они стало быть, подобно зеркалу, отсылаютъ къ моему тѣлу его возможное вліяніе; они располагаются сообразно съ ростомъ или съ убылью власти моего тѣла надъ ними. Предметы окружающіе мое тѣло, отражаютъ возможное дѣйствіе моего тѣла на нихъ.

Теперь, не касаясь другихъ образовъ, я слегка видоизмѣню образъ, называемый моимъ тѣломъ. Въ этомъ образѣ я мысленно перерѣзываю всѣ приводящіе нервы спинномозговой системы. Что произойдетъ? Нѣсколько ударовъ скальпеля перерѣжутъ нѣсколько пучковъ волоконъ: остальная вселенная и даже все остальное мое тѣло останутся чѣмъ были. Произведенное измѣненіе, стало быть, незначительно. На самомъ же дѣлѣ совершенно исчезаетъ все „мое воспріятіе“. Разсмотримъ внимательно, что собственно произошло. Вотъ образы, составляющіе вселенную вообще, затѣмъ образы, находящіеся въ сосѣдствѣ съ моимъ тѣломъ и наконецъ мое тѣло. Въ этомъ послѣднемъ образѣ обычная роль центростремительныхъ нервовъ заключается въ передачѣ движеній головному мозгу и спинному мозгу; центробѣжные нервы отсылаютъ это движеніе къ периферіи. Перерѣзка центростремительныхъ нервовъ можетъ произвести только одинъ, дѣйствительно понятный, результатъ: прекращеніе тока, идущаго отъ периферіи къ периферіи проходя черезъ центръ, а вслѣдствіи этого невозможность для моего тѣла черпать среди окружающихъ меня вещей количество и качество движенія, необходимаго для воздѣйствія на нихъ. Это относится къ дѣйствію и только къ дѣйствію. А между тѣмъ вѣдь исчезло мое воспріятіе. Не значитъ-ли это, что мое воспріятіе намѣчаетъ въ совокупности образовъ какъ бы тѣнью или отраженіемъ виртуальныя или возможныя дѣйствія моего тѣла? Система образовъ, въ которой скальпель произвелъ лишь весьма ничтожное измѣненіе, это то, что обыкновенно называется матеріальнымъ міромъ; съ другой стороны то, что исчезло, есть „мое воспріятіе“ матеріи. Отсюда предварительно два слѣдующихъ опредѣленія: я называю матеріей совокупность образовъ, а воспріятіемъ матеріи эти же образы, отнесенные къ возможному дѣй-

ствію одного опредѣленнаго образа, моего тѣла.

Углубимъ изслѣдованіе этого послѣдняго отношенія. Я разсматриваю свое тѣло съ центробѣжными и центростремительными нервами и съ нервными центрами. Я знаю, что внѣшніе предметы сообщаютъ приводящимъ нервамъ колебанія, которыя достигаютъ центра; что въ центрахъ происходятъ очень разнообразныя молекулярныя движенія, что движенія эти зависятъ отъ природы и положенія предметовъ. Перемѣните предметы, измѣните ихъ соотношенія съ моимъ тѣломъ, и все измѣнится во внутреннихъ движеніяхъ моихъ воспринимающихъ центровъ. Но все измѣнилось и въ „моемъ воспріятіи“. Мое воспріятіе, стало быть, есть функція этихъ молекулярныхъ движеній, оно отъ нихъ зависитъ. Но какъ оно зависитъ отъ нихъ? Вы скажете, можетъ быть, что оно ихъ преобразуетъ и что я, въ концѣ концовъ, не представляю себѣ ничего, кромѣ молекулярныхъ движеній мозгового вещества. Но можетъ ли это положеніе имѣть какой-либо смыслъ, разъ образъ нервной системы и ея внутреннихъ движеній, по гипотезѣ, есть лишь образъ нѣкоего матеріальнаго предмета, тогда какъ я представляю себѣ матеріальную вселенную въ ея цѣломъ? Правда, здѣсь пытаются обойти затрудненіе. Мозгъ, говорятъ намъ, аналогиченъ по своей сущности съ остальной матеріальной вселенной, слѣдовательно онъ образъ, если вселенная образъ. Принявъ затѣмъ, что внутреннія движенія этого мозга порождаютъ или опредѣляютъ представленіе о всемъ матеріальномъ мірѣ,—т. е. образѣ, безконечно превышающемъ образъ колебаній мозгового вещества,—уже въ самихъ молекулярныхъ движеніяхъ и въ движеніи вообще не желаютъ видѣть такіе же образы какъ и остальные, но нѣчто большее или меньшее, чѣмъ образъ, во всякомъ случаѣ нѣчто, имѣющее иную природу,

чѣмъ образъ; а отсюда представленіе возникаетъ истинно чудеснымъ способомъ. Матерія становится тогда радикально отличной отъ представленія и никакого образа ея мы, слѣдовательно, не имѣемъ; ей противопоставляютъ сознаніе не содержащее образовъ, о которомъ мы не можемъ составить себѣ никакого понятія; наконецъ, для наполненія сознанія выдумывается непонятное дѣйствіе этой безформенной матеріи на эту мысль безъ матеріи. Правда же въ томъ, что движенія матеріи, поскольку они образы, очень понятны; въ движеніи не надо искать ничего, кромѣ того, что въ немъ видно. Единственнымъ затрудненіемъ было бы вывести изъ этихъ, совершенно спеціальныхъ, образовъ безконечное разнообразіе представленій. Но зачѣмъ это надо, если по всеобщему мнѣнію мозговыя колебанія составляютъ часть матеріальнаго міра, и образы эти занимаютъ, слѣдовательно, только очень маленькій уголокъ представленія?—Наконецъ, что такое эти движенія, и какую роль играютъ эти особые образы въ представленіи о цѣломъ?—Для меня сомнѣнія нѣтъ: это движенія внутри моего тѣла, предназначенныя для того, чтобы приготовить, начавъ ее, реакцію моего тѣла на дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ. Будучи сами образами, они не могутъ создать образовъ; но во всякій моментъ они указываютъ, какъ компасъ, который поворачиваютъ, на положеніе опредѣленнаго образа, моего тѣла, по отношенію къ окружающимъ образамъ. Въ совокупности представленій они весьма мало значатъ, но имѣютъ капитальное значеніе для той части представленій, которую я называю своимъ тѣломъ, потому что они во всякій моментъ намѣчаютъ возможные его поступки. Итакъ, между такъ называемою воспринимающею способностью головного мозга и рефлекторными функціями спинного мозга различіе только въ степени, но нѣтъ различія по существу. Спинной мозгъ превращаетъ испы-

танныя имъ возбужденія въ осуществленныя движенія, головной мозгъ развиваетъ ихъ въ реакціи просто зарождающіяся; но и въ томъ и другомъ случаѣ роль нервнаго вещества остается неизмѣнной: проводить, сочетать между собою или задерживать движенія. Почему же тогда „мое воспріятіе вселенной“ повидимому зависитъ отъ внутреннихъ движеній мозгового вещества, измѣняется и исчезаетъ, когда они уничтожены?

Трудность этой проблемы заключается особенно въ томъ, что сѣрое вещество мозга и его измѣненія разсматриваются какъ вещи самодовлѣющія, которыя можно изолировать отъ остальной вселенной. Въ этомъ отношеніи, по существу, матеріалисты и дуалисты сходятся. Они отдѣльно разсматриваютъ нѣкоторыя молекулярныя движенія мозгового вещества: тогда одни видятъ въ нашемъ сознательномъ воспріятіи фосфоресценцію, сопровождающую эти движенія и освѣщающую ихъ слѣдъ; другіе помѣщаютъ наши воспріятія въ сознаніе, которое безпрерывно и по-своему выражаетъ молекулярныя колебанія корковаго вещества. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сознанію приписывается задача зарисовывать или толковать различныя состоянія нашей нервной системы. Но можно ли мыслить нервную систему, живущую безъ организма, ее питающаго, безъ атмосферы, гдѣ дышитъ организмъ, безъ земли, погруженной въ эту атмосферу, безъ солнца, вокругъ котораго вращается земля? Обобщая вопросъ, развѣ фикція изолированнаго матеріальнаго предмета не предполагаетъ своего рода нелѣпости, такъ какъ предметъ этотъ заимствуетъ свои физическія свойства отъ поддерживаемыхъ имъ со всѣми другими предметами отношеній, и такъ какъ каждая особенность его, а слѣдовательно и самое его существованіе, зависятъ отъ мѣста, занимаемаго имъ въ цѣломъ вселенной? Не будемъ же говорить, что

наши воспріятія зависятъ просто отъ молекулярныхъ движеній мозговой массы. Скажемъ, что онѣ измѣняются вмѣстѣ съ ними, но что самыя эти движенія неразрывно связаны съ остальнымъ матеріальнымъ міромъ. А тогда дѣло уже не въ томъ, чтобъ узнать, какъ наши воспріятія связываются съ измѣненіями сѣраго вещества. Вопросъ расширяется и ставится вмѣстѣ съ тѣмъ въ гораздо болѣе ясныхъ выраженіяхъ. Вотъ система образовъ, которую я называю моимъ воспріятіемъ вселенной. Она рушится до основаній при легкихъ измѣненіяхъ въ извѣстномъ привилегированномъ образѣ, моемъ тѣлѣ. Этотъ образъ находится въ центрѣ; по немъ установляются всѣ остальные образы; при всякомъ его движеніи все измѣняется, какъ при поворотѣ калейдоскопа. Съ другой стороны мы имѣемъ тѣ же образы, но отнесенные каждый къ самому себѣ. Несомнѣнно они оказываютъ другъ на друга вліяніе, но такъ, что эффектъ всегда остается пропорціональнымъ причинѣ: это я называю вселенной. Какъ объяснить существованіе этихъ двухъ системъ и то, что тѣ же образы, относительно неизмѣнные во вселенной, безконечно измѣнчивы въ воспріятіи? Этотъ вопросъ, стоящій между реализмомъ и идеализмомъ, можетъ быть, даже между матеріализмомъ и спиритуализмомъ, формулируется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: Почему одни и тѣ же образы могутъ входить одновременно въ двѣ различныя системы, — одну, гдѣ каждый образъ измѣняется для себя и въ совершенно опредѣленной мѣрѣ воздѣйствія на него окружающихъ образовъ; другую, гдѣ всѣ образы измѣняются примѣнительно къ одному и въ той измѣнчивой мѣрѣ, въ какой они отражаютъ возможное дѣйствіе этого привилегированнаго образа?

Всякій образъ будетъ внутреннимъ по отношенію къ нѣкоторымъ образамъ и внѣшнимъ по отношенію къ другимъ; но про цѣлокупность образовъ нельзя сказать, ни что она для насъ внутренняя, ни что она для насъ внѣшняя, такъ какъ внутренность и внѣшность суть только отношенія между образами. Спросить себя, существуетъ ли вселенная только въ нашей мысли или и внѣ ея, значитъ формулировать вопросъ въ неразрѣшимой постановкѣ, даже предположивъ, что онъ понятенъ, значитъ обрекать себя на безплодный споръ, гдѣ выраженія: мысль, существованіе, вселенная, будутъ по необходимости поняты обѣими сторонами въ самыхъ различныхъ смыслахъ. Чтобы разрѣшить споръ, надобно прежде всего найти общую почву для начала борьбы, и такъ какъ—въ чемъ обѣ стороны согласны—мы познаемъ вещи только въ видѣ образовъ, мы должны поставить вопросъ на почву образовъ и только образовъ. Ни одна философская доктрина не оспариваетъ, что одни и тѣ же образы могутъ одновременно входить въ двѣ различныя системы; одна изъ нихъ принадлежитъ знанію, гдѣ каждый образъ, отнесенный къ самому себѣ, имѣетъ абсолютное значеніе, другая составляетъ міръ сознанія, гдѣ всѣ образы принаровлены къ центральному образу, нашему тѣлу, слѣдуя за его измѣненіями. Тогда вопросъ между реализмомъ и идеализмомъ становится очень яснымъ: каковы взаимныя отношенія этихъ двухъ системъ образовъ? Легко видѣть, что субъективный идеализмъ произведетъ первую систему изъ второй, а матеріалистическій реализмъ выведетъ вторую систему изъ первой.

Исходная точка реалиста—вселенная, т. е. совокупность образовъ, управляемыхъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ неизмѣнными законами, гдѣ слѣдствія пропорціональны причинамъ и гдѣ нѣтъ центра, а всѣ образы развертываются

въ одной безконечной плоскости. Но онъ вынужденъ признать, что, помимо этой системы, существуютъ воспріятія, т. е. системы, гдѣ тѣ же самые образы отнесены къ одному изъ нихъ, располагаются вокругъ него на различныхъ плоскостяхъ и всѣ преображаются при незначительныхъ измѣненіяхъ этого центральнаго образа. Именно изъ этого воспріятія исходитъ идеалистъ: въ системѣ образовъ, имъ принимаемыхъ, есть образъ привилегированный, его тѣло, по которому устанавливаются остальные образы. Но когда онъ хочетъ связать настоящее съ прошедшимъ и предвидѣть будущее, онъ вынужденъ покинуть это центральное положеніе, помѣстить вновь всѣ образы на одну плоскость, предположить, что они измѣняются уже не для него, а для самихъ себя, и разсматривать ихъ какъ части системы, гдѣ каждое измѣненіе точно соотвѣтствуетъ своей причинѣ. Только при этомъ условіи знаніе вселенной дѣлается возможнымъ; а такъ какъ это знаніе существуетъ, такъ какъ при его помощи удается предвидѣть будущее, то гипотеза, его обосновывающая, не есть произвольная гипотеза. Первая система доступна опыту въ настоящемъ, но мы вѣримъ во вторую уже тѣмъ однимъ, что утверждаемъ непрерывность прошедшаго, настоящаго и будущаго. Итакъ, въ идеализмѣ, какъ въ реализмѣ дается одна изъ системъ—и изъ нея пытаются вывести другую.

Но, дѣлая этотъ выводъ, ни реализмъ, ни идеализмъ не могутъ дойти до конца, потому что ни одна изъ этихъ двухъ системъ образовъ не заключается въ другой, а каждая довлѣетъ себѣ. Если вы принимаете систему образовъ, лишенную центра, гдѣ каждый элементъ обладаетъ своей абсолютной величиной и значеніемъ, я не вижу, зачѣмъ эта система пріобщаетъ къ себѣ вторую, гдѣ каждый образъ принимаетъ неопредѣленное значеніе, подчиненное всей измѣнчивости центральнаго образа. Чтобы

объяснить воспріятіе, надобно будетъ, слѣдовательно, прибѣгнуть къ какому нибудь deus ex machina вродѣ матеріалистической гипотезы сознанія-эпифеномена. Среди всѣхъ образовъ, подверженныхъ абсолютнымъ измѣненіямъ, выберутъ тотъ, который называется мозгомъ, и внутреннимъ состояніямъ этого образа припишутъ странное преимущество непонятнымъ образомъ удвояться и воспроизводить всѣ остальные образы, но на этотъ разъ относительные и измѣнчивые. Правда, потомъ этому процессу представленія не будутъ придавать никакого значенія, въ немъ будутъ видѣтъ фосфоресценцію отъ мозговыхъ колебаній. Какъ будто мозговое вещество, мозговыя колебанія, заключенныя въ образахъ, могутъ быть иной природы, чѣмъ сами образы! Всякій реализмъ, стало быть, сдѣлаетъ, изъ воспріятія случайность, слѣдовательно тайну. И наоборотъ, если вы примете систему неустойчивыхъ образовъ, расположенныхъ вокругъ привилегированнаго центра, глубоко измѣняющихся при неощутимыхъ передвиженіяхъ этого центра, вы прежде всего исключаете порядокъ природы, порядокъ, безразличный къ точкѣ, на которую становишься, и къ звену, съ котораго начинаешь. Вы не сможете возстановить этотъ порядокъ, не прибѣгая въ свою очередь къ deus ex machina, напр. къ гипотезѣ какой то предустановленной гармоніи между вещами и духомъ или, по крайней мѣрѣ, говоря языкомъ Канта, между чувственностью и разсудкомъ. Въ этомъ случаѣ наука будетъ случайностью и успѣхъ ея тайной.—Вамъ не вывести, стало быть, ни первой системы образовъ изъ второй, ни второй изъ первой, и обѣ эти противуположныя доктрины, реализмъ и идеализмъ, поставленныя на одну почву, съ противуположныхъ сторонъ наталкиваются на одно и то же препятствіе.

Въ основѣ обѣихъ доктринъ, вы откроете одинъ общій

имъ постулатъ. Мы сформулируемъ его слѣдующимъ образомъ: воспріятіе представляетъ чисто спекулятивный интересъ; оно—чистое познаніе. Весь споръ вертится на томъ, какое мѣсто должно отвести этому познанію по сравненію съ научнымъ познаніемъ; нѣкоторые принимаютъ порядокъ, требуемый наукой, и видятъ въ воспріятіи лишь смутное и временное познаніе. Другіе ставятъ воспріятіе впереди, возводятъ его въ абсолютъ и смотрятъ на науку, какъ на символическое выраженіе реальнаго. Но для тѣхъ и для другихъ воспринимать значитъ прежде всего познавать.

Мы оспариваемъ именно этотъ постулатъ. Онъ опровергается даже самымъ поверхностнымъ изслѣдованіемъ строенія нервной системы у животныхъ. Его нельзя принять, не затемняя тройной проблемы—матеріи, сознанія и ихъ отношенія.

Что мы видимъ, наблюдая шагъ за шагомъ развитіе внѣшняго воспріятія, начиная съ монеры и кончая высшими позвоночными? Мы находимъ, что уже въ состояніи простой протоплазматической массы живая матерія обладаетъ раздражимостью и сокращаемостью, что она подвержена вліянію внѣшнихъ агентовъ и отвѣчаетъ на нихъ механическими, физическими и химическими реакціями. По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся въ серіи организмовъ, мы замѣчаемъ, что физіологическая работа раздѣляется. Появляются нервныя клѣтки, онѣ дифференцируются и обнаруживаютъ наклонность группироваться въ систему. Вмѣстѣ съ тѣмъ животное реагируетъ на внѣшнее возбужденіе болѣе разнообразными движеніями. Но даже когда полученный импульсъ не переходитъ немедленно въ движеніе, онъ повидимому, какъ-бы ждетъ случая его совершить; то самое впечатлѣніе, которое передаетъ организму перемѣны окружающей среды, побуждаетъ или под-

готовляетъ его приспособиться къ нимъ. У высшихъ позвоночныхъ различіе между чистымъ автоматизмомъ, локализирующимся по преимуществу въ спинномъ мозгу, и волевой дѣятельностью, требующей вмѣшательства головного мозга, выражено наиболѣе рѣзко. Можно представить себѣ, что полученное впечатлѣніе вмѣсто того чтобъ перейти въ движеніе одухотворяется, становясь познаніемъ. Но достаточно сравнить строеніе головного мозга со строеніемъ спинного мозга, чтобъ убѣдиться, что между функціями мозга и рефлекторной дѣятельностью спинно-мозговой системы различіе въ степени сложности, а не по существу. Въ самомъ дѣлѣ, что происходитъ при рефлексѣ? Центростремительное движеніе переданное возбужденіемъ, сейчасъ же отражается, при посредствѣ нервныхъ клѣтокъ спинного мозга, въ центробѣжное движеніе, вызывая мышечное сокращеніе. Съ другой стороны, въ чемъ заключается функція головного мозга? Периферическій импульсъ, вмѣсто того чтобы прямо распространиться на двигательную клѣтку спинного мозга и вызвать въ мускулѣ нужное сокращеніе, поднимается сперва къ головному мозгу и затѣмъ спускается къ тѣмъ же двигательнымъ клѣткамъ спинного мозга, которыя участвовали въ рефлекторномъ движеніи. Что же прибавилось при этомъ обходномъ пути, и зачѣмъ импульсъ доходилъ до такъ называемыхъ чувствительныхъ клѣтокъ мозговой коры? Я никакъ не могу допустить, чтобы тамъ онъ черпалъ чудодѣйственную силу для превращенія въ представленіе о вещахъ, и считаю къ тому же эту гипотезу излишней, что сейчасъ будетъ видно. Но мнѣ совершенно ясно, что эти клѣтки различныхъ, такъ называемыхъ сенсоріальныхъ, областей корковаго слоя клѣтки промежуточныя между конечными развѣтвленіями центростремительныхъ волоконъ и двигательными клѣтками Роландовой зоны, позволяютъ полученному импульсу произвольно достигнуть того

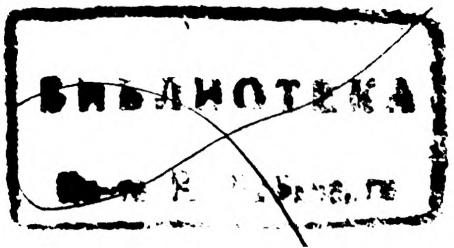
или другого двигательнаго механизма спинного мозга и такимъ образомъ выбрать порождаемое имъ дѣйствіе. Чѣмъ больше разовьется этихъ промежуточныхъ клѣтокъ, тѣмъ больше отъ нихъ будетъ отходить амёбоидныхъ отростковъ, способныхъ, конечно, различно сближаться, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе станутъ также пути для одного и того же импульса, пришедшаго съ периферіи, и тѣмъ больше, слѣдовательно, будетъ системъ движеній, между которыми при одномъ и томъ же раздраженіи останется выборъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, головной мозгъ ничто иное какъ родъ телефонной станціи: его роль — дать сообщеніе или заставить ждать. Къ тому, что онъ получаетъ, онъ не прибавляетъ ничего; но такъ какъ всѣ органы воспріятія отсылаютъ туда свои конечные отростки, а всѣ двигательные механизмы спинного и продолговатаго мозга имѣютъ тамъ своихъ особыхъ представителей, головной мозгъ является дѣйствительно центромъ, гдѣ периферическое раздраженіе соприкасается съ тѣмъ или другимъ двигательнымъ механизмомъ, уже не обязательнымъ, а выбраннымъ. Съ другой стороны, такъ какъ при одномъ и томъ же импульсѣ, пришедшемъ отъ периферіи, въ этомъ веществѣ могутъ одновременно открываться безчисленные двигательные пути, то импульсъ этотъ имѣетъ способность раздѣляться тамъ до безконечности и, слѣдовательно, теряться въ несчетныхъ, только зарождающихся, двигательныхъ реакціяхъ. Итакъ, головной мозгъ то проводитъ принятое движеніе къ избранному для воздѣйствія органу, то открываетъ этому движенію заразъ всѣ двигательные пути, чтобъ оно намѣтило въ нихъ всѣ возможныя воздѣйствія, которыми оно чревато, и чтобъ при такомъ разсѣяніи оно могло себя проанализировать. Другими словами, головной мозгъ представляется намъ орудіемъ анализа по отношенію къ полученному движенію и

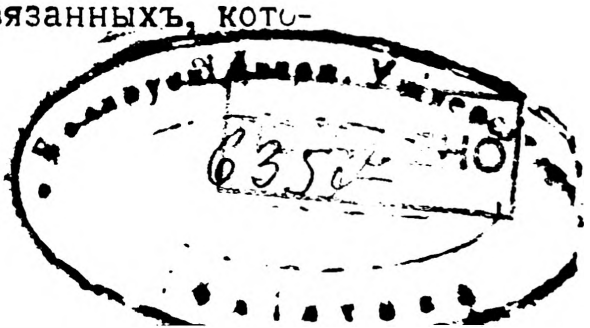
Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны універсітэт
імя П.М.Машарава"
БІБЛІЯТЭКА

орудіемъ выбора по отношенію къ движенію произведенному. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ роль его сводится къ передачѣ и къ раздѣленію движенія. Для познанія нервные элементы не работаютъ ни въ высшихъ центрахъ корковаго вещества, ни въ спинномъ мозгу: они только сразу намѣчаютъ множественность возможныхъ дѣйствій, или организуютъ одно изъ нихъ.

Сказанное сводится къ тому, что нервная система совсѣмъ не есть аппаратъ для образованія или даже подготовленія представленій. Ея функція—получать возбужденіе, пріуготовлятъ двигательные аппараты и предоставлять данному возбужденію возможно большее число этихъ аппаратовъ. Съ развитіемъ нервной системы все многочисленнѣе и отдаленнѣе становятся точки пространства, которыя она приводитъ въ связь съ двигательными механизмами, все болѣе осложненными: такъ растетъ просторъ, который нервная система предоставляетъ нашему воздѣйствію, и именно этимъ опредѣляется степень ея совершенства. Но если нервная система во всемъ животномъ мірѣ построена въ виду все менѣе и менѣе необходимаго дѣйствія, то нельзя ли предположить, что воспріятіе, совершенствованіе котораго находится въ зависимости отъ совершенства нервной системы, также всецѣло направлено въ сторону дѣйствія, а не въ сторону чистаго познанія? А въ такомъ случаѣ, не должно ли ростущее богатство воспріятія символизировать растущую долю непредопредѣленности, оставляемой на выборъ живому существу въ его поведеніи относительно вещей? Будемъ же исходить отъ этого непредопредѣленнаго какъ изъ истиннаго принципа. Принявъ эту непредопредѣленность, будемъ искать, нельзя ли вывести изъ нея возможность, или даже необходимость сознательнаго воспріятія. Другими словами, возьмемъ систему образовъ солидарныхъ и тѣсно связанныхъ, кото-

145247





рую называютъ матеріальнымъ міромъ, и вообразимъ въ этой системѣ то здѣсь, то тамъ центры реальнаго дѣйствія, представляемые живой матеріей: необходимо, говорю я, чтобы вокругъ каждаго изъ этихъ центровъ расположились образы подчиненные положенію этого центра и варіирующіе соотвѣтственно этому положенію; я говорю, слѣдовательно, что сознательное воспріятіе должно явиться, и болѣе того, что возможно понять, какъ это воспріятіе возникаетъ.

Замѣтимъ прежде всего, что появленіе сознательнаго воспріятія связано строгимъ закономъ съ интенсивностью дѣйствія, которымъ располагаетъ живое существо. Согласно нашей гипотезѣ воспріятіе появляется въ тотъ самый моментъ, когда полученный матеріей импульсъ не продолжается въ необходимой реакціи. Для возникновенія импульса въ простѣйшихъ организмахъ нужно непосредственное соприкосновеніе предмета, и тогда реакція задерживаться не можетъ. Такъ, у низшихъ видовъ осязаніе и пассивно и активно одновременно; оно служитъ для распознанія добычи и для захвата ея, для ощущенія опасности и произведенія усилія, чтобъ избѣгнуть ея. Различные отростки протистовъ, ножки иглокожихъ служатъ органами движенія и осязательныхъ воспріятій, жгучій аппаратъ кишечнополостныхъ есть аппаратъ воспріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ средство защиты. Словомъ, чѣмъ непосредственѣе должна быть реакція, тѣмъ болѣе воспріятіе походитъ на простое соприкосновеніе, и реакція едва отличается тогда отъ механическаго импульса, за которымъ слѣдуетъ необходимое движеніе. Но когда реакція становится менѣе неизбѣжной и оставляетъ болѣе простора колебанію, по мѣрѣ этого увеличивается и разстояніе, при которомъ животнымъ чувствуется вліяніе интересующаго его предмета. Зрѣніемъ, слухомъ оно приходитъ

въ соприкосновеніе все съ большимъ числомъ вещей, испытываетъ все болѣе отдаленныя вліянія; сулятъ ли ему эти предметы преимущества или грозятъ опасностью, выполненіе и угрозъ и обѣщаній отсрочено. Часть независимости, которой располагаетъ живое существо или, какъ мы скажемъ, зона непредопредѣленнаго, которая окружаетъ его дѣятельность, позволяетъ, стало быть, à priori опредѣлить число и удаленность вещей, имѣющихъ къ нему отношеніе. Каково бы ни было это отношеніе, какова бы ни была внутренняя природа воспріятія, можно утверждать, что амплитуда воспріятія пропорціональна непредопредѣленности послѣдующаго дѣйствія, и установить слѣдующій законъ: воспріятіе располагаетъ пространствомъ въ той самой мѣрѣ въ какой дѣйствіе располагаетъ временемъ.

Но почему это отношеніе организма къ болѣе или менѣе отдаленнымъ предметамъ принимаетъ особую форму, форму сознательнаго воспріятія? Мы разсмотрѣли, что происходитъ въ организованномъ тѣлѣ; мы видѣли движенія переданныя или задержанныя, преобразованныя въ дѣйствія осуществившіяся или разсѣянныя въ видѣ зарождающихся дѣйствій. Намъ казалось, что движенія эти имѣютъ значеніе для дѣйствія и только для дѣйствія; они не имѣютъ рѣшительно никакого касательства къ процессу представленія. Затѣмъ мы разсмотрѣли само дѣйствіе и непредопредѣленность его окружающую, непредопредѣленность, заложенную въ самомъ строеніи нервной системы; строеніе ея скорѣе имѣетъ въ виду эту непредопредѣленность, чѣмъ представленія. Изъ этой непредопредѣленности, принятой какъ фактъ, мы могли прійти къ заключенію о необходимости воспріятія, т. е. къ измѣнчивому отношенію между живымъ существомъ и болѣе или менѣе отдаленными вліяніями интересующихъ его предметовъ. Отчего воспріятіе

это есть сознаніе и почему все происходитъ такъ, какъ будто сознаніе это рождается изъ внутреннихъ движеній мозгового вещества?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы упростимъ прежде всего условія, въ которыхъ происходитъ сознательное воспріятіе. На самомъ дѣлѣ нѣтъ воспріятія не насыщеннаго воспоминаніями. Къ непосредственнымъ даннымъ нашихъ чувствъ мы примѣшиваемъ тысячи подробностей нашего прошлаго опыта. Чаще всего эти воспоминанія оттѣсняютъ наши реальныя воспріятія, и тогда мы удерживаемъ отъ нихъ лишь нѣкоторыя указанія, простые „знаки", которые должны напомнить намъ старые образы. Удобство и быстрота воспріятія получаются этой цѣной, но отсюда же происходятъ всякаго рода иллюзіи. Ничто не препятствуетъ замѣнить это воспріятіе, всецѣло проникнутое нашимъ прошлымъ, воспріятіемъ, которое имѣло бы сознаніе зрѣлое и сложившееся, но замкнутое въ настоящемъ и всецѣло занятое точнымъ отраженіемъ внѣшняго объекта. Намъ скажутъ, можетъ быть, что мы строимъ произвольную гипотезу, и что это идеальное воспріятіе, полученное путемъ отстраненія всѣхъ индивидуальныхъ случайностей, совсѣмъ не отвѣчаетъ реальности. Но мы именно надѣемся показать, что индивидуальныя случайности присоединяются къ этому безличному воспріятію, что это воспріятіе лежитъ въ самой основѣ нашего познанія вещей, и что незнаніе, неумѣніе отличить его отъ прибавленнаго или убавленнаго памятью, было причиной того, что изъ воспріятія сдѣлали родъ внутренняго и субъективнаго видѣнія, которое отличается отъ воспоминанія лишь большей интенсивностью. Такова будетъ наша первая гипотеза. Она, конечно, ведетъ за собою другую. Какъ бы кратко ни было, по предположенію, воспріятіе, оно всегда имѣетъ нѣкоторую длительность и требуетъ слѣдовательно усилія памяти, которая связываетъ

множество моментовъ. Мы постараемся доказать, что даже „субъективность“ чувственныхъ качествъ зависитъ преимущественно отъ своего рода сокращенія реальнаго, производимаго нашей памятью. Короче, память въ своихъ двухъ формахъ,—въ томъ, что она покрываетъ слоемъ воспоминаній основу непосредственнаго воспріятія, и въ томъ, что она сокращаетъ множество моментовъ,—составляетъ главный вкладъ индивидуальнаго сознанія въ воспріятіе, субъективную сторону нашего познанія вещей. Пренебрегая этимъ вкладомъ для большей ясности нашей мысли, мы зайдемъ много дальше чѣмъ слѣдуетъ по начатому нами пути. Чтобы исправить возможную при этомъ крайность нашихъ выводовъ, намъ придется только вернуться назадъ и внести поправки помощью возстановленія памяти. Поэтому послѣдующее надобно принимать какъ схематическое изложеніе, и мы просимъ читателя временно понимать подъ воспріятіемъ не мое конкретное и сложное воспріятіе, вздутое моими воспоминаніями и всегда имѣющее извѣстную длительность, но чистое воспріятіе, существующее болѣе въ логической возможности, чѣмъ на дѣлѣ, воспріятіе которое имѣло бы существо живущее, какъ живу я, но поглощенное настоящимъ и способное, устранивъ память во всѣхъ ея видахъ, получить непосредственное и мгновенное видѣніе матеріи. Станемъ на эту гипотезу и посмотримъ, какъ объясняется сознательное воспріятіе.

Вывести сознаніе было бы задачей слишкомъ смѣлой, въ настоящемъ случаѣ это и ненужно, потому что разъ данъ матеріальный міръ, тѣмъ самымъ дана совокупность образовъ и, къ тому же, ничего иного безусловно не можетъ быть дано. Никакая теорія матеріи не можетъ избѣгнуть этой необходимости. Сведите матерію на движущіеся атомы, эти атомы, даже лишенные физическихъ

качествъ, все же опредѣляются только въ соотношеніи съ возможнымъ видѣніемъ или соприкосновеніемъ, первое безъ свѣта, второе не матеріальное. Сгустите атомъ въ центры силы, растворите его въ вихри, движущіеся въ непрерывной жидкой средѣ, эта жидкость, эти движенія, зти центры опредѣляютъ себя только по отношенію къ безсильному осязанію, къ недѣйствительному импульсу, къ обезцвѣченному свѣту; все это образы.

Правда, образъ можетъ быть, не будучи воспринятъ; онъ можетъ быть на-лицо при отсутствіи представленія; и различіе между понятіями: существовать и быть представленнымъ, повидимому соотвѣтствуетъ различію между самой матеріей и нашимъ сознательнымъ воспріятіемъ ея. Разсмотримъ вещи ближе и посмотримъ, въ чемъ, въ точности, состоитъ это различіе. Если бы во второмъ понятіи было нѣчто большее, чѣмъ въ первомъ, если-бъ для перехода отъ существованія къ представленію приходилось прибавить нѣчто, то различіе было бы неустранимо и переходъ отъ матеріи къ воспріятію былъ бы окруженъ непроницаемой тайной. Иное было бы при возможности перехода отъ перваго понятія ко второму путемъ уменьшенія; если бы представленіе образа было меньше, чѣмъ его присутствіе, въ такомъ случаѣ существующимъ образамъ достаточно было бы откинуть нѣчто отъ себя, чтобъ превратиться въ представленіе. Возьмемъ образъ, который я называю матеріальнымъ предметомъ; я имѣю о немъ представленіе. Почему образъ этотъ самъ въ себѣ есть, повидимому, не то, чѣмъ онъ является для меня? Будучи частью въ совокупности другихъ образовъ, онъ продожается въ слѣдующіе за нимъ образы, подобно тому какъ самъ продолжалъ предшествующіе. Чтобы преобразовать самое его существованіе въ представленіе, было бы достаточно уничтожить сразу все послѣдующее, все

предшествовавшее, а также и то, что его наполняетъ, сохранивъ отъ него лишь внѣшнюю корку, поверхностную пленку. Этотъ образъ, эта объективная реальность отличается отъ образа представляемаго тѣмъ, что онъ долженъ дѣйствовать каждой своей точкой на всѣ точки другихъ образовъ, передавать совокупность всего получаемаго, противопоставлять всякому дѣйствію воздѣйствіе равное и обратное, наконецъ, быть путемъ, по которому проходятъ во всѣхъ направленіяхъ измѣненія, распространяющіяся по необъятности вселенной. Его можно превратить въ представленіе, еслибы его можно было изолировать, въ особенности его оболочку. Представленіе всегда присутствуетъ, но виртуальное, нейтрализованное — въ моментъ когда могло бы перейти въ дѣйствіе—необходимостью продолжаться и затеряться въ чемъ-то другомъ. Чтобы достигнуть этого превращенія, надо не освѣтить предметъ, а наоборотъ, затемнить нѣкоторыя его стороны, лишить его большей части его самого, такъ, чтобы осадокъ вмѣсто того чтобъ заключаться въ окружающемъ, какъ в е щ ь, выдѣлился изъ него какъ к а р т и н а. Если живыя существа являются во вселенной „центрами непредопредѣленности“, и если степень этой непредопредѣленности измѣряется числомъ и совершенствомъ ихъ функцій, то ясно, что уже одно ихъ присутствіе можетъ стать равнозначнымъ устраненію тѣхъ частей предметовъ, въ которыхъ функціи ихъ не заинтересованы. Они какъ бы позволятъ пройти сквозь себя тѣмъ внѣшнимъ движеніямъ, которыя имъ безразличны; другія выдѣленныя станутъ „воспріятіями“ въ силу этого выдѣленія. Для насъ тогда все произойдетъ такъ, какъ если бы мы отражали на предметы свѣтъ исходящій отъ нихъ; свѣтъ, который проходилъ бы безпрепятственно, никогда не былъ бы замѣченъ. Образы, насъ окружающіе, какъ бы повернуты къ

нашему тѣлу стороной, насъ интересующей и освѣщенной; они отдѣлятъ отъ своей субстанціи то, что мы задержимъ на ходу, на что мы способны вліять. Безразличные другъ другу въ силу основного механизма, ихъ связывающаго, они обращаютъ одинъ къ другому заразъ всѣ свои стороны, другими словами они дѣйствуютъ и реагируютъ другъ на друга всѣми своими элементарными частями и ни одинъ изъ нихъ, слѣдовательно, не воспринимаетъ и сознательно не воспринимается. Наоборотъ, если они наталкиваются гдѣ-либо на нѣкоторую самопроизвольность реакціи, ихъ дѣйствіе соотвѣтственно уменьшается и это уменьшеніе ихъ дѣйствія и есть именно наше представленіе о нихъ. Наше представленіе о вещахъ, стало быть, зарождается, когда онѣ наталкиваясь на нашу свободу отражаются отъ нея.

Когда лучъ свѣта переходитъ изъ одной среды въ другую онъ обыкновенно мѣняетъ направленіе. Но разница въ плотности обѣихъ средъ можетъ быть такова, что для извѣстнаго угла паденія не будетъ возможно преломленіе. Тогда происходитъ полное отраженіе. Получается мнимое изображеніе свѣтовой точки какъ бы символизирующее невозможность для свѣтовыхъ лучей слѣдовать далѣе по пути. Воспріятіе есть явленіе того же рода. Дана совокупность образовъ матеріальнаго міра вмѣстѣ съ совокупностью ихъ внутреннихъ элементовъ. Но если вы предположите существованіе центровъ истинной активности, т.-е. активности самопроизвольной, то лучи доходящіе до нея, интересующіе эту активность, вмѣсто того чтобъ пройти сквозь эти центры, будутъ какъ бы возвращаться и вырисовывать контуры предмета ихъ отсылающаго. Въ этомъ не будетъ ничего положительнаго, ничего прибавленнаго къ образу, ничего новаго. Предметы откинутъ только нѣчто, нѣчто отъ своего реальнаго дѣйствія и будутъ изображать свое

виртуальное дѣйствіе, т.-е. въ сущности возможное вліяніе живого существа на нихъ. Воспріятіе походитъ, стало быть, на явленіе отраженія, порождаемое неудавшимся преломленіемъ; это какъ бы дѣйствіе миража.

Иначе сказать, быть и быть сознательно воспринятыми, это различія только въ степени, различія по существу здѣсь нѣтъ. Реальность матеріи состоитъ въ совокупности всѣхъ ея элементовъ и всѣхъ родовъ дѣйствій этихъ элементовъ. Наше представленіе о матеріи есть мѣра нашего возможнаго дѣйствія на тѣла; оно получается послѣ выключенія всего, что не касается нашихъ потребностей, или вообще нашихъ функцій. Можно было бы сказать въ извѣстномъ смыслѣ, что воспріятіе какой нибудь безсознательной матеріальной точки въ своей мгновенности безконечно обширнѣе и полнѣе нашего, потому что точка эта собираетъ и передаетъ всѣ дѣйствія всѣхъ точекъ матеріальнаго міра, между тѣмъ какъ сознаніе наше достигаетъ только нѣкоторыхъ частей и съ нѣкоторыхъ сторонъ. Сознаніе, при внѣшнемъ воспріятіи, состоитъ именно въ этомъ выборѣ. Но въ этой бѣдности нашего сознательнаго воспріятія есть нѣчто положительное, уже предвѣщающее духъ: это различеніе въ этимологическомъ смыслѣ этого слова.

Вся трудность занимающей насъ проблемы происходитъ отъ того, что воспріятіе представляютъ себѣ какъ фотографію вещей, снятую съ опредѣленной точки спеціальнымъ аппаратомъ, органомъ воспріятія, которая затѣмъ проявляется въ мозговомъ веществѣ при помощи какого то неизвѣстнаго химическаго и психическаго процесса. Какъ не видѣть, что фотографія, если тутъ есть фотографія, уже снята внутри вещей и для всѣхъ точекъ пространства? Ни метафизика, ни физика не могутъ избѣгнуть этого заключенія. Составьте вселенную изъ атомовъ: въ каждомъ изъ

нихъ чувствуются количественно и качественно дѣйствія, производимыя всѣми атомами матеріи и измѣняющіяся въ зависимости отъ разстоянія. Предположите центры силъ: линіи силъ, испускаемыя по всѣмъ направленіямъ всѣми центрами, понесутъ къ каждому центру вліянія всего матеріальнаго міра. Предположите монады: каждая монада, какъ думалъ Лейбницъ, будетъ зеркаломъ вселенной. Стало быть въ этомъ пунктѣ всѣ сходятся. Но если принять во вниманіе одно какое-нибудь мѣсто вселенной, можно сказать, что дѣйствіе всей матеріи проходитъ въ немъ безъ сопротивленія и безъ потери, и что фотографія цѣлаго въ немъ просвѣчивается: за стекломъ не хватаетъ чернаго экрана, на которомъ появилось бы изображеніе. Наши „зоны непредопредѣленности“ играютъ въ нѣкоторомъ родѣ роль экрана. Онѣ не прибавляютъ ничего къ тому, что есть; онѣ только пропускаютъ реальное дѣйствіе и задерживаютъ дѣйствіе виртуальное.

И это не гипотеза. Мы ограничиваемся лишь формулировкой данныхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна теорія воспріятія. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ психологъ не начнетъ изученія внѣшняго воспріятія, не принявъ по крайней мѣрѣ возможности матеріальнаго міра, т. е. въ сущности возможнаго воспріятія всякихъ вещей. Изъ этой возможной матеріальной массы выдѣлятъ особый предметъ, который я называю своимъ тѣломъ, и въ немъ воспринимающіе центры: мнѣ покажутъ импульсъ, приходящій изъ какой нибудь точки пространства, проходящій по нервамъ и достигающій центровъ. Но здѣсь совершается нѣчто неожиданное. Матеріальный міръ окружавшій тѣло, тѣло заключавшее мозгъ, мозгъ, гдѣ отличали центры,—все это сразу устраняется; точно по мановенію волшебнаго жезла заставляютъ появиться, какъ вещь совершенно новую, представленіе о томъ, что было принято съ

самаго начала. Это представленіе выдвигаютъ за предѣлы пространства, чтобы оно не имѣло уже ничего общаго съ матеріей, отъ которой исходило: что касается матеріи, безъ нея очень желали бы обойтись, но этого сдѣлать нельзя, потому что явленія ея связаны между собою столь строгимъ порядкомъ, столь безразличнымъ къ избираемой точкѣ отправленія, что эта правильность и это безразличіе въ самомъ дѣлѣ образуютъ независимое существованіе. Поневолѣ приходится сохранить призракъ матеріи; зато ее лишаютъ всѣхъ качествъ, дающихъ жизнь. Въ безформенномъ пространствѣ выкраиваютъ движущіяся фигуры; или (что сводится почти къ тому же) выдумываютъ количественныя отношенія, сочетающіяся между собою, и функціи, которыя, эволюируя, развиваютъ свое содержаніе: тогда представленіе, со включенными въ него останками матеріи, свободно развернется въ непротяженномъ сознаніи. Но недостаточно кроить, надо и шить. Надо объяснить, какъ качества, которыя вы отдѣлили отъ ихъ матеріальной подкладки, соединятся съ нею вновь. Каждый аттрибутъ удаляемый вами изъ матеріи расширяетъ промежутокъ между представленіемъ и его объектомъ. Если вы сдѣлаете матерію непротяженной, какъ пріобрѣтетъ она протяженность? Если вы сведете ее къ однородному движенію, откуда возникнетъ качество? А главное, какъ представить себѣ отношеніе между вещью и образомъ, между матеріей и мыслью, если согласно опредѣленію каждое изъ этихъ двухъ понятій обладаетъ только тѣмъ, чего нѣтъ у другого? Затрудненія при этомъ будутъ возникать на каждомъ шагу, и всякое усиліе ваше отстранить одно изъ нихъ вызоветъ только новыя затрудненія. Чего же мы требуемъ отъ васъ? Простого отказа отъ взмаха волшебнаго жезла и продолженія, первоначально взятаго пути. Вы показали намъ внѣшніе образы, достигающіе ор-

гановъ чувствъ, производящіе измѣненія въ нервахъ, проводящіе свое вліяніе до мозга. Идите до конца. Движеніе пройдетъ сквозь мозговое вещество, пробудетъ тамъ и тогда перейдетъ въ волевой актъ. Вотъ весь механизмъ воспріятія. Что касается самого воспріятія, какъ образа, вамъ нечего описывать его генезисъ, потому что вы приняли его сначала, и не могли не принять его; принявъ мозгъ, принявъ малѣйшую частицу матеріи, развѣ вы не приняли тѣмъ самымъ цѣлокупности образовъ? Итакъ, вамъ слѣдуетъ объяснить не то, какъ зарождается воспріятіе, но какъ оно себя ограничиваетъ, ибо оно должно быть образомъ всего, а на самомъ дѣлѣ сводится къ тому, что́ васъ интересуетъ. Но если оно отличается отъ образа, какъ такового именно тѣмъ, что части его устанавливаются въ соотношеніи съ какимъ то измѣнчивымъ центромъ, то ограниченіе это легко понять: неопредѣленное въ принципѣ, оно сводится на самомъ дѣлѣ къ изображенію той доли неопредѣленности, которая предоставлена поступкамъ особаго образа, называемаго нашимъ тѣломъ. Съ другой стороны, непредопредѣленность движеній тѣла, какъ результатъ строенія сѣраго вещества мозга, даетъ точную мѣру протяженности нашего воспріятія. Нечего, стало быть, и удивляться, если все происходитъ такъ, какъ будто наше воспріятіе вытекаетъ изъ внутреннихъ движеній мозга и какъ бы исходитъ изъ корковыхъ центровъ. Исходить изъ нихъ оно не можетъ, потому что мозгъ есть образъ, какъ всякій другой, окутанный массой другихъ образовъ, и было бы нелѣпо думать, что содержащее можетъ исходить изъ содержимаго. Но такъ какъ строеніе мозга даетъ подробный планъ движеній, изъ которыхъ вы можете выбирать любое, такъ какъ, съ другой стороны, часть внѣшнихъ образовъ, какъ бы возвращающаяся къ себѣ для обра-

зованія воспріятія, рисуетъ какъ разъ всѣ тѣ точки во вселенной, которыхъ эти движенія могутъ достигать, то сознательное воспріятіе и мозговыя измѣненія строго другъ другу соотвѣтствуютъ. Обоюдная зависимость этихъ двухъ понятій происходитъ просто отъ того, что оба они функціи третьяго, именно непредопредѣленности воленія.

Возьмемъ, напр., свѣтовую точку P, лучи которой дѣйствуютъ на различныя точки сѣтчатки a, b, c. Въ этой точкѣ P наука локализуетъ колебанія извѣстной амплитуды и изѣстной длительности. Въ той же точкѣ P сознаніе воспринимаетъ свѣтъ. Мы намѣрены показать въ дальнѣйшемъ изложеніи, что и то и другое правильно, что нѣтъ существенной разницы между этимъ свѣтомъ и этими движеніями, если этому движенію будутъ приписаны единство, нераздѣльность и качественная разнородность, которыя отрицаются абстрактной механикой, и если эти чувственныя качества будутъ разсматриваться какъ с о к р а щ е н і я, производимыя нашею памятью: знаніе и сознаніе совпадутъ тогда въ мгновенномъ. Ограничимся пока, не углубляя смысла словъ, утвержденіемъ, что точка P посылаетъ къ сѣтчаткѣ свѣтовыя колебанія. Что произойдетъ? Если бы зрительный образъ точки P не былъ данъ, пришлось бы изслѣдовать, какъ онъ образуется, и мы скоро остановились бы передъ неразрѣшимой задачей. Но такъ или иначе его нельзя не принять сначала: единственнымъ вопросомъ, стало быть, является, зачѣмъ и какъ этотъ образъ в ы б р а н ъ, чтобы стать частью моего воспріятія, въ то время какъ безконечное множество другихъ образовъ остается изъ него исключеннымъ. Но я вижу, что эти колебанія, переданныя отъ точки P къ различнымъ тѣльцамъ сѣтчатки, проводятся къ подкорковымъ и корковымъ оптическимъ центрамъ, часто также и къ другимъ центрамъ, и что центры эти то передаютъ ихъ двигательнымъ механизмамъ,

то временно задерживаютъ ихъ. Стало быть полученный импульсъ становится дѣйственнымъ именно благодаря заинтересованнымъ нервнымъ элементамъ, которые символизируютъ непредопредѣленность воленія; отъ ихъ цѣлостности эта непредопредѣленность зависитъ; и вслѣдствіе этого всякое пораженіе этихъ элементовъ, уменьшая наше возможное дѣйствіе, уменьшитъ настолько же наше воспріятіе. Другими словами, если въ матеріальномъ мірѣ существуютъ точки, гдѣ полученныя колебанія не передаются механически, если существуютъ, какъ было сказано, зоны непредопредѣленности, эти зоны должны встрѣчаться именно на пути того, что называютъ сенсорно-моторнымъ процессомъ; въ такомъ случаѣ все должно произойти такъ, какъ будто лучи Pa, Pb, Pc были воспринятыи вдоль этого пути и проицированы затѣмъ въ P. Болѣе того, если эта непредопредѣленность ускользаетъ отъ опыта и вычисленія, нельзя того же сказать про нервные элементы, которыми впечатлѣніе получается и передается. Физіологи и психологи должны, значитъ, заняться этими элементами; по нимъ установятся и ими объяснятся всѣ подробности внѣшняго воспріятія. Можно будетъ, пожалуй, сказать, что раздраженіе, пройдя по пути этихъ элементовъ, достигнувъ центра, обращается тамъ въ сознательный образъ, который затѣмъ выявляется въ точкѣ P. Но употреблять такія выраженія значитъ просто подчиняться требованіямъ научнаго метода, а совсѣмъ не описывать реальный процессъ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ непротяженнаго образа, который образовался бы въ сознаніи и отбросился бы затѣмъ въ P. Въ дѣйствительности же точка P, лучи ею испускаемые, сѣтчатка и нервные элементы образуютъ солидарное цѣлое, свѣтовая точка P составляетъ часть этого цѣлаго, и именно въ P, а не въ какомъ другомъ мѣстѣ, образуется и воспринимается образъ P.

Представляя себѣ вещи въ такомъ видѣ, мы только возвращаемся къ наивному убѣжденію здраваго смысла. Мы всѣ начали съ вѣры, что мы проникаемъ въ самый предметъ, что мы воспринимаемъ его въ немъ, а не въ себѣ. Если психологъ пренебрегаетъ столь простой, столь близкой къ реальному мыслью, то потому, что внутри-мозговой процессъ, эта минимальная часть воспріятія, кажется ему эквивалентомъ всего воспріятія. Уничтожьте воспринимаемый предметъ, сохранивъ этотъ внутренній процесъ, ему покажется, что образъ предмета остался. Это легко объясняется: есть много состояній, каковы галлюцинація и сновидѣніе, при которыхъ возникаютъ образы, во всемъ сходные съ внѣшнимъ воспріятіемъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ предметъ исчезъ, а мозгъ остался, то заключаютъ, что мозгового процеса достаточно для образованія образа. Но не надобно забывать, что во всѣхъ психологическихъ состояніяхъ этого рода первую роль играетъ память. Дальше мы постараемся показать, что, если принять воспріятіе какъ мы его понимаемъ, то память должна возникнуть, и что не въ состояніи мозга заключается реальное и полное условіе памяти, какъ и самаго воспріятія. Не приступая пока, къ разсмотрѣнію этихъ двухъ пунктовъ, ограничимся приведеніемъ очень простого наблюденія, къ тому же не новаго. У многихъ слѣпорожденныхъ зрительные центры цѣлы: между тѣмъ они живутъ и умираютъ никогда не образовавъ зрительнаго образа. Такой образъ можетъ появиться только, если внѣшній предметъ хоть однажды сыгралъ свою роль: слѣдственно онъ долженъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, дѣйствительно войти въ представленіе. Въ настоящее время намъ не надобно ничего другого, потому что насъ занимаетъ здѣсь только чистое воспріятіе, а не воспріятіе осложненное памятью. Откиньте же вкладъ памяти, возьмите вос-

пріятіе какъ бы въ сыромъ видѣ, и вамъ придется признать, что безъ предмета нѣтъ образа. Но какъ только вы присоединяете къ внутримозговымъ процессамъ внѣшній предметъ, ихъ причиняющій, мнѣ ясно, что образъ этого предмета данъ съ нимъ и въ немъ, но мнѣ совсѣмъ не ясно, какъ можетъ онъ возникнуть изъ мозговыхъ процессовъ.

Когда поврежденіе нервовъ или центровъ прерываетъ путь нервнаго импульса, воспріятіе соотвѣтственно уменьшается. Надо ли этому удивляться? Роль нервной системы въ томъ, чтобъ использовать этотъ импульсъ, чтобы обратить его въ практическіе поступки, реально или виртуально выполненные. Если раздраженіе болѣе не проходитъ по той или другой причинѣ, было бы странно, еслибъ соотвѣтственное воспріятіе все же происходило, ибо воспріятіе это привело бы тогда наше тѣло въ сообщеніе съ точками пространства, которыя болѣе не призываютъ его къ выбору. Перерѣжьте зрительный нервъ у животнаго; колебаніе исходящее изъ свѣтовой точки не передается болѣе мозгу и оттуда двигательнымъ нервамъ; нить, связывавшая внѣшній предметъ съ двигательными механизмами животнаго, включая зрительный нервъ, порвана: зрительное воспріятіе стало безсильнымъ и въ этомъ безсиліи именно и состоитъ безсознательность. Что матерія можетъ быть воспринята безъ помощи нервной системы, безъ органовъ чувствъ, это теоретически мыслимо; но это невозможно практически, потому что подобное воспріятіе ни для чего не нужно. Оно было бы свойственно призраку, а не существу живому, то есть дѣйствующему. Живое тѣло представляютъ себѣ какъ царство въ царствѣ, нервную систему какъ особое существо, функція котораго состоитъ въ выработкѣ воспріятія и затѣмъ въ созданіи движеній. На самомъ же дѣлѣ, моя нервная сис-

тема, поставленная между предметами, приводящими въ колебаніе мое тѣло, и тѣми, на которые я могу вліять, играетъ роль простого проводника: оно передаетъ, распредѣляетъ и задерживаетъ движеніе. Это проводникъ изъ огромнаго множества нитей, натянутыхъ отъ периферіи къ центру и отъ центра къ периферіи. Сколько нитей идетъ отъ периферіи къ центру, столько же точекъ въ пространствѣ способныхъ возбуждать мою волю и, такъ сказать, ставить элементарный вопросъ моей двигательной дѣятельности: каждый поставленный вопросъ и есть именно то, что называется воспріятіемъ. Воспріятіе лишается одного изъ своихъ элементовъ всякій разъ, какъ перерѣзана одна изъ такъ называемыхъ чувствительныхъ нитей, потому что въ такомъ случаѣ какая-нибудь часть внѣшняго предмета становится безсильной призывать дѣятельность, а также и всякій разъ, какъ пріобрѣтена стойкая привычка, потому что въ этомъ случаѣ готовый отвѣтъ дѣлаетъ вопросъ безполезнымъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ исчезаетъ кажущееся отраженіе колебанія назадъ, возвращеніе свѣта къ образу, отъ котораго онъ исходитъ, или, скорѣе, то расчлененіе и то различеніе, которое извлекаетъ воспріятія изъ образа. Можно, стало быть, сказать, что особенности воспріятія точно соотвѣтстуютъ особенностямъ нервовъ называемыхъ чувствительными, но что настоящій смыслъ воспріятія, въ цѣломъ, заключается въ стремленіи тѣла двигаться.

Въ этомъ вопросѣ иллюзія возникаетъ обыкновенно отъ кажущейся незаинтересованности нашихъ движеній къ вызывающему ихъ возбужденію. Кажется, будто движеніе моего тѣла для достиженія или измѣненія какого нибудь предмета будетъ одинаково, указано ли мнѣ существованіе этого предмета слухомъ, зрѣніемъ или осязаніемъ. Моя двигательная дѣятельность становится тогда отдѣльной сущ-

ностью, родомъ резервуара, изъ котораго движеніе выходитъ по желанію, всегда одинаковое для одного и того же дѣйствія, каковъ бы ни былъ родъ образа, побуждающаго къ дѣйствію. Но на самомъ дѣлѣ характеръ движеній, тождественный съ внѣшней стороны, измѣняется внутренно, смотря по тому отвѣчаютъ ли они на зрительное, на осязательное или на слуховое впечатлѣніе. Я вижу въ пространствѣ множество предметовъ; каждый изъ нихъ, какъ зримая форма, вызываетъ мою дѣятельность. Я внезапно теряю зрѣніе. Несомнѣнно я располагаю тѣмъ же количествомъ и тѣмъ же качествомъ движеній въ пространствѣ, но движенія эти не могутъ уже быть координированы со зрительными впечатлѣніями; они принуждены будутъ отнынѣ слѣдовать, напримѣръ, за осязательными впечатлѣніями, и въ мозгу, безъ сомнѣнія, начертается новое расположеніе; протоплазматическіе отростки двигательныхъ нервныхъ элементовъ въ корковомъ слоѣ будутъ находиться теперь въ соотношеніи съ гораздо меньшимъ числомъ тѣхъ нервныхъ элементовъ, называемыхъ сенсоріальными. Дѣятельность моя, слѣдовательно, въ дѣйствительности уменьшена въ томъ смыслѣ, что если я и могу производить тѣ же движенія, то предметы даютъ мнѣ къ этому менѣе поводовъ. И слѣдовательно, основнымъ и глубокимъ послѣдствіемъ внезапнаго пресѣченія оптической проводимости является уничтоженіе части призывовъ къ моей дѣятельности: между тѣмъ этотъ призывъ, какъ мы видѣли, и есть само воспріятіе. Здѣсь мы вплотную подходимъ къ ошибкѣ тѣхъ, которые считаютъ, что воспріятіе зарождается изъ самого сенсоріальнаго импульса, а не изъ вопроса, обращеннаго къ нашей двигательной активности. Они отдѣляютъ эту двигательную активность отъ процесса воспріятія, и такъ какъ кажется, что она переживаетъ уничтоженіе воспріятія, они заключаютъ, что воспріятіе локализовано въ такъ

называемыхъ сенсоріальныхъ нервныхъ элементахъ Но на самомъ дѣлѣ оно ни въ сенсоріальныхъ центрахъ, ни въ двигательныхъ центрахъ; она соотвѣтсвуетъ многообразію ихъ отношеній и существуетъ тамъ, гдѣ появляется.

Психологи, изучавшіе дѣтскій возрастъ, знаютъ, что представленіе наше вначалѣ безлично. Только мало по малу благодаря индукціи оно принимаетъ наше тѣло за центръ и становится нашимъ представленіемъ. Механизмъ этого процесса понять легко. По мѣрѣ того какъ тѣло мое передвигается въ пространствѣ, всѣ другіе образы измѣняются; образъ моего тѣла наоборотъ, остается неизмѣннымъ. Мнѣ приходится, стало быть, сдѣлать его центромъ, къ которому я отнесу всѣ другіе образы. Моя вѣра во внѣшній міръ не происходитъ и не можетъ происходить изъ того, что я проицирую внѣ себя непротяженныя ощущенія: какъ могутъ эти ощущенія пріобрѣсти протяженность, и откуда могу я получить понятіе о внѣшнемъ? Но если принять, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, что совокупность образовъ дана вначалѣ, то я отлично понимаю, какъ мое тѣло въ концѣ концовъ займетъ въ этой совокупности привилегированное положеніе. Я понимаю также, какъ зарождается понятіе о внутреннемъ и о внѣшнемъ, которое сперва есть только различеніе моего тѣла отъ остальныхъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите мое тѣло за исходную точку, что обыкновенно и дѣлаютъ; вы никогда не сможете заставить меня понять, какъ впечатлѣнія, полученныя на поверхности моего тѣла и касающіяся только этого тѣла, становятся для меня независимыми предметами и образуютъ внѣшній міръ. Наоборотъ, дайте мнѣ образы вообще,—и тѣло мое непремѣнно выдѣлится среди нихъ какъ нѣчто особое потому что образы непрестанно измѣняются, а оно остается неизмѣннымъ. Такъ различіе

внутренняго и внѣшняго сведется къ различенію части отъ цѣлаго. Прежде всего имѣется совокупность образовъ; въ этой совокупности есть „центры дѣйствія“, отъ которыхъ какъ бы отражаются интересующіе насъ образы; такъ рождаются воспріятія и подготовляются дѣйствія. Мое тѣло есть то, что вырисовывается въ центрѣ этихъ воспріятій; моя личность — существо, къ которому надо относить эти дѣйствія. Все становится ясно, если идти такимъ путемъ отъ периферіи представленія къ центру, какъ дѣлаетъ ребенокъ, какъ намъ указываетъ непосредственный опытъ и здравый смыслъ. Наоборотъ, все затемняется и проблемы умножаются, если мы послѣдуемъ за теоретиками отъ центра къ периферіи. Откуда возникаетъ тогда идея о внѣшнемъ мірѣ, искусственно построенномъ часть за частью при помощи непротяженныхъ ощущеній? какъ они могутъ образовать протяженную поверхность? какъ могутъ они затѣмъ проицироваться изъ нашего тѣла наружу? Зачѣмъ желаютъ, чтобъ я шелъ, противъ всѣхъ видимостей, отъ моего сознательнаго Я къ моему тѣлу, затѣмъ отъ моего тѣла къ другимъ тѣламъ, тогда какъ я сразу становлюсь въ матеріальный міръ вообще, чтобы потомъ постепенно отграничить этотъ центръ дѣйствія, который назовется моимъ тѣломъ, и различить его такимъ путемъ отъ всѣхъ другихъ тѣлъ? Въ этомъ вѣрованіи въ первоначальную непротяженность нашего внѣшняго воспріятія соединено столько иллюзій, въ мысли, что мы проицируемъ внѣ насъ чисто внутреннія состоянія, столько недоразумѣній, столько ошибочныхъ отвѣтовъ на дурно поставленные вопросы, что мы не надѣемся сразу пролить на все это свѣтъ. Мы полагаемъ, что онъ прольется мало по малу по мѣрѣ того, какъ мы яснѣе покажемъ за этими иллюзіями метафизическое смѣшеніе нераздѣльнаго протяженія и однороднаго пространства, психологическое смѣшеніе „чистаго воспріятія“ и памяти.

Но кромѣ того все это имѣетъ соотношеніе съ реальными фактами, на которые мы можемъ указать сейчасъ же, чтобы внести поправку въ ихъ объясненіе.

Первымъ изъ этихъ фактовъ будетъ необходимость воспитанія нашихъ чувствъ. Ни зрѣніе, ни осязаніе не могутъ сразу локализировать свои впечатлѣнія. Необходимъ цѣлый рядъ сближеній и индукцій, при помощи которыхъ мы мало по малу координируемъ наши впечатлѣнія между собою. Отсюда перескакиваютъ къ идеѣ объ ощущеніяхъ, непротяженныхъ по существу, которыя, прилагаясь одно къ другому, образуютъ протяженіе. Но кто не видитъ, что и въ гипотезѣ, на которую мы стали, наши чувства все же нуждаются въ воспитаніи,—не для того, конечно, чтобы согласоваться съ вещами, а для того, чтобы согласоваться между собою? Среди всѣхъ образовъ вотъ образъ, который я называю своимъ тѣломъ; виртуальное дѣйствіе его выражается въ кажущемся отраженіи отъ него окружающихъ образовъ обратно на самихъ себя. Сколько возможныхъ дѣйствій имѣется для моего тѣла, столько же различныхъ системъ отраженія для другихъ тѣлъ, и каждая изъ этихъ системъ будетъ соотвѣтствовать одному изъ моихъ чувствъ. Мое тѣло является, стало быть, какъ бы образомъ, отражающимъ другіе образы и анализирующихъ ихъ съ точки зрѣнія различныхъ воздѣйствій на нихъ. И вслѣдствіе этого каждое изъ качествъ, воспринятыхъ разными моими чувствами въ одномъ и томъ же предметѣ, символизируетъ нѣкоторое направленіе моей дѣятельности, нѣкоторую потребность. Соединеніе всѣхъ этихъ воспріятій тѣла разными органами чувствъ, дастъ ли оно полный образъ этого тѣла? Безъ ссмнѣнія нѣтъ, потому что онѣ взяты изъ цѣлокупности. Воспринимать всѣ вліянія, со всѣхъ точекъ всѣхъ тѣлъ, значило бы снизойти до состоянія матеріальнаго предмета. Воспринимать сознательно—

значитъ выбирать, и сознаніе состоитъ прежде всего въ этомъ практическомъ различеніи. Различныя воспріятія одного и того же предмета, даваемыя различными органами чувствъ, не возстановятъ, слѣдовательно, полнаго образа предмета; онѣ будутъ отдѣлены промежутками, соотвѣтствующими какъ бы пробѣламъ въ моихъ потребностяхъ: воспитаніе чувствъ необходимо именно для заполненія этихъ промежутковъ. Это воспитаніе имѣетъ цѣлью гармонизировать мои чувства, возстановить между ихъ данными непрерывность, которая была нарушена именно прерывностью потребностей моего тѣла, наконецъ возстановитъ матеріальный предметъ приблизительно въ его цѣломъ. Такъ объяснится, при нашей гипотезѣ, необходимость воспитанія чувствъ. Сравнимъ это объясненіе съ предъидущимъ. Въ первомъ объясненіи непротяженныя ощущенія зрѣнія соединятся съ непротяженными ощущеніями осязанія и другихъ чувствъ, и синтезомъ своимъ дадутъ идею матеріальнаго предмета. Но прежде всего непонятно, какъ эти ощущенія пріобрѣтутъ протяженность, и—разъ протяженность въ принципѣ будетъ пріобрѣтена—станетъ особенно непонятнымъ фактическое предпочтеніе того или иного изъ этихъ ощущеній какой-нибудь точкѣ пространства. Кромѣ того можно спросить себя, какимъ счастливымъ сочетаніемъ, въ силу какой предустановленной гармоніи, эти ощущенія различныхъ родовъ будутъ координироваться между собою, чтобы образовать стойкій отвердѣвшій предметъ, согласный съ моимъ опытомъ и опытомъ всѣхъ людей, подчиненный въ отношеніи другихъ предметовъ, тѣмъ непреклоннымъ правиламъ, которыя называются законами природы. Во второмъ объясненіи, наоборотъ, „данныя нашихъ различныхъ органовъ чувствъ“ являются качествами вещей, воспринятыхъ сначала скорѣе въ нихъ, чѣмъ въ насъ: удивительно-ли, что они возсоеди-

няются, разъ ихъ разъединила одна только абстракція? Въ первой гипотезѣ матеріальный предметъ не соотвѣтствуетъ ничему изъ того, что мы видимъ: съ одной стороны поставятъ сознательное начало съ чувственными качествами, съ другой стороны матерію, о которой ничего нельзя сказать и которую опредѣляютъ отрицаніями, ибо у нея сначала отняли все, чѣмъ она себя обнаруживаетъ. При второй гипотезѣ возможно все болѣе и болѣе углубленное знаніе матеріи. Намъ не только не приходится отбрасывать что-либо подмѣченное, но, наоборотъ, мы должны сближать всѣ чувственныя качества, находить въ нихъ сродство, возстановлять ихъ непрерывность, нарушенную нашими потребностями. Наше воспріятіе матеріи тогда уже не относительно и не субъективно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ и оставляя въ сторонѣ, какъ мы увидимъ дальше, чувства и особенно память; оно просто расчленено многообразностью нашихъ потребностей. — Въ первой гипотезѣ, духъ также непознаваемъ, какъ и матерія, такъ какъ ему приписывается неопредѣлимая способность вызывать ощущенія,—неизвѣстно откуда,— и проицировать ихъ—неизвѣстно зачѣмъ—въ пространство, гдѣ они образуютъ тѣла. Во второй гипотезѣ, роль сознанія опредѣлена ясно: сознаніе означаетъ возможное дѣйствіе; и формы пріобрѣтенныя духомъ, тѣ, которыя заслоняютъ для насъ его сущность, должны быть устранены при свѣтѣ этого второго принципа. Такимъ образомъ, при нашей гипотезѣ рисуется возможность яснѣе различить духъ и матерію и затѣмъ сблизить ихъ. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ первый пунктъ и перейдемъ ко второму.

Второй фактъ, на который ссылаются, это то, что долго называлось „специфической энергіей нервовъ“. Извѣстно, что раздраженіе оптическаго нерва внѣшнимъ ударомъ или электрическимъ токомъ дастъ зрительное ощущеніе, что

тотъ же электрическій токъ, проходя черезъ акустическій нервъ или язычно-глоточный, произведетъ вкусовое ощущеніе или заставитъ услышать звукъ. Изъ этихъ весьма частныхъ фактовъ переходятъ къ двумъ весьма общимъ законамъ, что различныя причины, дѣйствуя на одинъ и тотъ же нервъ, производятъ одинаковыя ощущенія, что одна и та же причина, дѣйствуя на различные нервы, вызываетъ различныя ощущенія. А изъ этихъ законовъ заключаютъ, что ощущенія наши просто сигналы, что роль каждаго изъ органовъ чувствъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы переводить на свой собственный языкъ однородныя и механическія движенія, совершающіяся въ пространствѣ. Отсюда, наконецъ, идея расчленить наше воспріятіе на двѣ части, уже неспособныя къ возсоединенію: съ одной стороны однородныя движенія въ пространствѣ, съ другой— непротяженныя ощущенія въ сознаніи. Намъ не надо входить въ разборъ физіологическихъ проблемъ, поднимаемыхъ объясненіемъ этихъ двухъ законовъ: какъ бы эти законы ни понимались, будутъ-ли приписывать специфическую энергію нервамъ, будутъ-ли относить ее къ центрамъ, всегда натолкнутся на непреодолимыя трудности.

Но самые эти законы становятся все болѣе и болѣе проблематичными. Уже Лотце подозрѣвалъ, что они невѣрны. Для признанія ихъ онъ желалъ, „чтобы звуковыя волны дали глазу ощущеніе свѣта, или чтобы свѣтовыя колебанія заставили ухо услышать звукъ [1])“. Вѣрно то, что всѣ приводимые факты, повидимому, сводятся къ одному типу: единственный возбудитель, способный производить различныя ощущенія, многочисленные возбудители способные породить одно и то же ощущеніе суть или электрическій токъ или механическая причина, могущая вызвать въ органѣ

---

[1]) Lotze, Métaphysique, стр. 526 и слѣд.

измѣненіе электрическаго равновѣсія. Тогда можно спросить, не содержитъ ли электрическое возбужденіе различные составные элементы, отвѣчающіе объективно разнаго рода ощущеніямъ и не сводится ли роль каждаго чувства къ простому извлеченію изъ цѣлаго одной составной части, его интересующей: тогда именно одни и тѣ же возбуженія давали бы одинаковыя ощущенія, и различныя возбужденія давали бы разныя. Точнѣе говоря, трудно предположить, чтобы электризація языка, напримѣръ, не вызывалахимическихъ измѣненій, а вѣдь эти измѣненія мы и называемъ вкусовыми ощущеніями. Съ другой стороны, если физикъ могъ отождествить свѣтъ съ электро-магнитной пертурбаціей, можно наоборотъ сказать, что то, что онъ называетъ электромагнитной пертурбаціей и есть свѣтъ, такъ что зрительный нервъ дѣйствительно объективно воспринимаетъ свѣтъ при электризаціи. Ни для одного органа чувствъ доктрина специфической энергіи не была, казалось, прочнѣе установлена, чѣмъ для слуха: и нигдѣ реальное существованіе воспринимаемой вещи не сдѣлалось болѣе вѣроятнымъ. Мы не будемъ настаивать на этихъ фактахъ, потому что изложеніе ихъ и обстоятельное обсужденіе желающіе найдутъ въ одномъ недавно появившемся трудѣ[1]). Ограничимся замѣчаніемъ, что ощущенія, о которыхъ идетъ рѣчь, не суть образы воспринятые нами внѣ нашего тѣла, но скорѣе чувства, локализованные въ самомъ нашемъ тѣлѣ. Между тѣмъ изъ природы и назначенія нашего тѣла вытекаетъ, какъ мы увидимъ, что всякій изъ его такъ называемыхъ чувствительныхъ элементовъ имѣетъ свое собственное, реальное дѣйствіе, которое должно быть того же рода, какъ его виртуальное дѣйствіе на внѣшніе предметы, имъ обычно воспринимаемые, такимъ образомъ стало бы понятно, почему

[1]) Schwarz, Das Wahrnemungsproblem, Leipzig 1892 стр. 313 и слѣд.

всякій чувствительный нервъ, повидимому, вибрируетъ соотвѣтственно опредѣленному виду ощущенія. Но чтобы выяснить этотъ пунктъ, слѣдуетъ углубиться въ сущность чувства. Этимъ самымъ мы приходимъ къ третьему и послѣднему аргументу, который мы хотѣли разобрать.

Этотъ третій аргументъ черпается изъ перехода незамѣтными ступенями отъ пространственныхъ представленій къ чувственному состоянію, кажущемуся непротяженнымъ. Изъ этого заключаютъ о естественной и необходимой непротяженности всякаго ощущенія; протяженіе прибавляется къ ощущенію, и процессъ воспріятія состоитъ въ экстеріоризаціи внутреннихъ состояній. На самомъ дѣлѣ психологъ исходитъ изъ своего тѣла, и такъ какъ впечатлѣнія, получаемыя на периферіи этого тѣла, кажутся ему достаточными для возстановленія всего матеріальнаго міра, онъ сначала сводитъ вселенную къ своему тѣлу. Но это первое положеніе не защитимо; его тѣло не имѣетъ и не можетъ имѣть ни большей, ни меньшей реальности, чѣмъ всѣ остальныя тѣла. Надо, стало быть, идти дальше, примѣнить принципъ до конца и, сжавъ вселенную до поверхности живого тѣла, сжать самое тѣло до единаго центра, который надо, въ концѣ концовъ, признать лишеннымъ протяженія. Тогда отъ этого центра должны будутъ исходить непротяженныя ощущенія, которыя, какъ бы взбухнутъ, выростутъ и дадутъ сперва наше протяженное тѣло, потомъ всѣ остальные матеріальные предметы. Но это странное предположеніе было бы не возможно, если бы между протяженными образами и непротяженными идеями не существовало ряда промежуточныхъ, болѣе или менѣе смутно локализованныхъ чувственныхъ состояній. Нашъ разумъ уступая привычной иллюзіи, ставитъ дилемму: всякая вещь или протяженна, или непротяженна; и такъ какъ чувственное состояніе смутно соприкасается съ протяжен-

ностью, неясно локализовано, то онъ заключаетъ, что состояніе это абсолютно непротяженно. Но въ такомъ случаѣ послѣдовательныя степени протяженности, и сама протяженность, объясняются какимъ то пріобрѣтеннымъ свойствомъ непротяженныхъ состояній; исторія воспріятія станетъ исторіей внутреннихъ и непротяженныхъ состояній, которыя пріобрѣтаютъ протяженность и проицируются наружу. Выражаясь иначе, можно сказать, что нѣтъ такого воспріятія, которое не могло бы усиленіемъ дѣйствія своего объекта на наше тѣло стать чувствомъ и въ частности болью. Такимъ образомъ незамѣтно переходятъ отъ прикосновенія булавки къ уколу. Наоборотъ уменьшающаяся боль мало помалу совпадаетъ съ воспріятіемъ ея причины и, такъ сказать, экстеріоризируется въ представленіе. Изъ этого, повидимому, ясно, что между чувствомъ и воспріятіемъ различіе лишь въ степени, а не по существу. Между тѣмъ первое тѣсно связано съ моимъ личнымъ существованіемъ: въ самомъ дѣлѣ, что станется съ болью отдѣленной объ субъекта, ее испытывающаго? Кажется такъ же должно обстоять дѣло и со второй: внѣшнее воспріятіе должно получаться чрезъ проицированіе чувства, ставшаго безвреднымъ, въ пространство. И реалисты, и идеалисты согласны въ этомъ. Идеалисты не видятъ ничего въ матеріальной вселенной кромѣ синтеза субъективныхъ и непротяженныхъ состояній; реалисты прибавляютъ, что за этимъ синтезомъ стоитъ независимая реальность, которая ему соотвѣтствуетъ; но и тѣ и другіе, исходя изъ постепеннаго перехода отъ чувства къ представленію, заключаютъ что представленіе о матеріальной вселенной относительно, субъективно и что оно, такъ сказать, вышло изъ насъ, а не мы себя сначала выдѣлили изъ него.

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ этого сомнительнаго толкованія точнаго факта, покажемъ, что оно не толь-

ко не объясняетъ, но даже совсѣмъ не уясняетъ ни природы боли, ни природы воспріятія. Что чувственныя состоянія, существенно связанныя съ личностью, исчезающія, если я исчезаю, могутъ пріобрѣсти протяженность, занять опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, стать стойкимъ фактомъ опыта, всегда въ согласіи съ самимъ собою и съ опытомъ другихъ людей, просто вслѣдствіе уменьшенія своей интенсивности, — это намъ трудно понять. Какъ ни какъ придется, въ той или другой формѣ, признать за ощущеніями сперва протяженность, затѣмъ независимость, безъ которыхъ желали обойтись. Но съ другой стороны и чувство при этой гипотезѣ не яснѣе, чѣмъ представленіе. Если непонятно, почему чувства, уменьшаясь въ интесивности, становятся представленіями, то не болѣе понятно, почему то же явленіе, данное сперва какъ воспріятіе, дѣлается чувствомъ отъ усиленія интенсивности. Въ боли есть нѣчто положительное и активное, чего не объяснишь, сказавъ съ нѣкоторыми философами, что она состоитъ изъ смутнаго представленія. Но не въ этомъ главная трудность. Что постепенное усиленіе возбудителя превращается наконецъ въ воспріятіе боли, это неоспоримо; вѣрно, тѣмъ не менѣе, что превращеніе это выступаетъ, начиная съ опредѣленнаго момента: почему именно съ этого момента, а не съ другого? и какова особая причина того, что явленіе, котораго я сперва былъ простымъ зрителемъ, вдругъ пріобрѣтаетъ для меня жизненный интересъ? Стало быть, при этой гипотезѣ, непонятно ни то, почему въ опредѣленный моментъ ослабленіе интесивности явленія даетъ ему право на протяженность и на кажущуюся независимость, ни почему усиленіе интенсивности создаетъ въ извѣстный моментъ новое свойство,—источникъ положительнаго дѣйствія, называемаго болью.

Вернемся теперь къ нашей гипотезѣ и покажемъ, какъ

въ опредѣленный моментъ чувство д о л ж н о выступить изъ образа. Мы поймемъ также, какъ совершается переходъ отъ воспріятія, имѣющаго протяженіе, къ чувству, которое считается непротяженнымъ. Но предварительно надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о реальномъ значеніи боли.

Когда постороннее тѣло прикасается къ одному изъ отростковъ амебы, этотъ отростокъ сокращается; стало быть, всякая часть протоплазматической массы одинаково способна получать возбужденіе и реагировать на него; здѣсь воспріятіе и движеніе сливаются въ одно свойство, въ сократимость. Но по мѣрѣ того какъ организмъ усложняется, работа раздѣляется, функціи дифференцируются и анатомическіе органы лишаются своей независимости. Въ организмѣ, подобномъ нашему, такъ называемыя чувствительныя волокна назначены исключительно для передачи возбужденій къ центральной области, откуда импульсъ передается двигательнымъ элементамъ. Повидиму волокна эти отказались отъ индивидуальной функціи чтобы принять участіе, въ качествѣ передовыхъ сторожей, въ дѣйствіяхъ всего тѣла. Тѣмъ не менѣе они и въ отдѣльности подвержены тѣмъ же разрушительнымъ вліяніямъ, которыя грозятъ организму въ его цѣломъ. Организмъ этотъ обладаетъ способностью передвигаться для избѣжанія опасности или для восполненія потерь, тогда какъ чувствительные элементы сохраняютъ относительную неподвижность, на которую обречены раздѣленіемъ труда. Такъ родится боль, которая по нашему мнѣнію есть не что иное, какъ усиліе поврежденнаго элемента возстановить прежній порядокъ вещей, это— родъ двигательной тенденціи въ чувствительномъ нервѣ. Всякая боль, слѣдовательно, должна сводиться къ усилію, и къ усилію безсильному. Всякая боль есть м ѣ с т н о е усиліе, и такая изоляція усилія и есть причина его безсилія, потому что организмъ, въ силу солидарности своихъ

частей, способенъ уже только къ обобщеннымъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе того также, что это усиліе мѣстное, боль совершенно не пропорціональна опасности, грозящей живому организму: опасность можетъ быть смертельная, а боль слабая; боль можетъ быть невыносима (какъ зубная боль), а опасность незначительна. Слѣдовательно есть, долженъ быть опредѣленный моментъ, когда боль наступаетъ:— когда затронутая часть организма вмѣсто того, чтобы принимать возбужденіе, его отталкиваетъ. Такимъ образомъ различіе между воспріятіемъ и чувствомъ не только въ степени, они различны по существу.

Мы разсматривали живое тѣло какъ родъ центра, отъ котораго отражается на окружающіе предметы дѣйствіе, оказываемое этими предметами на него: въ этомъ отраженіи состоитъ внѣшнее воспріятіе. Но центръ этотъ не математическая точка: это тѣло, подверженное, какъ всѣ тѣла въ природѣ, дѣйствію внѣшнихъ причинъ, грозящихъ ему разрушеніемъ. Мы видѣли, что оно сопротивляется вліянію этихъ причинъ. Оно не ограничивается отраженіемъ внѣшняго дѣйствія, оно борется и такимъ образомъ поглощаетъ нѣчто изъ этого дѣйствія. Въ этомъ источникъ чувства. Можно было бы сказать, пользуясь метафорой, что если воспріятіе соотвѣтствуетъ отражательной способности тѣла, чувства соотвѣтствуютъ его способности поглощенія.

Но это только метафора. Надобно разслѣдовать вещи ближе, ясно понять, что необходимость чувства вытекаетъ изъ существованія самого воспріятія. Воспріятіе, какъ мы его понимаемъ, показываетъ наше возможное дѣйствіе на вещи и тѣмъ самымъ также и возможное дѣйствіе вещей на насъ. Чѣмъ шире способность тѣла къ дѣйствію (она символизируется усложненіемъ нервной системы), тѣмъ обширнѣе поле, охватываемое воспріятіемъ. Разстоя-

ніе, отдѣляющее наше тѣло отъ воспринимаемаго предмета, стало быть дѣйствительно показываетъ большее или меньшее приближеніе опасности, большую или меньшую близость выполненія обѣщанія. Вслѣдствіе этого наше воспріятіе предмета, отличнаго отъ нашего тѣла, отдѣленнаго отъ него промежуткомъ, никогда не выражаетъ ничего кромѣ виртуальнаго дѣйствія. Но чѣмъ меньше становится разстояніе между этимъ предметомъ и нашимъ тѣломъ, другими словами, чѣмъ опасность становится грознѣе или обѣщаніе непосредственнѣе, тѣмъ болѣе виртуальное дѣйствіе стремится превратиться въ дѣйствіе реальное. Дойдите теперь до послѣдняго предѣла, предположите, что разстоянія уже нѣтъ, то есть, что воспринимаемый предметъ совпадаетъ съ нашимъ тѣломъ, другими словами, что наше собственное тѣло становится предметомъ воспріятія. Тогда это совершенно спеціальное воспріятіе выразитъ уже не виртуальное, а реальное дѣйствіе: именно въ этомъ и состоитъ чувство. Наши чувства, слѣдовательно, относятся къ нашимъ воспріятіямъ, какъ реальное дѣйствіе нашего тѣла къ его возможному или виртуальному дѣйствію. Его виртуальное дѣйствіе касается другихъ предметовъ и вырисовывается въ этихъ предметахъ; его реальное дѣйствіе касается его самого и вслѣдствіе этого вырисовывается въ немъ самомъ. Наконецъ, все произойдетъ такъ, какъ будто отъ дѣйствительнаго возврата реальныхъ или виртуальныхъ дѣйствій къ точкамъ ихъ приложенія или исхода внѣшніе образы оказались отраженными нашимъ тѣломъ въ окружающее его пространство, а реальныя дѣйствія задержаны имъ внутри его вещества. А поэтому его поверхность, общая граница внѣшняго и внутренняго, есть единственная часть протяженія, которая одновременно и воспринимается и чувствуется.

А это значитъ, что воспріятіе находится внѣ моего тѣла,

а мое чувство находится, наоборотъ, въ моемъ тѣлѣ. Внѣшніе предметы воспринимаются мною тамъ, гдѣ они находятся, въ нихъ самихъ, а не во мнѣ, точно также мои чувственныя состоянія испытываются тамъ, гдѣ они возникаютъ, т. е. въ опредѣленной точкѣ моего тѣла. Разсмотрите систему образовъ, которая называется матеріальнымъ міромъ; мое тѣло одинъ изъ нихъ. Вокругъ этого образа располагаются представленія, т. е. возможное вліяніе этого образа на другіе образы. Въ немъ происходитъ чувствованіе, т. е. его дѣйствительное усиліе надъ самимъ собою. Такова въ сущности разница, которую каждый изъ насъ естественно непосредственно установляетъ между образомъ и ощущеніемъ. Когда мы говоримъ, что образъ существуетъ внѣ насъ, мы подразумѣваемъ, что онъ внѣшній относительно нашего тѣла. Когда мы говоримъ объ ощущеніи какъ о внутреннемъ состояніи, мы хотимъ этимъ сказать, что оно возникаетъ въ нашемъ тѣлѣ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что цѣлокупность воспринятыхъ образовъ остается, даже если наше тѣло исчезнетъ, между тѣмъ какъ мы не можемъ уничтожить наше тѣло, не уничтожая нашихъ ощущеній.

Изъ этого мы усматриваемъ необходимость первой поправки къ нашей теоріи чистаго воспріятія. Мы разсуждали такъ, какъ будто наше воспріятіе есть часть образовъ, отдѣленная, какъ таковая, отъ ихъ субстанціи, какъ будто, выражая виртуальное дѣйствіе предмета на наше тѣло и нашего тѣла на предметъ, оно ограничивается отдѣленіемъ интересующаго насъ аспекта предмета отъ предмета въ его цѣломъ. Но надобно принимать во вниманіе, что тѣло наше не математическая точка въ пространствѣ, что его виртуальныя дѣйствія осложняются и пропитываются реальными дѣйствіями, или, другими словами, что нѣтъ воспріятія безъ чувства. Чувство, стало быть, есть то, что мы примѣши-

ваемъ изнутри нашего тѣла къ образу внѣшнихъ тѣлъ; это есть то, что надлежитъ прежде всего выключить изъ воспріятія, чтобы возстановить образъ въ чистомъ видѣ. Но психологъ, закрывающій глаза на основное различіе, на различіе функцій воспріятія и чувства (послѣднее объемлетъ реальное дѣйствіе, первая—дѣйствіе просто возможное) находитъ между ними разницу только въ степени. На основаніи того, что чувство неясно локализовано (вслѣдствіе скрытаго въ немъ неопредѣленнаго усилія), онъ объявляетъ его непротяженнымъ и считаетъ ощущеніе вообще простымъ элементомъ, изъ котораго путемъ сложенія мы получаемъ внѣшніе образы. Но дѣло въ томъ, что чувство не есть первичный матеріалъ, изъ котораго составляется воспріятіе, оно скорѣе примѣсь къ воспріятію.

Здѣсь мы замѣчаемъ корень ошибки, которая заставляетъ психолога разсматривать ощущеніе какъ не имѣющее протяженія, а воспріятіе какъ аггрегатъ ощущеній. Эта ошибка постепенно усиливается, какъ мы увидимъ, доводами, почерпнутыми изъ ложной концепціи о роли пространства и о природѣ протяженія. Но кромѣ того она имѣетъ за собою невѣрно истолкованные факты, которые надлежитъ теперь разсмотрѣть.

Прежде всего, локализація чувственнаго ощущенія въ опредѣленной части тѣла требуетъ, повидимому, настоящаго воспитанія. Проходитъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ ребенокъ научается тронуть пальцемъ ту самую точку кожи, гдѣ его укололи. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, но изъ него можно только заключить, что необходимо приноровиться къ координаціи болевыхъ впечатлѣній уколотой кожи съ впечатлѣніями мышечнаго чувства, управляющаго движеніями руки. Наши внутреннія чувства подобно нашимъ внѣшнимъ воспріятіямъ, подраздѣляются на различныя группы. Эти группы, какъ и группы воспріятій,

отдѣлены промежутками, воспитаніе заполняетъ эти промежутки. Изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобъ не было для каждаго рода чувствъ извѣстной непосредственной локализаціи,—особенности присущей ему. Пойдемъ дальше: если чувство сразу не имѣетъ этой особенности, оно не получитъ ее никогда. Воспитаніе можетъ только присоединить къ наличному чувственному ощущенію идею о возможномъ воспріятіи зрѣніемъ или осязаніемъ, такъ что опредѣленное чувство будетъ вызывать образъ воспріятія зрительнаго или осязательнаго, тоже опредѣленнаго. Надобно, стало быть, чтобы въ самомъ этомъ чувствѣ было нѣчто, что отличило бы его отъ чувствъ того же рода, что позволило бы отнести его скорѣе къ извѣстному возможному свидѣтельству зрѣнія или осязанія, чѣмъ ко всякому другому. Но не сказано ли этимъ, что чувство съ самаго начала, обладаетъ нѣкоторой протяженной опредѣленностью?

Ссылаются также на ошибочныя локализаціи, иллюзіи ампутированныхъ (ихъ слѣдовало бы подвергнуть новому изслѣдованію). Но изъ этого нельзя вывести другого заключенія кромѣ того, что разъ полученное воспитаніе сохраняется и что данныя памяти, болѣе полезныя въ практической жизни, вытѣсняютъ данныя непосредственнаго сознанія. Въ цѣляхъ дѣйствія намъ необходимо переводить нашъ опытъ чувства на возможныя данныя зрѣнія, осязанія и мышечнаго чувства. Разъ этотъ переводъ сдѣланъ, оригиналъ блѣднѣетъ, но переводъ не былъ бы возможенъ безъ заранѣе даннаго оригинала, и если бы чувственное ощущеніе съ самаго начала не локализовалось собственной своей силой и на свой ладъ.

Психологу очень трудно принять эту идею здраваго смысла. Ему кажется, что воспріятіе могло бы находиться въ воспринимаемыхъ вещахъ только въ томъ случаѣ, если

бы сами вещи воспринимали, и точно также ощущеніе могло бы быть въ нервѣ, еслибы нервъ чувствовалъ: между тѣмъ нервъ очевидно не чувствуетъ. Тогда ощущеніе берутъ въ точкѣ, гдѣ его локализируетъ здравый смыслъ, извлекаютъ оттуда, приближаютъ къ мозгу, отъ котораго оно кажется зависитъ еще болѣе, чѣмъ отъ нерва; въ концѣ концовъ его помѣстятъ въ мозгу. Но скоро замѣчаютъ, что если оно не находится въ той точкѣ, въ которой, повидимому, происходитъ, оно не можетъ находиться и въ другомъ мѣстѣ; если его нѣтъ въ нервѣ, оно не будетъ и въ мозгу; ибо для того чтобы объяснить его проекцію отъ центра къ периферіи, необходима нѣкоторая сила, которую надо приписать болѣе или менѣе активному сознанію. Приходится идти дальше, заставить всѣ ощущенія сойтись въ мозговомъ центрѣ, потомъ вытолкнуть ихъ и изъ мозга и изъ пространства одновременно. Придется представить себѣ ощущенія совершенно лишенныя протяженности, а съ другой стороны пустое пространство, безразличное къ ощущеніямъ, которыя будутъ въ него проицироваться,—потомъ употребить всевозможныя усилія, чтобы объяснить, какъ эти непротяженныя ощущенія обрѣтаютъ протяженность и выбираютъ для своей локализаціи тѣ или иныя точки пространства. Но доктрина эта не только неспособна ясно показать, какимъ образомъ непротяженное пріобрѣтаетъ протяженность; при ней такъ же необъяснимы и чувство, и протяженность, и представленіе. При ней чувственныя состоянія должны быть даны какъ абсолюты, изъ которыхъ они неизвѣстно почему появляются и исчезаютъ въ сознаніи, въ тотъ или иной моментъ. Переходъ отъ чувства къ представленію остается тоже непроницаемой тайной, ибо, повторяемъ, во внутреннихъ, простыхъ и непротяженныхъ состояніяхъ нельзя найти причины, по которой они должны принять тотъ или иной, опредѣ-

ленный порядокъ въ пространствѣ. Наконецъ и самое представленіе надо будетъ принять какъ абсолютъ: не понятно ни его происхожденіе, ни его назначеніе.

Наоборотъ, все уясняется, если исходить изъ самого представленія, то-есть изъ совокупности воспринятыхъ образовъ. Мое воспріятіе, въ чистомъ состояніи, отдѣленное отъ памяти, не идетъ отъ моего тѣла къ другимъ тѣламъ: первоначально оно въ совокупности тѣлъ, потомъ мало по малу ограничивается и принимаетъ тѣло мое за центръ. Оно приводится къ этому опытомъ, обнаруживающимъ двойную способность этого тѣла—совершать дѣйствія и испытывать чувства, однимъ словомъ опытомъ сенсорно-моторной сцособности, привилегированнаго образа среди всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны этотъ образъ всегда занимаетъ центръ представленія, такъ что другіе образы разставляются вокругъ него именно въ томъ порядкѣ, въ которомъ они могутъ подвергаться его дѣйствію; съ другой стороны при посредствѣ чувствъ я въ немъ воспринимаю внутреннее, нутро, а не только одну поверхностную оболочку какъ въ другихъ образахъ. Въ совокупности образовъ существуетъ, стало быть, исключительный образъ, воспринимаемый въ его глубинахъ, а не только съ поверхности, вмѣстилище чувства и въ то же время источникъ дѣйствія: этотъ особенный образъ я принимаю за центръ моей вселенной и за физическую основу моей личности.

Прежде чѣмъ идти дальше и установить точное соотношеніе между личностью и образами, среди которыхъ она водворяется, мы сдѣлаемъ краткое изложеніе намѣченной нами теоріи „чистаго воспріятія“, сопоставляя ее съ анализами обычной психологіи.

Для упрощенія изложенія, мы обратимся къ чувству зрѣнія, уже взятому нами какъ примѣръ. Обыкновенно

берутъ элементарныя ощущенія, соотвѣтствующія впечатлѣніямъ, получаемымъ конусами и палочками сѣтчатки. Помощью этихъ ощущеній строятъ зрительное воспріятій. Но прежде всего, сѣтчатка не одна—ихъ двѣ. Стало быть надо объяснить, какъ два ощущенія, предполагающіяся отдѣльными, сливаются въ единое воспріятіе, которое соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ точкой въ пространствѣ.

Предположимъ, что этотъ вопросъ рѣшенъ. Ощущенія, о которыхъ говорятъ, лишены протяженія. Какъ они получаютъ протяженность? Смотрѣть ли на протяженіе какъ на рамку, готовую для полученія ощущеній, или какъ на результатъ одновременности ощущеній, сосуществующихъ въ сознаніи, но не сливающихся между собой, въ обоихъ случаяхъ съ протяженіемъ вводится нѣчто новое, въ чемъ не отдаютъ себѣ отчета; а процессъ, которымъ ощущеніе получаетъ протяженіе и выборъ каждымъ элементарнымъ ощущеніемъ опредѣленной точки пространства, остается все же необъясненнымъ.

Оставимъ это затрудненіе въ сторонѣ и сочтемъ зрительное протяженіе установленнымъ. Какъ оно въ свою очередь совпадаетъ съ осязательнымъ протяженіемъ? Все, о чемъ зрѣніе мое свидѣтельствуетъ въ пространствѣ, подтверждается моимъ осязаніемъ. Скажутъ ли, что предметы образуются именно кооперацiей зрѣнія и осязанія и что совпаденіе этихъ двухъ чувствъ въ воспріятіи объясняется тѣмъ фактомъ, что воспринятый предметъ есть ихъ общій результатъ? Но въ этомъ случаѣ трудно принять существованіе чего бы то ни было общаго, съ точки зрѣнія качества, между элементарнымъ зрительнымъ ощущеніемъ и осязательнымъ ощущеніемъ, ибо они совершенно различны. Соотвѣтствіе между зрительнымъ протяженіемъ и осязательнымъ протяженіемъ можно объяснить только паралле-

лизмомъ между порядкомъ ощущеній зрительныхъ и порядкомъ ощущеній осязательныхъ. Мы вынуждены, стало быть, предположить, кромѣ зрительныхъ ощущеній, кромѣ осязательныхъ ощущеній, какой то общій имъ порядокъ, который долженъ, слѣдовательно, быть независимъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ. Пойдемъ дальше: этотъ порядокъ независимъ отъ нашего индивидуальнаго воспріятія, такъ какъ онъ представляется одинаковымъ всѣмъ людямъ и составляетъ матеріальный міръ, гдѣ слѣдствія связаны съ причинами, гдѣ явленія подчиняются законамъ. И мы приходимъ наконецъ къ гипотезѣ объективнаго и независимаго отъ насъ порядка, то есть матеріальнаго міра, отличнаго отъ ощущенія.

По мѣрѣ того какъ мы шли впередъ, мы умножили число неразрѣшимыхъ данныхъ и усложнили довольно простую гипотезу, изъ которой исходили. Но выиграли-ли мы что нибудь? Если матерія, къ которой мы приходимъ, необходима для пониманія удивительнаго согласованія ощущеній между собою, то о ней мы ничего не знаемъ, потому что мы должны ей отказать во всѣхъ подмѣченныхъ качествахъ, во всѣхъ ощущеніяхъ, предоставивъ ей простое объясненіе ихъ соотвѣтствія. Она, стало быть, не можетъ быть ничѣмъ изъ того, что мы знаемъ и ничѣмъ изъ того, что мы воображаемъ. Она остается загадкой.

Но наша собственная природа, роль и назначеніе нашей личности также остаются покрыты тайной. Ибо откуда исходятъ, какъ рождаются, чему должны служить эти элементарныя непротяженныя ощущенія, которыя разовьются въ пространствѣ? Ихъ надо принять какъ абсолюты, ни происхожденія, ни цѣли которыхъ мы не видимъ. А еслибъ требовалось различить въ каждомъ изъ насъ духъ и тѣло, ничего нельзя было бы узнать ни о тѣлѣ, ни о духѣ, ни объ ихъ соотношеніи.

Въ чемъ же состоитъ наша гипотеза и въ какой именно точкѣ она отдѣляется отъ вышеизложенной? Вмѣсто того чтобъ исходить изъ ч у в с т в а, о которомъ ничего нельзя сказать, такъ какъ для него нѣтъ никакого основанія быть тѣмъ или инымъ, мы исходимъ изъ д ѣ й с т в і я, то-есть изъ присущей намъ способности производить измѣненія въ вещахъ, способности, о которой свидѣтельствуетъ сознаніе и къ которой повидимому сходятся, какъ къ центру, всѣ силы организованнаго тѣла. Мы становимся, стало быть, сразу въ цѣлокупность протяженныхъ образовъ, и въ этой матеріальной вселенной мы замѣчаемъ именно эти центры непредопредѣленности, характеризующія жизнь. Чтобы дѣйствія могли излучаться изъ этихъ центровъ, надобно, чтобъ движенія или вліянія другихъ образовъ были съ одной стороны получены, а съ другой использованы. Живая матерія, въ своей простѣйшей формѣ и въ однородномъ состояніи, уже выполняетъ эту функцію, питаясь и возстановляясь. Совершенствованіе этой матеріи состоитъ въ распредѣленіи такой двойной работы между двумя категоріями органовъ, изъ которыхъ первые, органы питанія, предназначены для поддержанія вторыхъ: послѣдніе созданы для того, чтобъ д ѣ й с т в о в а т ь; ихъ простѣйшій типъ есть цѣпь нервныхъ элементовъ, одинъ конецъ получаетъ внѣшнія впечатлѣнія, а другой совершаетъ движенія. Такъ, возвращаясь къ примѣру зрительнаго воспріятія, роль конусовъ и палочекъ сѣтчатки состоитъ просто въ полученіи импульсовъ, которые затѣмъ перерабатываются въ движенія осуществленныя или зарождающіяся. Изъ этого не можетъ получиться никакого воспріятія и въ нервной системѣ нигдѣ нѣтъ сознательныхъ центровъ; но воспріятіе происходитъ отъ той-же причины, какая породила цѣпь нервныхъ элементовъ съ органами ее поддерживающими и съ жизнью вообще: она выражаетъ и измѣряетъ силу дѣй-

ствія живого существа, непредопредѣленность движенія или дѣйствія, которое послѣдуетъ за полученнымъ импульсомъ. Эта непредопредѣленность, какъ мы показали, выразится въ отраженіи на самихъ себя образовъ, окружающихъ наше тѣло или, лучше, въ раздѣленіи ихъ; а такъ какъ цѣпь нервныхъ элементовъ получающихъ, останавливающихъ и передающихъ движенія есть именно мѣстонахожденіе этой непредопредѣленности и выражаетъ ее, то наше воспріятіе будетъ соотвѣтствовать всѣмъ подробностямъ и, повидимому будетъ выражать всѣ измѣненія самихъ нервныхъ элементовъ. Въ такомъ случаѣ наше воспріятіе въ чистомъ видѣ дѣйствительно входитъ въ составъ вещей. Ощущеніе же въ тѣсномъ смыслѣ, не только не исходитъ самопроизвольно изъ глубинъ сознанія, чтобъ ослабляясь перейти въ пространство, но совпадаетъ съ неизбѣжными измѣненіями того особаго образа, который каждый изъ насъ зоветъ своимъ тѣломъ.

Такова упрощенная, схематическая теорія внѣшняго воспріятія. Это теорія чистаго воспріятія. Если принять ее за окончательную теорію, роль нашего сознанія въ воспріятіи ограничивалась бы связываніемъ непрерывной нитью памяти безконечнаго ряда мгновенныхъ видѣній, которыя скорѣе принадлежатъ къ вещамъ, чѣмъ къ намъ самимъ. Что сознаніе наше исполняетъ главнымъ образомъ эту роль во внѣшнемъ воспріятіи, можно къ тому же вывести a priori изъ самого опредѣленія живыхъ тѣлъ. Если тѣла эти предназначены получать импульсы для переработки ихъ въ непредвидѣнныя реакціи, то вѣдь выборъ реакціи не долженъ совершаться случайно. Этотъ выборъ, обусловливается, безъ всякаго сомнѣнія, прошлымъ опытомъ и реакція не совершается безъ обращенія къ воспоминаніямъ, оставшимся отъ прежнихъ аналогичныхъ положеній. Непредопредѣленность дѣйствій, которыя надо совершить, требуетъ, стало

быть, сохраненія воспринятыхъ образовъ для того, чтобы не свестись къ простой прихоти. Можно сказать, что мы имѣетъ власть надъ будущимъ только при равномъ и соотвѣтственномъ взорѣ на прошлое, что напоръ нашей дѣятельности впередъ оставляетъ позади себя пустоту, куда врываются воспоминанія, и что память въ сферѣ познаванія есть отраженіе непредопредѣленности нашей воли.—Но дѣйствіе памяти распространяется гораздо дальше и гораздо глубже, чѣмъ то можно предугадать послѣ этого поверхностнаго анализа. Пора теперь ввести снова память въ воспріятіе, исправить тѣмъ возможное преувеличеніе нашихъ выводовъ, и опредѣлить такимъ образомъ съ большей точностью точку соприкосновенія между сознаніемъ и вещами, между тѣломъ и духомъ.

Скажемъ прежде всего, что если дана память, т. е. пережитокъ образовъ прошлаго, образы эти будутъ постоянно примѣшиваться къ нашему воспріятію настоящаго и могутъ даже замѣнить его. Образы эти сохраняются только для того, чтобы быть полезными; во всякое мгновеніе они дополняютъ опытъ настоящаго, обогащаясь пріобрѣтеннымъ опытомъ; и такъ какъ этотъ послѣдній не перестаетъ увеличиваться, въ концѣ концовъ онъ покрываетъ и затопляетъ первый. Несомнѣнно, что основа интуиціи дѣйствительной и, такъ сказать, моментальной, на которой развертывается наше воспріятіе внѣшняго міра, есть нѣчто весьма малое по сравненію со всѣмъ, что къ нему прибавляетъ память. Именно потому, что воспоминанія предшествовавшихъ аналогичныхъ интуицій полезнѣе самой интуиціи (оно связано въ нашей памяти съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ событій и можетъ этимъ помочь нашему рѣшенію), оно замѣщаетъ дѣйствительную интуицію, на долю которой выпадаетъ только—какъ мы докажемъ впослѣдствіи — задача вызвать воспоминаніе, дать ему тѣло,

сдѣлать его активнымъ, а тѣмъ самымъ и дѣйствительнымъ. Мы были, стало быть, правы, говоря, что совпаденіе воспріятія съ воспринимаемымъ объектомъ существуетъ скорѣе въ принципѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Надобно принять во вниманіе, что воспріятіе становится, въ концѣ концовъ лишь поводомъ къ воспоминанію, что практически мы измѣряемъ степень реальности, степенью полезности, что намъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодно обратить въ простые знаки реальнаго эти непосредственныя интуиціи, которыя совпадаютъ, въ сущности, съ самой дѣйствительностью. Но здѣсь мы и открываемъ ошибку тѣхъ, которые видятъ въ воспріятіи проекцію наружу непротяженныхъ ощущеній, вышедшихъ изъ нашей собственной сущности и развившихся затѣмъ въ пространствѣ. Имъ не трудно показать, что наше полное воспріятіе чревато образами лично намъ принадлежащими, образами экстеріоризованными (т. е. возставшими въ памяти); они только забываютъ, что остается безличный фонъ, гдѣ воспріятіе совпадаетъ съ воспринятымъ объектомъ и фонъ этотъ само внѣшнее.

Главная ошибка, которая, восходя отъ психологіи къ метафизикѣ, наконецъ, заслоняетъ намъ познаніе какъ тѣла, такъ и духа состоитъ въ томъ, что между чистымъ воспріятіемъ и воспоминаніемъ видятъ только разницу въ интенсивности, а не по существу. Наши воспріятія несомнѣнно пропитаны воспоминаніями и, наоборотъ, воспоминаніе, какъ мы покажемъ ниже, становится настоящимъ только заимствуя тѣло какого-нибудь воспріятія, въ которое оно внѣдряется. Оба акта, воспріятіе и воспоминаніе, всегда взаимно проникаются и обмѣниваются какъ при эндосмозѣ. Задача психолога разъединить ихъ, привести каждый изъ нихъ къ его первоначальной чистотѣ: такимъ путемъ разъяснились бы многія трудности, поднимаемыя психологіей, а можетъ быть также и

метафизикой. Но этого не дѣлаютъ. Въ этихъ смѣшанныхъ состояніяхъ, состоящихъ изъ неравныхъ частей чистаго воспріятія и чистаго воспоминанія, непремѣнно хотятъ видѣть состоянія простыя. Этимъ обрекаютъ себя на непониманіе какъ чистаго воспоминанія такъ и чистаго воспріятія, на признаніе только одного рода явленія, которое будетъ называться то воспоминаніемъ, то воспріятіемъ, смотря по тому, преобладаетъ ли въ немъ тотъ или другой изъ этихъ двухъ аспектовъ, и вслѣдствіе этого между перцепціей и воспоминаніемъ будутъ признавать только различіе въ степени, а не по существу. Первое послѣдствіе этого заблужденія — глубокое искаженіе теоріи памяти, какъ это будетъ видно дальше въ подробностяхъ: дѣлая изъ воспоминанія лишь болѣе блѣдное воспріятіе, не замѣчаютъ существенной разницы, отдѣляющей прошедшее отъ настоящаго, отказываются понимать явленія узнаванія и, въ болѣе общемъ смыслѣ, механизмъ безсознательнаго. И наоборотъ, сдѣлавъ изъ воспоминанія болѣе слабое воспріятіе, въ послѣднемъ не смогутъ уже видѣть ничего иного кромѣ болѣе интенсивнаго воспоминанія. Разсуждать будутъ такъ, какъ еслибы оно было дано намъ, на подобіе воспоминанія, какъ внутреннее состояніе, какъ простое измѣненіе нашей личности. Не признаютъ изначальнаго, основного акта воспріятія, акта составляющаго чистое воспріятіе, каковымъ мы сразу переносимся въ вещи. И то же заблужденіе, которое въ психологіи выражается полнымъ безсиліемъ объяснить механизмъ памяти, наложитъ въ метафизикѣ глубокую печать на концепцію матеріи какъ идеалистовъ, такъ и реалистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ для реализма неизмѣнный порядокъ явленій природы основанъ на причинѣ отличной отъ самихъ нашихъ воспріятій, останется ли эта причина непознаваемой или станетъ доступной усиліямъ метафизическаго по-

строенія, всегда болѣе или менѣе произвольнаго. Для идеалиста, наоборотъ, этими воспріятіями исчерпывается вся реальность, а неизмѣнный порядокъ явленій природы есть только символъ, которымъ мы выражаемъ на ряду съ реальными воспріятіями воспріятія возможныя. Но какъ для реализма, такъ и для идеализма воспріятія суть „правдивыя галлюцинаціи", состоянія субъекта, проицированныя наружу. Обѣ доктрины отличаются просто тѣмъ, что въ одной эти состоянія составляютъ реальность, а въ другой онѣ присоединяются къ ней.

Но иллюзія эта прикрываетъ другую, которая распространяется на теорію познанія вообще. Мы сказали, что матеріальный міръ состоитъ изъ предметовъ, или, если угодно, изъ образовъ, въ которыхъ всѣ части дѣйствуютъ и воздѣйствуютъ одна на другую движеніями. Наше чистое воспріятіе составляетъ внутри этихъ образовъ наше зарождающееся дѣйствіе. Актуальность нашего воспріятія состоитъ, стало быть, въ ея активности, въ движеніяхъ, которыя ее продолжаютъ, а не въ бо́льшей ея интенсивности; прошедшее только идея, настоящее идеомоторно. Но этого то упорно не желаютъ признавать, смотря на воспріятіе какъ на родъ созерцанія, приписывая ему исключительно спекулятивную цѣль и желая одѣлить его стремленіемъ къ какому то безкорыстному познанію: какъ будто отдѣляя его отъ дѣйствія, разрывая такимъ путемъ его связь съ реальнымъ, его не дѣлаютъ одновременно и необъяснимымъ и безполезнымъ! И тогда всякая разница между воспріятіемъ и воспоминаніемъ уничтожается, потому что прошлое по существу есть то, что уже не дѣйствуетъ, а не признавая этого признака прошлаго становится невозможнымъ отличить его отъ настоящаго, т. е. отъ дѣйствующаго. Стало быть, между воспріятіемъ и памятью будетъ только простая раз-

ница въ степени и какъ въ той, такъ и въ другой субъектъ останется замкнутымъ въ себѣ. Возстановимъ, наоборотъ, истинный характеръ воспріятія; покажемъ въ немъ систему нарождающихся дѣйствій, погруженную въ реальное своими глубокими корнями: такое воспріятіе радикально отличается отъ воспоминанія; реальность вещей не будетъ уже ни построена, ни перестроена, она будетъ нащупана, проникнута, пережита; спорный вопросъ между реализмомъ и идеализмомъ перестанетъ быть предметомъ безконечныхъ метафизическихъ преній и разрѣшится интуиціей.

Но изъ этого намъ станетъ также ясно, какое положеніе надлежитъ занять между идеализмомъ и реализмомъ, которые оба вынуждены разсматривать матерію какъ построеніе или перестроеніе совершаемое духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя до конца поставленному нами принципу, согласно которому субъективность нашего воспріятія обусловливается привхожденіемъ памяти, мы скажемъ, что чувственныя качества матеріи были бы познаны въ нихъ самихъ, изнутри, а не извнѣ, если бы мы могли отдѣлить ихъ отъ особаго ритма длительности, характернаго для нашего сознанія. И дѣйствительно, наше чистое воспріятіе, какъ бы оно ни было быстро, имѣетъ извѣстную длительность такъ что наши послѣдовательныя воспріятія никогда не суть реальные моменты вещей,—какъ мы предполагали до сихъ поръ,—но моменты нашего сознанія. Мы говорили, что теоретически роль сознанія во внѣшнемъ воспріятіи состоитъ въ томъ, чтобы непрерывной нитью памяти связывать мгновенныя видѣнія реальнаго. Но на самомъ дѣлѣ для насъ мгновенное никогда не существуетъ. Въ томъ, что мы называемъ этимъ именемъ, уже есть работа нашей памяти, а слѣдовательно и нашего сознанія, которое сливаетъ одно съ другимъ, чтобъ охватить

ихъ сравнительно простой интуиціей, какое угодно число мгновеній безконечно дѣлимаго времени. Въ чемъ же разница между матеріей, какъ ее понимаетъ самый требовательный реализмъ, и нашимъ воспріятіемъ ея? Наше воспріятіе даетъ намъ рядъ картинъ вселенной, живописныхъ, но разобщенныхъ: изъ нашего настоящаго воспріятія мы не можемъ вывести позднѣйшихъ воспріятій, потому что въ совокупности ощутимыхъ качествъ, ничто не даетъ возможности предвидѣть новыя качества, въ которыя онѣ переходятъ. Наоборотъ матерія, какъ она обыкновенно понимается реализмомъ, эволюируетъ такъ, что можно переходить отъ одного момента къ слѣдующему путемъ математической дедукціи. Между такой матеріей и такимъ воспріятіемъ научный реализмъ не находитъ точки соприкосновенія, потому что онъ разлагаетъ эту матерію на однородныя измѣненія въ пространствѣ, между тѣмъ какъ воспріятіе онъ замыкаетъ въ непротяженныя ощущенія въ сознаніи. Но, если наша гипотеза правильна, то вполнѣ понятны какъ сходства, такъ и различія воспріятія и матеріи. Качественная разнородность нашихъ послѣдовательныхъ воспріятій вселенной зависитъ отъ того, что каждое изъ этихъ воспріятій имѣетъ извѣстную длительность и отъ того, что память сосредоточиваетъ въ ней огромное множество импульсовъ, которые всѣ являются намъ сразу, хотя они и послѣдовательны. Чтобъ перейти отъ воспріятія къ матеріи, отъ субъекта къ объекту, было бы достаточно мысленно раздѣлить эту нераздѣльную толщу времени, различить въ ней произвольное множество моментовъ, словомъ—совершенно устранить память. Тогда матерія, становясь все болѣе и болѣе однородной по мѣрѣ того, какъ наши протяженныя ощущенія распредѣлялись бы на большее число моментовъ, безконечно приближалась бы къ той системѣ однородныхъ колебаній, о которой говоритъ реализмъ, но

конечно, никогда не совпала бы съ ними вполнѣ. Такимъ образомъ не нужно ставить съ одной стороны пространство съ невоспринятыми движеніями, съ другой — сознаніе съ непротяженными ощущеніями. Наоборотъ, субъектъ и объектъ соединяются въ протяженномъ воспріятіи, такъ какъ субъективный аспектъ воспріятія происходитъ отъ сжатія, совершаемаго памятью, а объективная реальность матеріи соотвѣтствуетъ многочисленнымъ и послѣдовательнымъ импульсамъ, на которые это воспріятіе разлагается внутренно. Таково, по крайней мѣрѣ заключеніе, которое, мы надѣемся, можно будетъ вывести изъ послѣдней части этой работы. Вопросы, касающіеся субъекта и объекта, ихъ различія и ихъ соединенія, должны быть поставлены скорѣе какъ функціи времени, чѣмъ пространства.

Но наше различеніе „чистаго воспріятія“ и „чистой памяти“ имѣетъ въ виду и другое. Если чистое воспріятіе доставляя намъ указанія на природу матеріи, должно позволить намъ занять среднее положеніе между реализмомъ и идеализмомъ, чистая память, открывая перспективы на то, что называютъ духомъ, должна будетъ провести различіе между двумя другими доктринами: матеріализмомъ и спиритуализмомъ. Именно этой стороной вопроса мы займемся въ слѣдующихъ двухъ главахъ, потому что въ этомъ направленіи наша гипотеза допускаетъ до нѣкоторой степени, экспериментальную провѣрку.

Наши заключенія о чистомъ воспріятіи можно резюмировать такъ: въ матеріи есть нѣчто сверхъ того, а не отличное отъ того, что дано фактически. Сознательное воспріятіе, безъ сомнѣнія, не достигаетъ цѣлаго матеріи, такъ какъ оно состоитъ, будучи сознатель-

нымъ, въ раздѣленіи или въ „различеніи“ въ этой матеріи того, что касается нашихъ различныхъ нуждъ. Но между такимъ воспріятіемъ матеріи и самой матеріей разница только въ степени, а не по существу, такъ какъ чистое воспріятіе стоитъ къ матеріи въ отношеніи части къ цѣлому. Значитъ, матерія не можетъ обнаруживать силъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя мы въ ней видимъ. Она не обладаетъ таинственными свойствами, она не можетъ заключать ихъ въ себѣ. Возьмемъ совершенно опредѣленный примѣръ, къ тому же примѣръ болѣе всего насъ интересующій: нервная система, матеріальная масса, представляющая извѣстныя качества цвѣта, сопротивляемости, сцѣпленія и т. д. обладаетъ, можетъ быть, невоспринятыми физическими свойствами, но свойствами только физическими. И слѣдовательно, роль ея должна сводиться только къ тому, чтобы получать, задерживать или передавать движеніе.

Между тѣмъ сущность всякаго матеріализма состоитъ въ утвержденіи противнаго, такъ какъ онъ мнитъ вывести сознаніе со всѣми его функціями исключительно изъ дѣйствій матеріальныхъ элементовъ. Тѣмъ самымъ онъ вынужденъ разсматривать воспринятыя качества матеріи, качества чувственныя, то есть ощущаемыя, какъ фосфоресценціи, слѣдующія за ходомъ мозговыхъ явленій въ актѣ воспріятія. Матерія, способная создавать эти элементарные факты сознанія, способна также порождать наиболѣе высокіе интеллектуальные факты. Такимъ образомъ матеріализмъ утверждаетъ совершенную относительность чувственныхъ качествъ, и не даромъ это положеніе, которому Демокритъ далъ точную формулу, столь же древне, какъ матеріализмъ.

Но по странному ослѣпленію спиритуализмъ всегда слѣдовалъ на этомъ пути за матеріализмомъ. Думая обогатить духъ всѣмъ, что онъ отнималъ у матеріи, онъ безъ

всякаго колебанія лишалъ эту матерію тѣхъ качествъ, которыми она облекается въ нашемъ воспріятіи и которыя ему представляются субъективными видимостями. Онъ слишкомъ часто обращалъ такимъ путемъ матерію въ таинственную сущность, которая именно потому, что мы знаемъ только ея пустую видимость, можетъ одинаково зарождать какъ феномены мысли такъ и другіе.

Есть только одно средство, опровергнуть матеріализмъ а именно:—установить, что матерія абсолютно такова, какою она кажется. Этимъ изъ матеріи исключалась бы всякая виртуальность, всякая сокрытая сила, а явленія духа получили бы независимую реальность. Но для этого надобно было бы оставить матеріи ея качества, которыя и матеріалисты и спиритуалисты одинаково отдѣляютъ отъ нея, послѣдніе, обращая ихъ въ представленіе духа, а первые не видя въ нихъ ничего, кромѣ случайной оболочки пространства.

Именно такое положеніе относительно матеріи занимаетъ здравый смыслъ, почему онъ и вѣритъ въ духъ. Намъ кажется, что философія должна въ этомъ случаѣ принять точку зрѣнія здраваго смысла, сдѣлавъ, впрочемъ, поправку въ одномъ пунктѣ. Память, практически неотдѣлимая отъ воспріятія, вставляетъ прошлое въ настоящее, сжимаетъ въ единой интуиціи множество моментовъ времени, и такимъ образомъ, своимъ двойнымъ дѣйствіемъ, является причиной того, что мы на самомъ дѣлѣ воспринимаемъ матерію въ насъ, тогда какъ по праву мы воспринимаемъ ее въ ней самой.

Отсюда вытекаетъ капитальное значеніе проблемы памяти. Если въ особенности память придаетъ воспріятію его субъективный характеръ, то задача философіи матеріи, сказали мы, должна заключаться въ выдѣленіи того, что память приноситъ. Теперь мы прибавимъ: такъ какъ чистое воспріятіе даетъ намъ цѣлое или по крайней мѣрѣ

существенное матеріи, такъ какъ остальное исходитъ изъ памяти и прибавляется къ матеріи, то необходимо, чтобы память, въ принципѣ, была силой совершенно независимой отъ матеріи. Стало быть, если духъ есть реальность, здѣсь, въ явленіяхъ памяти, мы должны его коснуться экспериментально. А если это такъ, то всякая попытка вывести чистое воспоминаніе изъ мозговаго процесса должна обнаружить, при анализѣ, основную ошибку.

Повторимъ сказанное въ болѣе ясной формѣ. Мы утверждаемъ, что матерія не обладаетъ никакой тайной или непознаваемой силой, что въ существенномъ она совпадаетъ съ чистымъ воспріятіемъ. Отсюда мы заключаемъ что, живое тѣло вообще, нервная система въ частности суть только мѣста прохожденія движеній, которыя, получаясь въ видѣ раздраженій, передаются въ видѣ рефлекторныхъ или волевыхъ актовъ и напрасно придавать мозговому веществу способность зарождать представленія. Между тѣмъ, явленія памяти, — гдѣ мы надѣемся настигнуть духъ въ его наиболѣе ощутимой формѣ, — и есть тѣ явленія, которыя поверхностная психологія охотнѣе всего выводитъ единственно изъ мозговой дѣятельности, какъ потому, что они находятся на точкѣ соприкосновенія между сознаніемъ и матеріей такъ и потому, что сами противники матеріализма, безъ затрудненія, признаютъ мозгъ за вмѣстилище воспоминаній. Но если бы можно было установить положительно, что мозговой процессъ отвѣчаетъ лишь очень малой долѣ памяти, что онъ болѣе слѣдствіе ея, чѣмъ причина, что матерія и здѣсь, какъ всюду, только носительница дѣйствія, а не субстратъ познанія, тогда защищаемое нами положеніе являлось бы доказаннымъ на примѣрѣ, считающимся наиболѣе неблагопріятнымъ и необходимость возвести духъ въ независимую реальность напрашивалась бы сама собою. Но чрезъ

это отчасти выяснилась бы природа того, что называютъ духомъ и возможность для духа и для матеріи дѣйствовать другъ на друга. Такого рода доказательство не можетъ быть чисто отрицательнымъ. Показавъ чѣмъ память не можетъ быть, намъ придется искать, что она такое. Признавъ за тѣломъ единственную функцію пріуготовленія дѣйствія, мы неминуемо должны будемъ изслѣдовать, почему память кажется связанной съ этимъ тѣломъ, какъ вліяютъ на нее тѣлесныя поврежденія и въ какомъ смыслѣ она принаровляется къ состоянію мозговаго вещества. Къ тому же невозможно, чтобы изслѣдованіе это не привело насъ къ уясненію психологическаго механизма памяти, а также и различныхъ процессовъ духа съ нимъ связанныхъ. И наоборотъ, если чисто психологическія проблемы повидимому становятся яснѣе при нашей гипотезѣ, то сама эта гипотеза становится и достовѣрнѣе и прочнѣе.

Но ту же мысль мы должны представить еще и въ третьей формѣ, чтобы хорошо установить, насколько проблема памяти, на нашъ взглядъ, есть проблема привилегированная. Изъ нашего анализа чистаго воспріятія вытекаютъ два заключенія, изъ которыхъ одно переходитъ за предѣлы психологіи въ направленіи психо-физіологіи, а другое въ направленіи метафизики, и, слѣдовательно, ни то ни другое не допускаютъ непосредственной провѣрки. Первое относилось къ роли мозга въ воспріятіи: мозгъ есть орудіе дѣйствія, а не представленія. Мы не могли требовать прямого подтвержденія этого положенія фактами, потому что чистое воспріятіе, по самому опредѣленію, обращено на предметы присутствующіе, возбуждающіе наши органы и наши нервные центры, и все, слѣдовательно, всегда будетъ происходить такъ, к а к ъ б у д т о наши воспріятія исходятъ изъ нашего мозгового состоянія, проицируясь

*

затѣмъ на предметъ отъ нихъ совершенно отличный. Другими словами, въ случаѣ внѣшняго воспріятія, положеніе нами оспариваемое и то, которымъ мы его замѣняемъ, приводятъ къ одинаковымъ выводамъ, такъ что въ пользу того или другого можно приводить только его большую понятность, но не авторитетъ опыта. Наоборотъ, эмпирическое изслѣдованіе памяти можетъ и должно отдѣлить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, частое воспоминаніе, по гипотезѣ, есть представленіе отсутствующаго предмета. Если извѣстная дѣятельность мозга была необходимой и достаточной причиной возникновенія воспріятія, то этой же дѣятельности при отсутствіи предмета будетъ достаточно для воспроизведенія воспріятія: тогда память можно будетъ всецѣло объяснить мозгомъ. Если же, наоборотъ, мы найдемъ, что мозговой механизмъ обусловливаетъ воспоминаніе въ нѣкоторомъ отношеніи, но совсѣмъ недостаточенъ, чтобъ обезпечить выживаніе воспоминанія, что въ вспомнутомъ воспріятіи онъ касается скорѣе нашего дѣйствія, чѣмъ представленія, то изъ этого можно будетъ заключить, что аналогичную роль онъ играетъ и въ самомъ воспріятіи, и что функція его просто обезпечить наше воздѣйствіе на присутствующій предметъ. Наше первое заключеніе оказалось бы такимъ образомъ провѣреннымъ.—Тогда оставалось бы второе заключеніе, скорѣе метафизическаго порядка, по которому въ чистомъ воспріятіи мы въ самомъ дѣлѣ поставлены внѣ самихъ себя, и въ дѣйствительности касаемся реальности предмета въ непосредственной интуиціи. Тутъ также экспериментальная провѣрка невозможна, потому что практическіе результаты окажутся совершенно тѣми же, будетъ ли реальность предмета воспринята интуитивно, или она будетъ раціонально построена. Но и здѣсь изученіе воспоминанія поможетъ отдѣлитъ эти двѣ гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, по второй

изъ нихъ между воспріятіемъ и воспоминаніемъ разница только въ интенсивности, или, въ степени, такъ какъ и то и другое будутъ самодовлѣющими явленіями представленія. Наоборотъ, если между воспоминаніемъ и перцепціей существуетъ не просто разница въ степени, но коренное различіе по существу, то вѣроятность будетъ на сторонѣ гипотезы, которая вводитъ въ перцепцію нѣчто ни въ какой мѣрѣ не существующее въ воспоминаніи,—интуитивно уловленную реальность. Такимъ образомъ, проблема памяти поистинѣ привилегированная проблема, потому что она должна вести къ психологической провѣркѣ двухъ положеній, которыя кажутся недоступными провѣркѣ, и изъ которыхъ второе, скорѣе метафизическаго порядка, повидимому далеко выходитъ за предѣлы психологіи.

Путь, по которому мы пойдемъ, ясно намѣченъ. Мы начнемъ съ обзора различнаго матеріала заимствованнаго изъ нормальной или патологической психологіи, расчитывая вывести изъ него физическое объясненіе памяти. Это изслѣдованіе будетъ по необходимости кропотливымъ, чтобъ не стать безполезнымъ. Мы должны, придерживаясь возможно близко очертаній фактовъ, искать, гдѣ начинается и гдѣ кончается роль тѣла въ процессѣ памяти. И въ случаѣ, еслибы мы нашли въ этомъ изслѣдованіи подтвержденіе нашей гипотезы, мы не колеблясь пойдемъ дальше, разсмотримъ элементарную работу духа и тѣмъ дополнимъ намѣченную теорію отношенія духа къ матеріи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Узнаваніе образовъ.—Память и мозгъ.

Выскажемъ теперь же заключенія, вытекающія изъ нашихъ положеній для теоріи памяти. Мы сказали, что тѣло поставленное между предметами, которые на него дѣйствуютъ, и тѣлами, на которыя оно вліяетъ, есть только проводникъ, долженствующій собирать движенія и передавать ихъ, когда оно ихъ не задерживаетъ, двигательнымъ механизмамъ, опредѣленнымъ если движеніе рефлекторно, избраннымъ, если движеніе волевое. Все должно, слѣдовательно, происходить такъ, какъ будто независимая память собираетъ образы во времени по мѣрѣ того какъ они возникаютъ, и какъ будто тѣло наше со всѣмъ, что его окружаетъ, есть только извѣстный образъ среди образовъ, послѣдній, который мы получаемъ во всякій моментъ, дѣлая мгновенный разрѣзъ въ совершающемся вообще. Въ этомъ разрѣзѣ тѣло наше занимаетъ центръ. Вещи его окружающія дѣйствуютъ на него и оно съ своей стороны дѣйствуетъ на нихъ. Реакціи его болѣе или менѣе сложны, болѣе или менѣе разнообразны, смотря по числу и по природѣ аппаратовъ, установленныхъ опытомъ внутри его вещества. Стало быть дѣйствіе прошедшаго оно можетъ накоплять въ формѣ двигательныхъ и

только двигательныхъ приборовъ. Отсюда можно заключитъ, что образы прошлаго, въ собственномъ смыслѣ слова, сохраняются иначе, и что мы должны, слѣдовательно, такъ формулировать эту первую гипотезу:

I. Прошлое переживаетъ себя въ двухъ различныхъ формахъ: 1) въ двигательныхъ механизмахъ, 2) въ независимыхъ воспоминаніяхъ.

Но въ такомъ случаѣ, практическій и слѣдовательно, обычный актъ памяти, пользованіе прошлымъ опытомъ для дѣйствія въ настоящемъ, т. е. узнаваніе, должно совершаться двумя способами. Оно будетъ происходить или при самомъ дѣйствіи, автоматическимъ ходомъ приспособленнаго къ обстоятельствамъ механизма, или вызоветъ работу духа, который будетъ искать въ прошломъ, чтобы направить ихъ на настоящее, представленія, наиболѣе подходящія для настоящаго положенія. Отсюда второе положеніе:

II. Узнаваніе присутствующаго предмета совершается при помощи движеній, когда оно исходитъ отъ объекта, при помощи представленій, когда оно исходитъ отъ субъекта.

Но здѣсь возникаетъ еще одинъ вопросъ: какъ сохраняются эти представленія и въ какомъ отношеніи они находятся къ двигательнымъ механизмамъ. Вопросъ этотъ будетъ подробно разобранъ лишь въ слѣдующей главѣ, когда мы будемъ говорить о безсознательномъ, и покажемъ, въ чемъ состоитъ въ сущности различіе между прошедшимъ и настоящимъ. Но уже теперь мы можемъ говорить о тѣлѣ, какъ о подвижномъ предѣлѣ между будущимъ и прошедшимъ, какъ о движущемся остріѣ, которое наше прошедшее какъ-бы толкаетъ непрестанно въ наше будущее. Тѣло мое взятое въ единый мигъ, есть только про-

водникъ, вставленный между предметами на него вліяющими и предметами, на которые оно дѣйствуетъ; наоборотъ, переставленное въ текущее время, оно всегда находится въ опредѣленной точкѣ, гдѣ мое прошедшее только что закончилось дѣйствіемъ. И слѣдовательно, тѣ особые образы, которые я называю мозговыми механизмами, во всякій моментъ заканчиваютъ рядъ моихъ прошлыхъ представленій, будучи послѣднимъ продолженіемъ, которое эти представленія отсылаютъ въ настоящее, точкой ихъ сцѣпленія съ реальнымъ, то-есть съ дѣйствіемъ. Разорвите это сцѣпленіе, прошлый образъ, можетъ быть, не разрушится, но вы лишаете его всякой возможности дѣйствовать на реальное и, слѣдовательно, какъ мы покажемъ впослѣдствіи, осуществляться. Въ этомъ, и только въ этомъ, смыслѣ мозговое поврежденіе сможетъ уничтожить что нибудь въ памяти. Отсюда наше третье и послѣднее положеніе:

III. Отъ расположенныхъ по пути времени воспоминаній незамѣтными степенями переходятъ къ движеніямъ, которыя рисуютъ зарождающееся или возможное дѣйствіе этихъ воспоминаній въ пространствѣ. Мозговыя поврежденія могутъ отозваться на этихъ движеніяхъ, но не на воспоминаніяхъ.

Остается выяснить, оправдываются ли эти три положенія на опытѣ.

I. Двѣ формы памяти.—Я учу урокъ и, чтобъ выучить его наизусть, я сперва читаю его, скандируя каждый стихъ; я повторяю урокъ нѣсколько разъ. При каждомъ новомъ чтеніи получается успѣхъ; слова читаются все лучше, наконецъ они организуются въ цѣлое. Въ этотъ моментъ я знаю свой урокъ наизусть; говорятъ, что онъ сдѣлался воспоминаніемъ, что онъ запечатлѣлся въ моей памяти.

Теперь я хочу знать, какъ урокъ былъ выученъ, и я представляю себѣ всѣ фазисы, черезъ которые я проходилъ по очереди. Каждое изъ послѣдовательныхъ чтеній приходитъ мнѣ тогда на умъ съ присущей ему особенностью; я вновь вижу его со всѣми обстоятельствами его сопровождавшими, они окружаютъ его и по сейчасъ; это чтеніе отличается отъ предъидущихъ и послѣдующихъ самимъ мѣстомъ, которое оно занимало во времени; короче говоря, каждое изъ этихъ чтеній вновь проходитъ передо мной, какъ опредѣленное событіе моей исторіи. Намъ скажутъ, что образы эти воспоминанія, что они запечатлѣлись въ моей памяти. Въ обоихъ случаяхъ употребляютъ одни и тѣ же слова. Но развѣ здѣсь идетъ рѣчь объ одной и той же вещи?

Воспоминаніе урока, поскольку онъ выученъ наизусть, имѣетъ всѣ признаки привычки. Какъ всякая привычка, оно пріобрѣтается повтореніемъ того же усилія. Какъ привычка, оно требовало сперва разложенія, затѣмъ возсоединенія полнаго дѣйствія. Наконецъ, какъ всякое привычное упражненіе тѣла, оно накопилось въ механизмѣ, который цѣпикомъ приводится въ дѣйствіе начальнымъ импульсомъ, въ замкнутой системѣ автоматическихъ движеній, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ одномъ и томъ же порядкѣ и занимаютъ одинаковое время.

Наоборотъ, воспоминаніе объ одномъ опредѣленномъ чтеніи, второмъ или третьемъ напр., не имѣетъ никакихъ признаковъ привычки. Образъ его сразу запечатлѣлся въ памяти, потому что другія чтенія составляютъ, по самому опредѣленію, воспоминанія различныя. Это какъ-бы событіе моей жизни; сущность его въ томъ, что оно относится къ опредѣленному времени и слѣдовательно не можетъ повторяться. Все, что къ нему прибавятъ послѣдующія чтенія, не можетъ измѣнить его первоначаль-

ной природы; и если, при частомъ повтореніи, для вызова этого образа будетъ требоваться все меньше усилія, то самый образъ, самъ по себѣ, непремѣнно былъ съ самаго начала такимъ, какимъ всегда останется.

Можно ли сказать, что эти два воспоминанія, воспоминаніе чтенія и урока, различаются только по степени, что послѣдовательные образы, возникающіе при каждомъ чтеніи, покрываютъ другъ друга и что выученный урокъ есть только сборный образъ, полученный наслоеніемъ всѣхъ остальныхъ? Несомнѣнно, что каждое чтеніе отличается отъ предыдущаго особенно тѣмъ, что урокъ все лучше выучивается. Но каждое изъ нихъ, разсматриваемое какъ новое чтеніе, а не какъ лучше выученный урокъ, совершенно довлѣетъ себѣ, остается такимъ, какимъ оно воспроизвелось, и составляетъ со всѣми соприсутствующими воспріятіями неизмѣнный моментъ моей исторіи. Можно пойти дальше и сказать, что сознаніе открываетъ намъ между этими двумя родами воспоминаній глубокое различіе, различіе по существу. Воспоминаніе объ одномъ опредѣленномъ чтеніи есть представленіе и только представленіе; оно заключается въ интуиціи которую я могу по желанію продлить или сократить; я придаю ему произвольную длительность; ничто не мѣшаетъ мнѣ охватить его сразу, какъ картину. Наоборотъ, воспоминаніе выученнаго урока, даже когда я ограничиваюсь повтореніемъ его внутренно, требуетъ совершенно опредѣленнаго времени, времени, которое потребно для развитія одного за другимъ, хотя бы въ воображеніи, всѣхъ нужныхъ для членораздѣльной рѣчи движеній: стало быть, это уже не представленіе, а дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, разъ урокъ выученъ, на немъ нѣтъ никакого слѣда его происхожденія, ничего, что опредѣляетъ его мѣсто въ прошедшемъ; онъ составляетъ часть моего настоящаго, какъ моя привычка ходить или

писать; онъ пережитъ, скорѣе обращенъ въ дѣйствіе, нежели представленъ;—я могъ бы считать его врожденнымъ, еслибъ не былъ способенъ вызывать одновременно, какъ рядъ представленій, послѣдовательныя чтенія, помощью которыхъ я его выучилъ. Эти представленія, стало быть, независимы отъ него, и такъ какъ они предшествовали выученному и пересказанному уроку, то урокъ, будучи выученъ, можетъ обойтись уже безъ нихъ.

Доведя до конца это коренное различіе, можно было бы представить себѣ двѣ памяти, теоретически независимыя. Первая записываетъ въ видѣ образовъ-воспоминаній всѣ событія нашей ежедневной жизни по мѣрѣ того, какъ они развертываются; она не пропускаетъ ни одной подробности; она оставляетъ каждому факту, каждому жесту его мѣсто и его время. Безъ задней мысли о пользѣ или практическомъ примѣненіи она сохраняетъ прошедшее въ силу одной естественной необходимости. При ея помощи становится возможнымъ разумное или, скорѣе, интеллектуальное распознаніе уже полученнаго воспріятія; къ ней мы прибѣгаемъ всякій разъ, когда поднимаемся по склону нашей прошлой жизни, для розыска тамъ какого нибудь образа. Но всякое воспріятіе продолжается въ зачинающееся дѣйствіе; и по мѣрѣ того какъ образы, будучи восприняты, укореняются и размѣщаются въ этой памяти, движенія, ихъ продолжавшія, видоизмѣняютъ организмъ, создаютъ въ тѣлѣ новыя приспособленія для дѣйствія. Такимъ путемъ слагается опытъ совершенно иного рода, который запечатлѣвается въ тѣлѣ; образуется рядъ вполнѣ готовыхъ механизмовъ, со все болѣе и болѣе многочисленными и разнообразными реакціями на внѣшнія раздраженія, съ готовыми отвѣтами на безпрерывно увеличивающееся число возможныхъ запросовъ. Мы начинаемъ сознавать присутствіе этихъ механизмовъ въ тотъ моментъ, когда они при-

ходятъ въ дѣйствіе, и это сознаніе всѣхъ усилій прошлаго, собраннаго въ настоящемъ, есть опять таки память, но память глубоко отличная отъ первой, всегда устремленная на дѣйствіе, сущая въ настоящемъ и имѣющая въ виду лишь будущее. Отъ прошедшаго она удержала только разумно координированныя движенія, которыя представляютъ собою накопленное усиліе; она находитъ вновь эти прошлыя усилія не въ образахъ-воспоминаніяхъ напоминающихъ о нихъ, но въ строгомъ порядкѣ и систематическомъ характерѣ, съ которыми настоящія движенія выполняются. На самомъ дѣлѣ, она уже не представляетъ нашего прошедшаго, она его разыгрываетъ; если она еще заслуживаетъ названія памяти, то не потому, что сохраняетъ былые образы, а потому, что продолжаетъ ихъ полезное дѣйствіе до настоящаго момента.

Въ этихъ двухъ памятяхъ, изъ которыхъ одна воображаетъ, а другая повторяетъ, вторая можетъ замѣнять первую и часто даже давать иллюзію первой. Когда собака встрѣчаетъ хозяина радостнымъ лаемъ и лаской, она безъ сомнѣнія его узнаетъ; но для этого узнаванія необходимо ли вызвать прошлый образъ и сблизитъ его съ воспріятіемъ въ настоящемъ? Не состоитъ ли оно скорѣе въ томъ, что животное сознаетъ извѣстное положеніе принятое его тѣломъ, положеніе, создавшееся мало по малу близкимъ его общеніемъ съ хозяиномъ, такъ что одно воспріятіе хозяина уже механически вызываетъ у животнаго тоже положеніе? Не будемъ заходить слишкомъ далеко! и у животнаго неясные образы былого, можетъ быть, заслоняютъ воспріятія настоящаго; можно даже допустить, что все его прошлое цѣликомъ потенціально начертано въ его сознаніи; но это прошлое интересуетъ его недостаточно, оно не можетъ отвлечь его отъ

настоящаго, всецѣло его поглощающаго; поэтому здѣсь узнаваніе должно скорѣе быть пережитымъ, чѣмъ мыслимымъ. Чтобы вызвать прошлое въ видѣ образа, надобно имѣть способность отвлекаться отъ дѣйствія въ настоящемъ, надобно умѣть цѣнить безполезное, надобно хотѣть мечтать. Быть можетъ, только человѣкъ способенъ на усиліе этого рода. Къ тому же, это прошлое, къ которому мы восходимъ такимъ образомъ, трудно уловимо, всегда готово ускользнуть отъ насъ, какъ будто этой регрессивной памяти мѣшаетъ другая память, болѣе естественная, поступательное движеніе которой заставляетъ насъ дѣйствовать и жить.

Когда психологи говорятъ о воспоминаніи какъ объ образовавшейся складкѣ, какъ о впечатлѣніи, которое повторяясь врѣзывается все глубже, они забываютъ, что огромное большинство нашихъ воспоминаній связано съ событіями и подробностями нашей жизни, сущность коихъ въ томъ, что они относятся къ извѣстному моменту времени и слѣдовательно уже никогда не повторяются. Воспоминанія пріобрѣтаемыя усиліемъ воли, повтореніемъ, рѣдки, исключительны. Наоборотъ, записываніе памятью фактовъ и образовъ единственныхъ въ своемъ родѣ, производится во всѣ моменты. Но такъ какъ заученныя воспоминанія самыя полезныя, ихъ болѣе замѣчаютъ. А такъ какъ пріобрѣтеніе этихъ воспоминаній при помощи повторнаго усилія сходно съ уже извѣстнымъ процессомъ привычки, то выдвигаютъ этого рода воспоминаніе на первый планъ, дѣлаютъ изъ него образецъ воспоминанія, а въ самопроизвольномъ воспоминаніи видятъ это самое явленіе только въ зачаточномъ состояніи, начало выучиванія наизусть урока. Но какъ не видѣть радикальной разницы между тѣмъ, что должно установиться повтореніемъ, и тѣмъ, что по своей сущности не можетъ

повториться? Самопроизвольное воспоминаніе закончено сразу; время ничего не можетъ прибавить къ его образу не измѣнивъ его; оно сохранитъ въ памяти свое мѣсто и свою дату. Наоборотъ, заученное воспоминаніе будетъ выступать изъ времени по мѣрѣ того, какъ урокъ будетъ лучше заучиваться; оно будетъ становиться все болѣе и болѣе безличнымъ, все болѣе отчужденнымъ отъ нашей прошлой жизни. Стало быть, повтореніе вовсе не превращаетъ первое во второе; роль его заключается просто въ наибольшемъ использованіи движеній, въ которые первое продолжается, для согласованія ихъ между собою и въ томъ, чтобъ, установивъ механизмъ, создать привычку тѣла. Привычку эту, къ тому же, я только потому считаю воспоминаніемъ, что помню какъ я ее пріобрѣталъ; а помню я, что она пріобрѣтена лишь потому, что обращаюсь къ самопроизвольной памяти, къ той, которая отмѣчаетъ время событій, записывая ихъ только одинъ разъ. Изъ двухъ памятей, нами различенныхъ, первая и есть вѣроятно память по преимуществу. Вторая, та что обыкновенно изучается психологами, есть скорѣе п р и в ы ч к а, о с в ѣ щ е н н а я п а м я т ь ю, нежели сама память.

Правда, примѣръ урока, выученнаго наизусть, нѣсколько искусственный примѣръ. Тѣмъ не менѣе наше существованіе протекаетъ среди ограниченнаго числа предметовъ, которые болѣе или менѣе часто проходятъ передъ нами: каждый изъ нихъ, будучи воспринятъ, вызываетъ въ насъ, одновременно съ воспріятіемъ, по крайней мѣрѣ зарождающіяся движенія, при помощи которыхъ мы къ предмету приспособляемся. Эти движенія, повторяясь, создаютъ механизмъ, переходятъ въ состояніе привычки и заставляютъ наше тѣло принимать особыя положенія, которыя автоматически слѣдуютъ за нашимъ воспріятіемъ вещей. Мы сказали, что наша нервная система не имѣетъ

иного назначенія. Приводящіе нервы приносятъ къ мозгу возбужденіе, которое, разумно выбравъ свой путь, передается двигательнымъ механизмамъ, образованнымъ повтореніемъ. Такъ образуется подходящая реакція, равновѣсіе въ средѣ, словомъ приспособленіе—общая цѣль жизни. И живое существо, которое довольствовалось бы просто жизнью не нуждалось бы ни въ чемъ иномъ. Но въ то время, какъ происходитъ этотъ процессъ воспріятія и приспособленія, который заканчивается записью прошлаго въ видѣ двигательныхъ привычекъ, сознаніе, какъ мы увидимъ, удерживаетъ образъ положеній, черезъ которыя оно поочередно проходило, и располагаетъ ихъ въ порядкѣ ихъ слѣдованія. Къ чему послужатъ эти образы-воспоминанія? Сохраняясь въ памяти, воспроизводясь въ сознаніи, не извратятъ ли они практическій характеръ жизни, примѣшивая къ дѣйствительности грёзу? Такъ несомнѣнно было бы, если бъ наше сознаніе, сознаніе, точно отражающее приспособленіе нашей нервной системы къ данному положенію, не устраняло бы всѣхъ образовъ прошлаго, не могущихъ координироваться съ воспріятіемъ настоящаго и образовать съ нимъ п о л е з н о е цѣлое. Самое большее, если нѣкоторыя смутныя воспоминанія, не относящіяся къ данному положенію, выступятъ изъ-за полезно ассоціированныхъ образовъ, слагаясь вокругъ нихъ въ менѣе освѣщенную кайму, которая теряется въ огромной области окружающаго ее мрака. Но пусть случайно нарушится равновѣсіе, удерживаемое мозгомъ между внѣшнимъ возбужденіемъ и двигательной реакціей, пусть на минуту ослабнетъ напряженіе нитей идущихъ отъ периферіи къ периферіи, проходя черезъ центръ, и затемнѣвшіе образы начинаютъ выбиваться на свѣтъ: это послѣдніе условіе осуществляется, безъ сомнѣнія, когда снятся сны. Изъ двухъ различенныхъ нами памятей вторая, активная или двигательная, должна будетъ постоянно за-

держивать первую, или, по крайней мѣрѣ, брать изъ нея лишь то, что можетъ уяснить или дополнить съ пользою данное положеніе: такъ выводятся законы ассоціаціи идей.— Но образы накопленные самопроизвольной памятью, помимо услугъ, которыя они могутъ оказывать своей ассоціаціей съ воспріятіемъ настоящаго имѣютъ и другое назначеніе. Безъ сомнѣнія, то образы-грёзы; безъ сомнѣнія они обыкновенно появляются и исчезаютъ помимо нашей воли; и именно поэтому мы вынуждены, для того чтобъ знать вещь дѣйствительно, чтобы имѣть ее въ своемъ распоряженіи, выучить ее наизусть, то-есть подставить вмѣсто самопроизвольнаго образа двигательный механизмъ, способный этотъ образъ замѣнить. Но существуетъ извѣстное усиліе sui generis, позволяющее удержать и самый образъ на ограниченное время подъ взоромъ нашего сознанія; и благодаря этой способности намъ нѣтъ надобности ждать случайнаго повторенія одинаковыхъ положеній, чтобы обратить въ привычку сопутствующія движенія; мы пользуемся убѣгающимъ образомъ, чтобы построить прочный механизмъ для его замѣны.—Наконецъ, или наше различеніе двухъ независимыхъ памятей неправильно, или, если оно соотвѣтствуетъ фактамъ, мы должны наблюдать усиленіе самопроизвольной памяти въ большинствѣ случаевъ, когда нарушено равновѣсіе чувственно-двигательной нервной системы, и наоборотъ, въ нормальномъ состояніи, задержку всѣхъ самопроизвольныхъ воспоминаній, которыя не могутъ съ пользой укрѣпить существующее равновѣсіе; наконецъ, въ процессѣ, которымъ пріобрѣтается воспоминаніе-привычка мы должны наблюдать скрытое вмѣшательство воспоминанія-образа. Подтверждаютъ ли эту гипотезу факты?

Мы не будемъ пока настаивать ни на первомъ, ни на второмъ пунктѣ: мы надѣемся совершенно выяснить ихъ

при изученіи разстройствъ памяти и законовъ ассоціаціи идей. Ограничимся тѣмъ, что покажемъ какъ въ вещахъ заученныхъ обѣ памяти идутъ рядомъ и помогаютъ одна другой. Ежедневный опытъ показываетъ, что уроки усвоенные двигательной памятью повторяются автоматически; но наблюденіе надъ патологическими случаями показываетъ, что здѣсь автоматизмъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ мы думаемъ. Извѣстны случаи, когда слабоумные разумно отвѣчали на рядъ вопросовъ, которыхъ они не понимали: у нихъ рѣчь функціонировала по типу рефлекса [1]). Больные афазіей, неспособные самопроизвольно выговорить ни одного слова, безъ ошибки вспоминаютъ слова пѣсни, когда они ее поютъ [2]). Они могутъ тоже бѣгло прочитать молитву, просчитать естественный рядъ чиселъ, назвать дни недѣли, мѣсяцы года [3]). Такъ чрезвычайно сложные механизмы, по тонкости своей уподобляющіеся разуму, могутъ функціонировать сами по себѣ, разъ они сложились, и слѣдовательно могутъ обычно повиноваться одному изначальному импульсу воли. Но что происходитъ, когда мы ихъ строимъ? Когда, напр., мы учимъ что-либо наизусть, то развѣ тотъ зрительный или слуховой образъ, который мы стараемся воспроизвести движеніями, не находится уже въ нашемъ умѣ, невидимый, но присутствующій? Уже съ первой попытки сказать урокъ наизусть мы замѣчаемъ, по неопредѣленному чувству неловкости, что сдѣлали ошибку, какъ будто получаемъ

---

[1]) Robertson, Reflex Speech (Journal of mental Science, апрѣль 1888) См. статью Ch. Féré, Le langage réflexe (Revue Philosophique, январь 1896).

[2]) Oppenheim, Ueber das Verhalten der musikalischen Ausdrucksbewegungen bei Aphatischen (Charité Annalen, XIII, 1888, стр. 348 и слѣд.).

[3]) Ibid. стр. 365.

родъ предупрежденія изъ темныхъ глубинъ сознанія [1]). Сосредоточьтесь тогда на томъ, что вы испытываете, и вы почувствуете, что здѣсь заключенъ полный образъ, но убѣгающій, подобный призраку, который исчезаетъ именно въ то мгновеніе, когда ваши двигательныя отправленія хотѣли бы закрѣпить его силуэтъ. При недавнихъ опытахъ, имѣвшихъ, впрочемъ, другую цѣль [2]), лица подвергнутыя испытанію говорили, что они испытываютъ именно такое впечатлѣніе. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ имъ показывали рядъ буквъ; они должны были ихъ запомнить. Но чтобы не дать возможности подчеркнуть видѣнныя буквы соотвѣтственными движеніями членораздѣльной рѣчи, отъ испытуемыхъ субъектовъ требовали, чтобы они, глядя на буквы, повторяли опредѣленный слогъ. Отсюда получалось особое психологическое состояніе: испытуемые субъекты чувствовали, что они вполнѣ овладѣли зрительнымъ образомъ, „не будучи въ тоже время въ состояніи воспроизвести въ данный моментъ ни одной мельчайшей его части: къ ихъ великому изумленію, строчка исчезала. По словамъ одного изъ нихъ, въ основѣ явленія лежало лишь представленіе цѣлаго, родъ сложной идеи, обнимавшей все, гдѣ отдѣльныя части давали неопредѣлимое ощущеніе цѣлаго“ [3]).

Это самопроизвольное воспоминаніе, которое, безъ сомнѣнія, кроется за пріобрѣтеннымъ воспоминаніемъ, можетъ

---

[1]) По поводу этого чувства ошибки см. статью Müller'a и Schumann'a, Experimentelle Beiträge zur Untersuchung des Gedächtnisses (Zeitschr. f. Psych. u. Phys. der Sinnesorgane, дек. 1893, стр. 305).

[2]) W. G. Smith, The relation of attention to memory (Mind, янв. 1895).

[3]) „According to one observer, the basis was a Gesammtvorstellung, a sort of all embracing complex idea in which the parts have an indefinitely felt unity“ (Smith, въ назв. стат., стр. 73).

обнаружиться внезапными проблесками; но оно исчезаетъ при малѣйшемъ движеніи волевой памяти. Рядъ буквъ, образъ которыхъ субъектъ считалъ усвоеннымъ, исчезаетъ особенно въ то время, когда онъ начинаетъ ихъ повторять: „это усиліе какъ бы вытѣсняетъ остатокъ образа изъ сознанія“ [1]). Разберите теперь пріемы, придуманные мнемотехникой, вы увидите, что наука эта именно задается цѣлью вывести на первый планъ самопроизвольное воспоминаніе, которое скрыто, и дать его въ наше распоряженіе, какъ воспоминаніе активное: съ этой цѣлью прежде всего подавляютъ всякое участіе дѣятельной или двигательной памяти. Способность умственной фотографіи, говоритъ одинъ авторъ [2]), принадлежитъ скорѣе подсознательному, чѣмъ сознательному; она съ трудомъ повинуется призыву воли. Для ея упражненія надобно привыкнуть, напримѣръ, запоминать сразу нѣсколько группировокъ точекъ, даже и не думая о томъ, чтобы ихъ считать [3]): надобно въ нѣкоторомъ родѣ подражать мгновенности этой

---

[1]) Не совершается ли нѣчто подобное при разстройствѣ, которое нѣмецкіе авторы называютъ дислексіей? Больной читаетъ правильно первыя слова фразы, потомъ внезапно останавливается и продолжать чтеніе не способенъ, какъ будто движеніе членораздѣльной рѣчи подавили воспоминанія. По поводу дислексіи см.: Berlin, Eine besondere Art der Wortblindheit (Dyslexie), Wiesbaden, 1887, и Sommer, Die Dyslexie als functionnelle Störung (Arch. f. Psychiatrie, 1893). Съ этими же явленіями мы сближаемъ странные случаи словесной глухоты, когда больной понимаетъ слова другихъ, но не понимаетъ своихъ словъ (см. примѣры, цитируемые Bateman'омъ, On Aphasia, стр. 200; Bernard'омъ, De l'Aphasie, Paris, 1889, стр. 143 и 144; Broadbent'омъ, A case of peculiar affection of speech, Brain, 1878—9, стр. 484 и слѣд.).

[2]) Mortimer Granville, Ways of remembering (Lancet, 27 сент. 1879 г., стр. 458).

[3]) Kay, Memory and how to improve it, New-York, 1888.

*

памяти, чтобы научиться ее дисциплинировать. И все же она остается капризной въ своихъ проявленіяхъ, и такъ какъ воспоминанія, ею приносимыя, нѣсколько сходны съ грёзой, ея болѣе правильное вторженіе въ духовную жизнь рѣдко обходится безъ глубокаго нарушенія умственнаго равновѣсія.

Что такое эта память, откуда она происходитъ и какъ дѣйствуетъ, объ этомъ мы узнаемъ въ слѣдующей главѣ Пока для насъ достаточно схематическаго о ней представленія. Резюмируя предшествующее, скажемъ, что прошедшее, повидимому, накопляется, какъ мы уже предположили, въ двухъ крайнихъ формахъ: съ одной стороны какъ двигательные механизмы, которые имъ пользуются, съ другой, какъ личные образы-воспоминанія, которые рисуютъ всѣ событія съ ихъ контуромъ, ихъ красками, ихъ мѣстомъ во времени. Изъ этихъ двухъ памятей, первая на самомъ дѣлѣ оріентирована въ соотвѣтствіи съ природой, другая, предоставленная самой себѣ, приняла бы, скорѣе, обратное направленіе. Первая, пріобрѣтенная усиліемъ, остается подъ властью нашей воли; вторая, совершенно произвольная, воспроизводитъ столь же капризно, какъ сохраняетъ точно. Единственная правильная и несомнѣнная помощь, которую вторая можетъ оказать первой, заключается въ томъ, что она показываетъ первой образы того, что предшествовало или слѣдовало за положеніями схожими съ настоящимъ, и тѣмъ облегчаетъ ея выборъ: въ этомъ состоитъ ассоціація идей. Нѣтъ другого случая гдѣ вновь видящая память правильно повиновалась бы памяти повторяющей. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы предпочитаемъ строить механизмъ, который позволялъ бы намъ, при нуждѣ, вновь нарисовать образъ, такъ какъ мы ясно чувствуемъ, что не можемъ расчитывать на его новое появленіе. Таковы двѣ крайнія формы памяти, разсматриваемыя въ ихъ чистомъ состояніи.

Дѣло въ томъ, что истинная природа воспоминанія была ложно понята именно потому, что разсматривались промежуточныя и до нѣкоторой степени нечистыя его формы. Вмѣсто того, чтобы прежде всего разъединить два элемента, образъ - воспоминаніе и движеніе, и затѣмъ искать, какимъ рядомъ дѣйствій они сливаются, лишаясь части своей первоначальной чистоты, разсматривали только смѣшанное явленіе, уже результатъ ихъ сліянія. Это явленіе, будучи смѣшаннымъ, имѣетъ съ одной стороны аспектъ двигательной привычки, съ другой стороны образа, болѣе или менѣе сознательно локализованнаго. Но въ немъ желаютъ видѣть простое явленіе. Тогда, стало быть, надобно предположить, что механизмъ головного, спинного и продолговатаго мозга, служащій основой двигательной привычки, есть также субстратъ сознательнаго образа. Отсюда странная гипотеза воспоминаній, накопленныхъ въ мозгу, которыя настоящимъ чудомъ становятся сознательными и при помощи таинственнаго процесса переносятъ насъ въ прошедшее. Правда, придаютъ больше значенія сознательной сторонѣ процесса и желали бы видѣть въ этомъ нѣчто иное, чѣмъ эпифеноменъ. Но такъ какъ они не выдѣлили память, задерживающую и располагающую послѣдовательныя повторенія образовъ-воспоминаній, такъ какъ они смѣшиваютъ ее съ привычкой, усовершенствованной упражненіемъ, они вынуждены думать, что результатъ повторенія относится къ одному нераздѣльному явленію, которое лишь закрѣпляется повтореніемъ: и такъ какъ это явленіе по видимости становится только двигательной привычкой и соотвѣтствуетъ нѣкоему механизму, мозговому или иному, они волей неволей приходятъ къ предположенію, что механизмъ этого рода съ самаго начала лежалъ въ основѣ образа, и что мозгъ есть органъ представленія. Мы разсмотримъ эти промежуточныя состоянія и выдѣлимъ въ каждомъ изъ

нихъ участіе зарождающагося дѣйствія, т. е. мозга, и долю независимой памяти, т. е. долю образовъ-воспоминаній. Каковы эти состоянія? Будучи въ нѣкоторомъ отношеніи двигательными, они должны, по нашей гипотезѣ, продолжать присутствующее воспріятіе; но съ другой стороны, какъ образы, они воспроизводятъ прошлыя воспріятія. Но вѣдь конкретный актъ, помощью котораго мы улавливаемъ прошлое въ настоящемъ, есть узнаваніе. Стало быть мы должны изучить узнаваніе.

II. Объ узнаваніи вообще: образы-воспоминанія и движенія.—Есть два обычные способа объяснять чувство „прежде видѣннаго“. Для однихъ узнать наличное воспріятіе значитъ мысленно помѣстить его въ старую обстановку. Я встрѣчаю человѣка въ первый разъ: я его просто воспринимаю. Если я встрѣчу его снова, я его узнаю въ томъ смыслѣ, что сопутствующія обстоятельства первоначальнаго воспріятія приходятъ мнѣ на умъ и рисуютъ вокругъ настоящаго образа обстановку, которая не есть обстановка воспринимаемая въ настоящемъ. Распознать—значитъ, стало быть, ассоціировать съ наличнымъ воспріятіемъ образы данные когда-то въ соприкосновеніи съ нимъ [1]) Но, какъ было основательно замѣчено [2]), возобновленное воспріятіе можетъ внушить мысль объ обстоятельствахъ сопутствующихъ первоначальному воспріятію, только если эта послѣдняя сперва вызвана налич-

---

[1]) Систематическое изложеніе этого положенія, съ подтверждающими его опытами можно найти въ статьяхъ Lehmann'a Ueber Wiedererkennen (Philos. Studien Wundta, т. V, стр. 96 и слѣд., и т. VII, стр. 169 и слѣд.).

[2]) Pillon, La formation des idées abstraites et générales (Crit. Philos. 1885, т. I, стр. 208 и слѣд.).—См. Ward Assimilation and Association (Mind, іюль 1893 и октябрь 1894).

нымъ состояніемъ съ ней сходнымъ. Пусть A будетъ первое воспріятіе; сопутствующія ему обстоятельства B, C, D остаются ассоціированными съ нимъ по смежности. Если то же возобновленное воспріятіе я назову A', то, такъ какъ не съ A', а съ A связаны члены B, C, D, то чтобъ были вызваны члены B, C, D. надобно, чтобъ ассоціація по сходству заставила сперва появиться A. Безполезно утверждать, что A' тождественно съ A. Оба члена, хотя одинаковые, численно остаются отличными и различными, хотя бы по той простой причинѣ, что A' есть воспріятіе, между тѣмъ какъ A стало только воспоминаніемъ. Изъ приведенныхъ нами двухъ объясненій, первое сливается такимъ путемъ со вторымъ, къ разсмотрѣнію котораго мы и приступимъ.

На этотъ разъ предполагаютъ, что наличное воспріятіе всегда ищетъ, въ глубинѣ памяти, воспоминаніе о прежнемъ воспріятіи съ нимъ схожимъ: чувство „прежде видѣннаго" исходитъ изъ сопоставленія или сліянія воспріятія съ воспоминаніемъ. Не подлежитъ сомнѣнію,—и на это было глубокомысленно указано [1]),—что сходство есть уже отношеніе, установленное умомъ между членами, которые онъ сравниваетъ и которыми, слѣдовательно, обладаетъ, такъ что воспріятіе сходства есть скорѣе слѣдствіе ассоціаціи, чѣмъ ея причина. Но на ряду съ этимъ опредѣленнымъ и воспринятымъ сходствомъ, заключающимся въ общности одного элемента, схваченнаго и выдѣленнаго умомъ, есть сходство смутное, въ нѣкоторомъ родѣ объективное, разлитое по поверхности самихъ образовъ и которое можетъ дѣйствовать какъ физическая причина взаимнаго притяже-

---

[1]) Brochard, La loi de similarité, Revue Philosophique, 1880, т. IX, стр. 258. Rabier присоединяется къ этому мнѣнію въ Leçons de Philosophie, т. I, Psychologie стр. 187—192.

нія [1]). Сошлемся ли мы на то, что часто узнаемъ предметъ, не будучи въ состояніи отождествить его со старымъ образомъ? На это отвѣчаютъ, ссылаясь на удобную гипотезу мозговыхъ слѣдовъ, которые совпадаютъ, мозговыхъ движеній, облегченныхъ упражненіемъ [2]), или воспринимающихъ клѣтокъ, сообщающихся съ клѣтками, гдѣ хранятся воспоминанія [3]). Въ сущности въ такого рода физіологическихъ гипотезахъ поневолѣ затериваются всѣ теоріи узнаванія. Онѣ стремятся вывести всякое узнаваніе изъ сближенія воспріятія и воспоминанія; но съ другой стороны, есть опытъ, и онъ свидѣтельствуетъ чаще всего о томъ, что воспоминаніе появляется лишь, когда воспріятіе узнано. Тогда приходится отнести къ мозгу, въ видѣ комбинаціи движеній или связи между клѣтками, то, что сначала было принято, какъ ассоціація представленій, и объяснять фактъ распознанія, весьма ясный на нашъ взглядъ, гипотезой, по нашему мнѣнію, очень темной, гипотезой мозга накопляющаго идеи.

Въ дѣйствительности ассоціаціи воспріятія съ воспоминаніемъ совершенно недостаточно, чтобъ уяснить процессъ распознанія. Еслибы распознаніе совершалось такъ, оно бы уничтожалось съ исчезновеніемъ старыхъ образовъ и всегда совершалось бы, когда эти образы сохранены. Психическая слѣпота, или неспособность узнавать воспринятые объекты, не существовала бы безъ задержки зрительной памяти, особенно же задержка зрительной памяти неизмѣнно

---

[1]) Pillon, цитированная статья, стр. 207.—См. James Sully, the human Mind, London, 1892, т. I, стр. 331.

[2]) Höffding, Ueber Wiedererkennen, Association und psychische Actiität (Vierteljahrsschrift f. wissenschaftliche Philosophie, 1889, стр. 433).

[3]) Munk, Ueber die tunctionen der grosshirnrinde, Berlin, 1881, стр. 108 и слѣд.

имѣла бы послѣдствіемъ психическую слѣпоту. Между тѣмъ опытъ не подтверждаетъ ни того, ни другого изъ этихъ выводовъ. Въ одномъ наблюденіи Wilbrand'a [1]), больная могла описывать съ закрытыми глазами городъ, въ которомъ жила, и въ воображеніи гулять въ немъ: чуть только она попадала на улицу, ей все казалось новымъ; она ничего не узнавала и не могла орьентироваться. Подобные факты наблюдались Müller'омъ [2]) и Lissauer'омъ [3]). Больные умѣютъ вызвать внутреннее видѣніе предметовъ, которые имъ называютъ, они очень вѣрно ихъ описываютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ узнать ихъ, когда имъ ихъ показываютъ. Стало быть, даже сознательнаго сохраненія зрительнаго воспоминанія недостаточно для распознанія схожаго воспріятія. Наоборотъ, въ другомъ наблюденіи Шарко [4]), ставшимъ классическимъ, при полномъ затменіи зрительныхъ образовъ распознаніе воспріятій было не вполнѣ уничтожено, въ чемъ легко убѣдиться, внимательно прочитавъ отчетъ этого случая. Паціентъ не узналъ, конечно, улицъ своего родного города въ томъ смыслѣ, что онъ не могъ ни называть ихъ, ни орьентироваться въ нихъ; но онъ зналъ, что это улицы, и что онъ видитъ дома. Онъ не узналъ ни жены, ни своихъ дѣтей; но, видя ихъ, онъ все же могъ сказать, что это женщина и дѣти. Все это было бы совершенно невозможно при психической

---

[1]) Die Seelenblindheit als Herderscheinung, Wiesbaden, 1887, стр. 56.

[2]) Ein Beitrag zur Kenntniss der Seelenblindheit (Arch. f. Psychiatrie, t. XXIV, 1892).

[3]) Ein Fall von Seelenblindheit (Arch. f. Psychiatrie, 1889).

[4]) Приводимомъ Bernard'омъ, Un cas de suppression brusque et isolée de la vision mentale (Progrès Médical, 21 іюля 1883).

слѣпотѣ въ абсолютномъ значеніи этого слова. Стало быть, уничтожено было нѣкотораго рода распознаніе, анализъ котораго мы сдѣлаемъ, но не общая способность узнавать. Заключимъ изъ этого, что не всякое распознаніе и не всегда требуетъ вмѣшательства старыхъ образовъ, что можно вызвать эти образы и не быть въ состояніи отождествить съ ними воспріятія. Что же такое въ концѣ концовъ распознаніе и какое опредѣленіе мы ему дадимъ?

Прежде всего, на рубежѣ распознанія есть распознаніе во мгновенномъ, распознаніе, на которое способно тѣло само по себѣ, безъ всякаго вмѣшательства опредѣленнаго воспоминанія. Оно состоитъ въ дѣйствіи, а не въ представленіи. Я хожу, напримѣръ, въ первый разъ въ какомъ нибудь городѣ. На каждомъ перекресткѣ я затрудняюсь, не зная куда идти; я въ нерѣшительности, этимъ я хочу сказать, что передъ моимъ тѣломъ становятся альтернативы, что движеніе мое въ цѣломъ прерывисто, что въ одномъ положеніи моего тѣла нѣтъ ничего, что предполагаетъ и приготовляетъ слѣдующія его положенія. Позднѣе, послѣ долгаго пребыванія въ этомъ городѣ, я буду ходить машинально, не имѣя яснаго воспріятія о вещахъ, мимо которыхъ я прохожу. Между этими двумя крайними условіями, однимъ, когда воспріятіе еще не организовало опредѣленныхъ движеній его сопровождающихъ, и другимъ, гдѣ эти сопутствующія движенія настолько организованы, что воспріятіе мое стало безполезнымъ, есть промежуточное условіе, когда предметъ воспринятъ, но вызываетъ движенія связанныя между собою, непрерывныя, которыя переходятъ одно въ другое. Я началъ съ состоянія, при которомъ я не различалъ ничего кромѣ своего воспріятія; я кончаю состояніемъ, при которомъ не сознаю ничего кромѣ своего автоматизма: между ними находилось смѣшанное состояніе,—воспріятіе подчеркивалось

зарождавшимся автоматизмомъ. Теперь, если послѣдующія воспріятія отличаются отъ перваго воспріятія тѣмъ, что они ведутъ тѣло къ надлежащей машинальной реакціи, если, съ другой стороны, эти возобновленныя воспріятія представляются уму въ томъ аспектѣ sui generis, который характеризуетъ обычныя или узнанныя воспріятія, не должны ли мы думать, что сознаніе хорошо урегулированнаго двигательнаго акомпанимента, организованной двигательной реакціи, составляетъ основу чувства обычности? Въ основѣ распознанія есть, стало-быть, явленіе двигательнаго порядка.

Узнавать предметъ обихода состоитъ въ особенности въ умѣньи имъ пользоваться. Это настолько вѣрно, что первые наблюдатели дали названіе апраксіи болѣзни распознанія, которую мы называемъ психической слѣпотой [1]). Но умѣть имъ пользоваться значитъ уже намѣчать приспособленныя для этого движенія, принимать извѣстное положеніе тѣла или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ этому подъ вліяніемъ того, что нѣмцы назвали „двигательными побужденіями“ (Bewegungsantriebe). Привычка пользоваться предметомъ, стало-быть, ведетъ къ организаціи движеній и воспріятій, и опять тутъ въ основѣ распознанія лежитъ сознаніе этихъ зарождающихся движеній, слѣдующихъ за воспріятіемъ какъ своего рода рефлексъ.

Нѣтъ воспріятіе, которое не продолжалось бы въ дви-

---

[1]) Kussmaul, Les troubles de la porole, Paris, 1884, стр. 233.—Allen Starr, Apraxia and Aphasia (Medical Record, 27 октября 1888).—См. Laquer, Zur Localisation der sensorischen Aphasie (Neurolog. Centralblatt, 15 іюня 1888), и Dodds, On some central affections of vision (Brain, 1885).

женіи. Ribot [1]) и Maudsley [2]) давно обратили на это вниманіе. Воспитаніе чувствъ состоитъ въ цѣлокупности установившихся соотношеній между чувственнымъ впечатлѣніемъ и движеніемъ, которое имъ пользуется. По мѣрѣ повторенія впечатлѣнія соотношеніе укрѣпляется. Механизмъ этого процесса не имѣетъ къ тому же ничего таинственнаго. Наша нервная система несомнѣнно расположена въ виду постройки двигательныхъ аппаратовъ, связанныхъ при посредствѣ центровъ съ чувствительными раздраженіями; прерывность нервныхъ элементовъ, множественность ихъ конечныхъ развѣтвленій, способныхъ, безъ сомнѣнія, сближаться различнымъ образомъ, дѣлаютъ безконечнымъ число возможныхъ соотношеній между впечатлѣніями и соотвѣтствующими движеніями. Но строящійся механизмъ не можетъ выявиться передъ сознаніемъ въ той же формѣ, какъ механизмъ уже построенный. Есть нѣчто, что глубоко отличаетъ и ясно проявляетъ упроченныя системы движеній въ организмѣ. Въ особенности трудность измѣнить ихъ порядокъ, думаемъ мы; а также предобразованіе послѣдующихъ движеній въ движеніяхъ имъ предшествующихъ, предобразованіе, вслѣдствіе котораго часть, виртуально, содержитъ цѣлое, какъ случается, напримѣръ, когда каждая нота заученной мелодіи связана съ слѣдующей за ней, и требуетъ ея [3]). Стало быть, если всякое обычное вос-

---

[1]) Les mouvements et leurs importance psychologique (Revue Philosophique, 1879, t. VIII, стр. 371 и слѣд.). См. Psychologie de l'Attention, Paris, 1889, стр. 75 (изд. Félix Alcan).

[2]) Physiologie de l'esprit, Paris, 1879, стр. 207 и слѣд.

[3]) Въ одной изъ самыхъ остроумныхъ главъ своей психологіи (Psychologie, Paris, 1893, T. I, стр. 242) Fouillée говоритъ, что чувство обычности состоитъ въ значительной степени въ уменьшеніи внутренняго толчка (choc) составляющаго неожиданность.

пріятіе сопровождается своимъ организованнымъ двигательнымъ акомпаниментомъ, то чувство обычнаго распознанія коренится въ сознаніи этой организаціи.

Сказанное сводится къ тому, что мы обыкновенно употребляемъ въ дѣло наше узнаваніе, прежде чѣмъ его мыслимъ. Наша повседневная жизнь протекаетъ среди предметовъ, одно присутствіе которыхъ приглашаетъ насъиграть извѣстную роль: въ этомъ заключается ихъ аспектъ привычности. Двигательныхъ тенденцій достаточно, чтобы дать намъ чувство узнаванія. Но къ этому часто присоединяется и нѣчто другое.

Въ то время какъ подъ вліяніемъ воспріятій, все лучше и лучше анализируемыхъ тѣломъ, налаживаются двигательные аппараты, наша прежняя психическая жизнь присутствуетъ въ насъ: она переживаетъ себя,—это мы постараемся доказать,—со всѣми подробностями событій локализованныхъ во времени. Непрестанно подавляемыя сознаніемъ практичнаго и полезнаго для даннаго момента, то есть, чувственно-двигательнымъ равновѣсіемъ нервной системы, связывающей воспріятіе съ дѣйствіемъ, эта память всегда ждетъ, чтобъ образовалась щель между наличнымъ впечатлѣніемъ и сопутствующимъ движеніемъ, въ которую она бы могла вдвинуть свои образы. Чтобы вернуться къ прошлому и открыть тамъ образъ-воспоминаніе, — знакомый, локализованный, личный, который относился бы къ настоящему,—необходимо усиліе для освобожденія отъ дѣйствія, къ которому наше воспріятіе насъ влечетъ: оно толкаетъ насъ къ будущему, а намъ надо отойти въ прошлое. Въ этомъ смыслѣ движеніе скорѣе устраняетъ образъ. Тѣмъ не менѣе, въ извѣстномъ смыслѣ, оно его подготовляетъ. Ибо, если совокупность всѣхъ нашихъ прошлыхъ образовъ и присутствуетъ въ насъ, то надобно все же, чтобы представленіе, аналогичное данному воспріятію, было

выбрано изъ всѣхъ возможныхъ представленій. Движенія выполненныя или просто зарождающіяся подготовляютъ этотъ выборъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваютъ поле образовъ, гдѣ намъ придется выбирать. По устройству нашей нервной системы мы существа, у которыхъ впечатлѣнія продолжаются въ соотвѣтственныя движенія: если старые образы способны продолжаться въ эти движенія, они пользуются случаемъ, чтобъ проскользнуть въ актуальное воспріятіе и быть принятыми имъ. Они тогда появляются въ нашемъ сознаніи de facto, тогда какъ они должны бы были, de jure, оставаться покрытыми настоящимъ состояніемъ. Можно было бы сказать, значитъ, что движенія, вызывающія машинальное узнаваніе, съ одной стороны препятствуютъ, а съ другой помогаютъ узнаванію при помощи образовъ. Въ принципѣ, настоящее смѣщаетъ прошедшее. Но, съ другой стороны, именно потому, что уничтоженіе старыхъ образовъ зависитъ отъ ихъ задержки даннымъ положеніемъ тѣла, тѣ образы, форма которыхъ соотвѣтствуетъ этому положенію, встрѣтятъ меньше препятствія чѣмъ остальные: а тогда, если есть образъ, могущій преодолѣть препятствіе, то это будетъ образъ, схожій съ даннымъ воспріятіемъ.

Если нашъ анализъ вѣренъ, то болѣзни узнаванія можно будетъ раздѣлить на двѣ глубоко отличныя другъ отъ друга группы, и получится два вида психической слѣпоты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ старыхъ образовъ нельзя будетъ вызвать, въ другихъ — будетъ порвана связь между воспріятіемъ и привычными сопутствующими движеніями, воспріятіе будетъ вызывать движенія неопредѣленныя, какъ еслибъ оно было новое. Подтверждаютъ ли факты эту гипотезу?

Относительно перваго пункта не можетъ быть возраженій. Кажущееся исчезновеніе зрительныхъ воспоминаній при психической слѣпотѣ фактъ до того обычный, что

онъ нѣкоторое время служилъ опредѣленіемъ этой болѣзни. Мы должны спросить себя, до какой степени и въ какомъ смыслѣ воспоминанія могутъ дѣйствительно исчезать? Въ данный моментъ насъ занимаетъ то обстоятельство, что бываютъ случаи, когда, при отсутствіи узнаванія, зрительная память практически не уничтожена. Имѣемъ ли мы въ такихъ случаяхъ, какъ мы предполагаемъ, дѣло съ простымъ разстройствомъ двигательныхъ привычекъ или, по крайней мѣрѣ, съ нарушеніемъ связи, соединяющей ихъ съ чувствительными воспріятіями? Ни одинъ изслѣдователь не задался этимъ вопросомъ, и было бы очень трудно отвѣтить на него, если бы намъ не удалось отмѣтить въ наблюденіяхъ этихъ авторовъ нѣкоторые факты, которые кажутся намъ знаменательными.

Первымъ изъ этихъ фактовъ будетъ потеря чувства оріентировки. Всѣ авторы, писавшіе о психической слѣпотѣ, обратили вниманіе на эту особенность. Паціентъ Лиссауера совершенно утерялъ способность оріентироваться въ своемъ собственномъ домѣ [1]). Мюллеръ настаиваетъ на томъ фактѣ, что слѣпые очень быстро научаются находить дорогу, между тѣмъ какъ субъектъ, пораженный психической слѣпотой, послѣ мѣсяцевъ упражненія не можетъ оріентироваться въ своей собственной комнатѣ [2]). Но не есть ли способность оріентироваться только способность координировать движенія тѣла согласно зрительнымъ впечатлѣніямъ, и машинально продолжать воспріятія въ полезныя реакціи?

Есть и второй фактъ, еще болѣе характерный. Мы

---

[1]) Цитир. ст., Arch. f. Psychiatrie, 1889—90, стр. 224. См. Wilbrand, Op. cit, стр. 140 и Bernhardt, Eigenthümlicher Fall von Hirnerkrankung (Berliner Klinische Wochenschrift, 1877, стр. 581).

[2]) Цитир. ст., Arch. f. Psychiatrie, t. XXIV, стр. 898.

имѣемъ въ виду способъ рисованія этихъ больныхъ. Можно представить себѣ двѣ манеры рисовать. Первая состоитъ въ томъ, что намѣчаютъ на бумагѣ наугадъ нѣсколько точекъ и соединяютъ ихъ между собою, ежеминутно провѣряя похожъ ли рисунокъ на предметъ. Это можно было бы назвать рисованіемъ „по точкамъ“. Но обыкновенно мы пользуемся совершенно инымъ способомъ. Мы рисуемъ „непрерывной чертой“, посмотрѣвъ на модель или думая о ней. Чѣмъ объяснить такую способность, если не привычкой сразу улавливать организацію наиболѣе обычныхъ контуровъ, то есть двигательнымъ стремленіемъ изображать сразу ея схему? Но если именно эти привычки, или соотвѣтствія этого рода, уничтожаются въ нѣкоторыхъ формахъ психической слѣпоты, то больной будетъ еще способенъ, можетъ быть, проводить части линіи, которыя онъ соединитъ кое-какъ между собою, но онъ уже не будетъ умѣть рисовать безпрерывной линіей, у него въ рукѣ уже не будетъ движенія контуровъ. Это именно и подтверждается опытомъ. Наблюденіе Лиссауера очень поучительно въ этомъ отношеніи [1]). Его больной съ величайшимъ трудомъ рисовалъ самые простые предметы, а когда онъ хотѣлъ рисовать ихъ по памяти, онъ рисовалъ отдѣльныя части то тутъ, то тамъ, и не могъ соединять ихъ между собою. Случаи полной психической слѣпоты рѣдки. Гораздо многочисленнѣе случаи словесной слѣпоты, то есть потери зрительнаго распознанія только буквъ алфавита. Въ такихъ случаяхъ постоянно наблюдается неспособность больного схватить то, что можно было бы назвать движеніемъ буквъ, когда онъ старается ихъ списывать. Онъ начинаетъ ихъ рисунокъ съ какой попало точки, ежеминутно провѣряя вѣрность своего рисунка съ

---

[1]) Цитир. стат., Arch. f. Psychiatrie, 1889—90, стр. 233.

моделью. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что часто больной сохраняетъ способность писать подъ диктовку или самопроизвольно. Въ этомъ случаѣ, стало быть, уничтожена привычка схватывать сочлененія видимаго предмета, то есть способность дополнять зрительное воспріятіе двигательнымъ стремленіемъ, рисовать его схему. Изъ этого можно заключить, какъ мы уже сказали, что въ этомъ и заключается изначальное условіе узнаванія.

Но теперь мы должны перейти отъ автоматическаго узнаванія, которое совершается преимущественно помощью движеній, къ узнаванію, требующему регулярнаго участія воспоминаній-образовъ. Первое есть узнаваніе разсѣянное, второе, какъ мы увидимъ, узнаваніе внимательное.

Оно также начинается движеніями. Но тогда какъ при автоматическомъ узнаваніи наши движенія продолжаютъ наше воспріятіе, чтобы достигнуть полезнаго результата, и удаляютъ насъ отъ воспринятаго предмета, въ данномъ случаѣ, они, наоборотъ, вновь приводятъ насъ къ предмету, чтобы подчеркнуть его контуры. Отсюда вытекаетъ преобладающая, а уже не второстепенная, роль, которую играютъ здѣсь воспоминанія-образы. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что движенія отказываются отъ своей практической цѣли и что двигательная дѣятельность вмѣсто того, чтобы продолжать воспріятіе полезными реакціями, возвращается, чтобы вырисовать выдающіяся черты этого воспріятія: тогда образы, аналогичные наличному воспріятію, образы, форму которыхъ эти движенія уже намѣтили правильно, а не случайно только, вольются въ эту форму, правда, теряя при этомъ многія подробности для облегченія себѣ входа.

III.—Постепенный переходъ воспоминаній въ движенія. Узнаваніе и вниманіе. Здѣсь мы

касаемся основного пункта вопроса. Въ тѣхъ случаяхъ, когда узнаваніе сопровождается вниманіемъ, то есть когда воспоминанія-образы правильно присоединяются къ наличному воспріятію, спрашивается, воспріятіе ли механически опредѣляетъ появленіе воспоминаній, или воспоминанія самопроизвольно идутъ навстрѣчу воспріятію?

Въ зависимости отъ отвѣта на этотъ вопросъ опредѣлится природа отношеній между мозгомъ и памятью. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ воспріятіи есть импульсъ, передаваемый нервами воспринимающимъ центрамъ. Если бы распространеніе этого движенія на другіе корковые центры имѣло результатомъ появленіе тамъ образовъ, то можно было бы, пожалуй, утверждать, что память есть не что иное, какъ функція мозга. Но если мы установимъ, что здѣсь, какъ и всюду, движеніе можетъ производить только движеніе, что роль перцептивнаго импульса заключается просто въ томъ, чтобы придать тѣлу извѣстное положеніе, въ которомъ и запечатлѣваются воспоминанія, тогда,—принимая во вниманіе, что весь эффектъ матеріальныхъ колебаній расходуется на эту работу двигательнаго приспособленія,—приходится искать основу воспоминанія не здѣсь. При первой гипотезѣ, разстройства памяти, причиненныя мозговымъ пораженіемъ, происходятъ отъ того, что воспоминанія локализировались въ пораженной области и разрушены вмѣстѣ съ нею. При второй гипотезѣ, наоборотъ, эти пораженія касаются только нашего зарождающагося или возможнаго дѣйствія. Они то препятствуютъ тѣлу принять по отношенію къ предмету положеніе, способное вызвать образъ, то разрываютъ связь этого воспоминанія съ данной дѣйствительностью, то есть, уничтожая послѣдній фазисъ реализаціи воспоминанія, уничтожая фазисъ дѣйствія, они тѣмъ самымъ препятствуютъ актуализаціи воспоминанія. Но ни въ

томъ, ни другомъ случаѣ мозговое пораженіе не разрушило бы воспоминаній.

Мы принимаемъ вторую гипотезу. Но прежде чѣмъ искать ея подтвержденія, изложимъ кратко, какъ мы представляемъ себѣ общія соотношенія воспріятія, вниманія и памяти. Чтобы показать, какъ воспоминаніе мало по малу можетъ запечатлѣться въ положеніи или въ движеніи, намъ придется забѣжать впередъ и коснуться заключеній слѣдующей главы этой книги.

Что такое вниманіе? Съ одной стороны существеннымъ результатомъ вниманія является большая интенсивность воспріятія и выдѣленіе подробностей: слѣдовательно, со стороны содержанія оно сводится къ извѣстной прибыли умственнаго состоянія[1]). Но, съ другой стороны, сознаніе открываетъ неустранимое различіе формы между этимъ увеличеніемъ интенсивности и тѣмъ усиленіемъ ея которое зависитъ отъ большей силы внѣшняго раздраженія: кажется, что она исходитъ изнутри и зависитъ отъ извѣстнаго настроенія ума. Но именно здѣсь и начинается темнота, потому что идея настроенія интеллекта не есть ясная идея. Тутъ говорятъ о „концентраціи духа“ [2]) или объ „аперцептивномъ“[3]) усиліи, чтобы подвести воспріятіе подъ особое наблюденіе интеллекта. Иные матеріализуя эту идею, предполагаютъ особое напряженіе мозговой энергіи[4]) или даже

[1]) Marillier, Remarques sur le mècanisme de l'attention (Revue Phylosophique, 1889, т. XXVII).—См. Ward-статья Psychology въ Encyclop. Britannica, и Bradley, Is there a special activity of Attention? (Mind, 1886, т. XI, стр. 305).

[2]) Hamilton, Lectures on Metaphysics, т. I стр. 247

[3]) Wundt, Psychologie physiologique, т. II, стр. 231 и слѣд. (изд. F. Alcan).

[4]) Maudsley, Physiologie de l'esprit, ст. 300 и слѣд.—См. Bastian, Les processus nerveux dans l'attention (Revue Philosophique, т. XXXIII, стр. 360 и слѣд.).

*

центральный расходъ энергіи, присоединяющійся къ полученному раздраженію[1]). Но здѣсь либо ограничиваются переводомъ факта психологическаго наблюденія на физіологическій языкъ, который кажется намъ еще менѣе яснымъ, либо возвращаются къ метафорѣ.

Въ концѣ концовъ придется опредѣлить вниманіе какъ общее приспособленіе скорѣе тѣла, чѣмъ духа, и видѣть въ такомъ настроеніи сознанія прежде всего сознаніе извѣстнаго настроенія. На эту точку зрѣнія сталъ Рибо[2]), и хотя она оспаривалась[3]) но, повидимому, сохранила свое значеніе, конечно при условіи, думаемъ мы, если въ движеніяхъ описанныхъ Рибо видѣть только отрицательное условіе явленія. Предположивъ въ самомъ дѣлѣ, что движенія, сопровождающія волевое вниманіе суть преимущественно движенія задерживающія, остается объяснить работу духа, имъ соотвѣтствующую, т. е. таинственный процессъ, которымъ тотъ же органъ, воспринимая въ той же обстановкѣ тотъ же предметъ, открываетъ въ немъ больше вещей. Но можно пойти дальше и утверждать, что явленія задержки суть только приготовленія къ дѣйствительнымъ движеніямъ волевого вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, какъ мы уже указывали, что вниманіе предполагаетъ возвращеніе ума назадъ и отказъ его отъ полезныхъ послѣдствій наличнаго воспріятія: прежде всего наступитъ подавленіе движенія, задерживающее дѣйствіе. Къ этому общему положенію вскорѣ присоединятся болѣе тонкія движенія, изъ которыхъ нѣкото-

---

[1]) W. James, Principles of Psychology, vol. I, стр. 441.

[2]) Psychologie de l'attention, Paris, 1889, (изд. F. Alcan).

[3]) Marillier, цитир. ст. См. J. Sully, The psycho-physical-process in Attention. (Brain, 1890, стр. 154.

рыя были замѣчены и описаны [1]). Роль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить вновь контуры видимаго предмета. Этими движеніями начинается положительная, а не только отрицательная, работа вниманія. Она продолжается воспоминаніями.

Въ самомъ дѣлѣ, если внѣшнее воспріятіе вызываетъ съ нашей стороны движенія, вырисовывающія ея главныя линіи, то память наша направляетъ на полученное воспріятіе старые образы, на нее похожіе, и набросокъ которыхъ былъ уже начертанъ нашими движеніями. Такимъ путемъ она на ново создаетъ наличное воспріятіе или, скорѣе, удвояетъ это воспріятіе, отсылая къ нему то ея собственный образъ, то образъ-воспоминаніе того же рода. Если удержанный или возстановленный въ памяти образъ не покрываетъ всѣхъ подробностей воспринятаго образа, то посылается призывъ болѣе глубокимъ и отдаленнымъ областямъ памяти, пока и другія извѣстныя уже подробности не покроютъ собою подробностей неизвѣстныхъ. Такой процессъ можетъ продолжаться безъ конца: память укрѣпляетъ и обогащаетъ воспріятіе, которое, въ свою очередь, развиваясь все болѣе и болѣе, притягиваетъ къ себѣ все большее число дополнительныхъ воспоминаній. Оставимъ же мысль о духѣ, располагающемъ какимъ то опредѣленнымъ количествомъ свѣта, который онъ то разсѣиваетъ вокругъ, то сосредоточиваетъ на одной точкѣ. Если надо прибѣгнуть къ сравненію, мы предпочитаемъ сравнить элементарную работу вниманія съ работой телеграфиста, который, получивъ важную депешу, телеграфируетъ ее дословно обратно для провѣрки ея содержанія.

---

[1]) N. Lange, Beitr. zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit (Philos. Studien Wundt'a т. VII, стр. 390—422).

Но чтобъ отослать обратно депешу, надо умѣть обращаться съ аппаратомъ. Точно также, чтобы отразить на воспріятіе образъ, который мы отъ него получили, надобно, чтобъ мы могли его воспроизвести, то есть, возсоздать его усиліемъ синтеза. Говорили, что вниманіе есть способность аналитическая, и были правы; но при этомъ недостаточно объяснили ни то какъ возможенъ анализъ этого рода, ни то какимъ процессомъ мы доходимъ до открытія въ воспріятіи того, что въ немъ сначала не обнаруживалось. Дѣло въ томъ, что анализъ этотъ совершается рядомъ попытокъ къ синтезу или, что сводится къ тому же, рядомъ гипотезъ: наша память по очереди выбираетъ различные сходные образы, которые она шлетъ въ направленіи новаго воспріятія. Но дѣлается выборъ этотъ не случайно. Гипотезы внушаются, выборъ издали направляется подражательными движеніями, въ которыхъ продолжается воспріятіе, и они служатъ общей рамкой и для воспріятія и для вспомянутыхъ образовъ.

Но тогда надобно представить себѣ механизмъ отдѣльнаго воспріятія иначе, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ. Воспріятіе состоитъ не только изъ впечатлѣній, полученныхъ или выработанныхъ умомъ. Это можно развѣ сказать только о тѣхъ воспріятіяхъ, которыя разсѣиваются немедленно послѣ полученія ихъ и которыя тотчасъ истекаютъ въ полезныя дѣйствія. Но всякое внимательное воспріятіе предполагаетъ о т р а ж е н і е въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, то есть, наружное проицированіе активно созданнаго образа, тождественнаго или подобнаго предмету, и который точно копируетъ его контуры. Когда, пристально посмотрѣвъ на предметъ, мы внезапно сводимъ съ него взоръ, мы получаемъ вторичный образъ его: не должны ли мы предположить, что образъ этотъ уже образовывался пока мы глядѣли на предметъ? Недав-

нее открытіе центробѣжныхъ воспринимающихъ волоконъ позволяетъ намъ думать, что дѣло именно такъ и обстоитъ, и что рядомъ съ приводящимъ процессомъ, несущимъ впечатлѣніе къ центру, есть другой, ему противуположный, которымъ образъ снова возвращается къ периферіи. Правда здѣсь дѣло идетъ объ образахъ сфотографированныхъ съ самого предмета и о воспоминаніяхъ, немедленно слѣдующихъ за воспріятіемъ, составляющихъ какъ бы его эхо. Но позади этихъ образовъ, тождественныхъ съ предметомъ, есть другіе, накопленные въ памяти, которые просто похожи на него, наконецъ другіе, имѣющіе съ нимъ болѣе или менѣе отдаленное родство. Всѣ они идутъ навстрѣчу воспріятію и, напитанные его субстанціей, пріобрѣтаютъ достаточную силу и жизнь, чтобы экстеріоризироваться вмѣстѣ съ нимъ. Опыты Münsterberg'a [1]) и Külpe [2]) не оставляютъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ никакого сомнѣнія: всякій образъ—воспоминаніе, способный пояснить наше наличное воспріятіе, вкрадывается въ него такъ, что мы не можемъ уже различить гдѣ воспріятіе и гдѣ воспоминаніе. Но въ этомъ отношеніи особенно интересны остроумные опыты Goldscheider'a и Müller'a надъ механизмомъ чтенія [3]). Въ противность Grashey, утверждавшему въ знаменитой работѣ [4]), что мы читаемъ слова букву за буквой, эти изслѣдователи установили, что бѣглое чтеніе есть работа настоящаго отгадыванія; нашъ

---

[1]) Beitr. zur experimentellen Psychologie, Heft 4, стр. 15 и слѣд.

[2]) Grundriss der Psychologie, Leipzig, 1893, стр. 185.

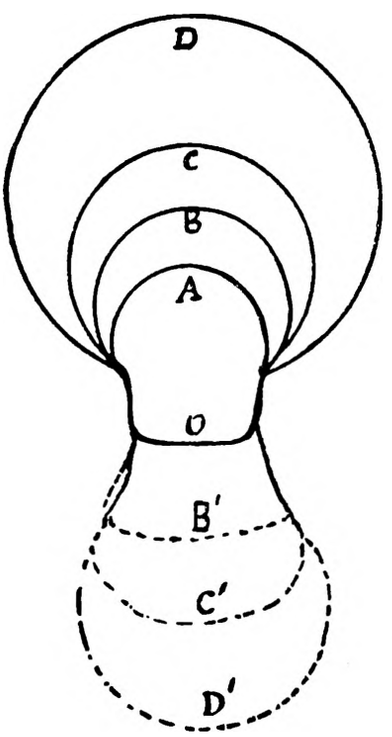
[3]) Zur Physiologie und Pathologie des Lesens (Zeitschr. f. Klinische Medicin, 1893). См. Mc Keen Cattell, Ueber die Zeit der Erkennung von Schriftzeichen (Philos. Studien, 1885—86).

[4]) Ueber Aphasie und ihre Beziehungen zur Wahrnemung (Arch. f. Psychiatrie, 1885, t. XVI).

умъ схватываетъ тутъ и тамъ характерныя черты и заполняетъ промежутки образами-воспоминаніями, которые, отбрасываясь на бумагу, замѣняютъ дѣйствительно напечатанныя буквы, даютъ намъ иллюзію ихъ. Такъ мы безпрерывно творимъ и перестраиваемъ. Наше воспріятіе можно сравнить съ замкнутымъ кругомъ, гдѣ образъ-воспріятіе, направленное къ уму, и образъ-воспоминаніе, отброшенное въ пространство, гонятся другъ за другомъ.

Остановимся на этомъ послѣднемъ пунктѣ. Внимательныя воспріятія часто представляютъ себѣ какъ рядъ процессовъ, идущихъ по длинной и единственной нити; предметъ возбуждаетъ ощущенія, ощущенія вызываютъ идеи, каждая идея приводитъ въ дѣйствіе одну за другой болѣе отдаленныя точки умственной массы. Тутъ существуетъ, стало быть, какъ бы ходъ по прямой линіи, по которой умъ все удаляется отъ предмета, чтобы болѣе къ нему не возвращаться. Мы же думаемъ, наоборотъ, что отраженное воспріятіе есть цѣпь, гдѣ всѣ элементы, включая и воспринятый предметъ, находятся въ состояніи взаимнаго напряженія какъ въ электрической цѣпи, такъ что каждое сотрясеніе, исходящее отъ предмета, не можетъ остановиться на пути въ глубинѣ духа: оно должно возвратиться къ самому предмету. Не надо думать, что здѣсь вопросъ въ словахъ. Дѣло идетъ о двухъ радикально различныхъ концепціяхъ умственной работы. Согласно первой, все происходитъ механически и при помощи совершенно случайнаго ряда послѣдовательныхъ сложеній. Такъ, напримѣръ, во всякій моментъ внимательнаго воспріятія элементы новые, исходящіе изъ болѣе глубокихъ областей духа, могутъ присоединиться къ старымъ элементамъ, не вызывая общей пертурбаціи, не требуя видоизмѣненія системы. Согласно второй, наоборотъ, актъ вниманія предполагаетъ такую солидарность между умомъ и его объектомъ, это столь прочно

замкнутая цѣпь, что невозможно перейти къ состояніямъ высшей концентраціи, не создавая новыхъ цѣпей, охватывающихъ первую, и между которыми нѣтъ ничего общаго кромѣ воспринятаго объекта. Изъ этихъ различныхъ круговъ памяти, которые мы изучимъ ниже, наиболѣе узкій A находится ближе всего къ непосредственному воспріятію. Онъ содержитъ въ себѣ только самый предметъ O и вторичный образъ, который покрываетъ предметъ. За нимъ стоящіе круги B, C, D, все болѣе широкіе, соотвѣтствуютъ возрастающимъ усиліямъ умственнаго растяженія. Какъ мы увидимъ ниже, цѣлое памяти входитъ въ каждую изъ этихъ цѣпей, потому что память всегда на лицо; но память эта, могущая растягиваться до безконечности, такъ она эластична, отражаетъ на предметъ увеличивающееся число внушенныхъ вещей,—то подробности самого предмета, то сопутствующія подробности, его уясняющія. Такимъ путемъ, возстановивъ воспринятый предметъ, какъ какое то независимое цѣлое, мы возстановляемъ вмѣстѣ съ нимъ послѣдовательно все болѣе отдаленныя условія, съ которыми онъ образуетъ систему. Назовемъ B', C', D', эти все углубляющіяся причины, находящіяся за предметомъ, и вмѣстѣ съ нимъ виртуально данныя. Изъ этого видно, что усиленіе вниманія имѣетъ послѣдствіемъ созданіе наново не только увидѣннаго предмета, но и все болѣе обширныхъ системъ, съ которыми онъ можетъ быть связанъ; такъ что по мѣрѣ того какъ круги B, C, D, представляютъ болѣе



высокое растяженіе памяти, ихъ отраженіе достигаетъ въ B', C', D', наиболѣе глубокихъ слоевъ дѣйствительности.

Одна и та же психическая жизнь повторяется, стало быть, безконечное число разъ въ послѣдовательныхъ слояхъ памяти, и одинъ и тотъ же актъ духа можетъ разыгрываться на очень различныхъ высотахъ. При усиліи вниманія, духъ всегда даетъ себя всецѣло, но упрощается или осложняется, смотря по уровню имъ выбираемому для своихъ проявленій.—Обыкновенно наличное воспріятіе направляетъ нашъ духъ; но смотря по степени напряженія, принимаемаго нашимъ духомъ, смотря по высотѣ, на которую онъ становится, это воспріятіе развиваетъ въ насъ большее или меньшее число воспоминаній-образовъ.

Другими словами, личныя воспоминанія, точно локализованныя, и рядъ которыхъ начерталъ бы все теченіе нашего прошлаго существованія, составляютъ въ своемъ соединеніи послѣднюю, наиболѣе обширную оболочку нашей памяти. Преходящія по существу, они матеріализуются только случайно, когда они вызываются или точно опредѣленнымъ положеніемъ, нечаянно принятымъ нашимъ тѣломъ, или когда самая неопредѣленность положенія тѣла даетъ просторъ ихъ проявленію. Но этотъ предѣльный покровъ сжимается и повторяется въ кругахъ внутреннихъ и концентрическихъ; эти круги, болѣе узкіе, носятъ тѣ же воспоминанія уменьшенныя, удаленныя отъ свой личной и оригинальной формы, все болѣе и болѣе способныя при своей банальности, подойти къ наличному воспріятію и опредѣлить его, какъ опредѣляется родъ, вмѣщающій индивида. Настаетъ моментъ, когда такимъ образомъ сокращенное воспоминаніе такъ тѣсно вкладывается въ наличное воспріятіе, что уже нельзя сказать, гдѣ кончается воспріятіе, гдѣ начинается воспоминаніе. Въ этотъ самый моментъ, пред-

ставленія памяти, вмѣсто того чтобы появляться и исчезать по капризу, слѣдуютъ за тѣлесными движеніями.

Но помѣрѣ того какъ воспоминанія эти приближаются къ движенію, а тѣмъ самымъ къ внѣшнему воспріятію, дѣйствіе памяти пріобрѣтаетъ все бо́льшее практическое значеніе. Образы прошлаго, воспроизведенные цѣликомъ, со всѣми подробностями, включая ихъ чувственную окраску, это—образы мечтанія или сна: то, что мы называемъ дѣйствованіемъ, есть именно достиженіе такого сокращенія или скорѣе обострения этой памяти, что она обращаетъ только острый край своего лезвея къ опыту, куда она проникаетъ. Долю автоматизма въ вызовѣ воспоминаній то не замѣчали, то преувеличивали, въ сущности потому, что не отдѣляли здѣсь двигательный элементъ отъ памяти. Думается, что мы получаемъ призывъ къ дѣятельности въ тотъ самый моментъ, когда воспріятіе наше автоматически разложилось на подражательныя движенія: тогда намъ дается эскизъ, и мы воспроизводимъ его подробности и его окраску, отбрасывая на него болѣе или менѣе отдаленныя воспоминанія. Но обыкновенно на дѣло смотрятъ иначе. Иногда абсолютную автономію приписываютъ духу; за нимъ признаютъ способность обращаться по произволу съ присутствующими и отсутствующими вещами, и тогда становятся совершенно непонятными глубокія разстройства вниманія и памяти, могущія послѣдовать за малѣйшимъ нарушеніемъ чувственно-двигательнаго равновѣсія. Иногда наоборотъ, процессы воображенія обращаютъ въ рядъ механическихъ слѣдствій даннаго воспріятія; предполагаютъ, что въ силу необходимаго и однороднаго прогресса объектъ вызываетъ ощущенія, а ощущенія идеи, которыя къ нимъ прицѣпляются; а такъ какъ нѣтъ основанія, чтобы явленіе, сначало механическое, измѣнило затѣмъ свою природу, то принимаютъ гипотезу, согласно которой въ мозгу

могутъ откладываться, дремать и пробуждаться умственныя состоянія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не понимаютъ настоящей функціи тѣла, и не зная для чего именно нужно вмѣшательство механизма, не знаютъ также, гдѣ остановить его послѣ того, какъ къ нему прибѣгли.

Но пора выйти изъ этихъ общихъ понятій. Намъ надо разсмотрѣть, подтверждается или опровергается наша гипотеза извѣстными фактами мозговыхъ локализацій. Разстройства воображательной памяти, соотвѣтствующія мѣстнымъ пораженіямъ мозговой коры, суть всегда болѣзни узнаванія то зрительнаго или слухового вообще (психическая слѣпота или глухота), то узнаванія словъ (словесная слѣпота, словесная глухота и т. д.). Таковы, стало быть, разстройства, которыя мы должны изслѣдовать.

Если наша гипотеза правильна, то эти пораженія узнаванія происходятъ вовсе не оттого, что воспоминанія занимали пораженныя области. Они должны зависѣть отъ двухъ причинъ: иногда наше тѣло не можетъ автоматически принимать, въ присутствіи пришедшаго снаружи возбужденія, того опредѣленнаго положенія, черезъ посредство котораго произошелъ бы выборъ между нашими воспоминаніями; иногда эти воспоминанія не находятъ болѣе въ тѣлѣ точки приложенія, способа продолжиться въ дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ, поражены механизмы, продолжающіе полученное сотрясеніе въ автоматическое движеніе: объектъ не будетъ въ состояніи остановить вниманія. Во второмъ случаѣ, будутъ поражены тѣ особенные центры коркового слоя, которые подготовляютъ волевыя движенія, доставляя имъ необходимую чувственную предпосылку; ихъ называютъ, правильно или неправильно, центрами воображенія: субъектъ не будетъ способенъ сосредоточить вниманія. Но, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, будутъ поражены дѣйствительныя движенія, или не будутъ подготовляться движенія,

имѣющія совершиться: разрушенія воспоминаній не произойдетъ.

Патологія подтверждаетъ это. Она указываетъ намъ два совершенно различныхъ рода психической слѣпоты и глухоты, словесной слѣпоты и глухоты. Въ первой, зрительныя и слуховыя воспоминанія еще вызываются, но уже не могутъ прикладываться къ соотвѣтственнымъ воспріятіямъ. Во второй, самый вызовъ воспоминаній нарушенъ. Теперь спрашивается, относится ли пораженіе къ чувственно-двигательнымъ механизмамъ автоматическаго вниманія въ первомъ случѣ, и къ воображательнымъ механизмамъ волевого вниманія во второмъ? Для провѣрки нашей гипотезы мы должны остановиться на опредѣленномъ примѣрѣ. Мы могли бы, конечно, показать, что зрительное узнаваніе вещей вообще и словъ въ частности, предполагаетъ сперва полу-автоматическій двигательный процессъ, затѣмъ дѣйствительную проекцію воспоминаній, которыя внѣдряются въ соотвѣтственныя положенія тѣла. Но мы предпочитаемъ остановиться на впечатлѣніяхъ слуха и, въ особенности, на слуховомъ воспріятіи членораздѣльной рѣчи, потому что примѣръ этотъ наиболѣе понятенъ изъ всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, слышать рѣчь, это прежде всего, —узнавать звукъ, затѣмъ открывать его смыслъ, и наконецъ болѣе или менѣе углубиться въ его объясненіе: короче— это проходитъ всѣ градаціи вниманія к приводитъ въ дѣйствіе многія послѣдовательныя степени памяти. Болѣе того, разстройства слуховой памяти словъ наиболѣе часты и лучше всего изучены. Наконецъ, уничтоженіе словесныхъ слуховыхъ образовъ всегда сопровождается серьезными пораженіями опредѣленныхъ извилинъ корковаго слоя: намъ дается, стало быть, неоспоримый примѣръ локализаціи, и мы можемъ спросить себя, способенъ ли дѣйствительно мозгъ накоплять воспоминанія. Мы должны, стало

быть, показать въ слуховомъ распознаніи словъ: 1 автоматическій чувственно-двигательный процессъ; 2 активную, такъ сказать, эксцентрическую проекцію воспоминаній-образовъ.

1. Я слушаю какъ два человѣка разговариваютъ на неизвѣстномъ языкѣ. Довольно ли этого, чтобъ я ихъ понималъ? Колебанія до меня доходящія тѣ же, что дѣйствуютъ и на ихъ ухо. Между тѣмъ, я воспринимаю только смутный шумъ, гдѣ всѣ звуки сходны. Я ничего не различаю и не могъ бы ничего повторить. Наоборотъ, въ той же звуковой массѣ оба собесѣдника отличаютъ согласныя, гласныя и слога, которые между собою не сходны, наконецъ отдѣльныя слова. Въ чемъ разница между ними и мною?

Вопросъ въ томъ, чтобы понять, какъ знаніе языка, которое есть не что иное какъ воспоминаніе, можетъ измѣнить содержаніе наличнаго воспріятія и заставить однихъ дѣйствительно слышать то, чего другіе не слышатъ при тѣхъ же физическихъ условіяхъ. Предполагаютъ, правда, что слуховыя воспоминанія словъ, накопленныя въ памяти, отвѣчаютъ здѣсь на призывъ звуковыхъ впечатлѣній и усиливаютъ ихъ вліяніе. Но если разговоръ, мною слышанный, для меня простой шумъ, можно предполагать звукъ усиленнымъ во сколько угодно разъ, шумъ, сдѣлавшись громче, не станетъ яснѣе. Чтобы воспоминаніе слова могло быть вызвано услышаннымъ словомъ, надобно по крайней мѣрѣ чтобы ухо слышало слово. Какъ воспринятые звуки достигнутъ памяти, какъ выберутъ они въ запасѣ слуховыхъ образовъ тѣ, которые должны наложиться на нихъ, если они не были раздѣлены, различены, наконецъ восприняты какъ слога и какъ слова?

Это затрудненіе, повидимому, не достаточно поражало теоретиковъ сенсоріальной афазіи. Въ самомъ дѣлѣ, при словесной глухотѣ больной относительно своего языка находится въ томъ же положеніи, въ которомъ мы находимся,

слушая, какъ говорятъ на неизвѣстномъ языкѣ. Обыкновенно, онъ сохраняетъ слухъ, но онъ не понимаетъ произносимыхъ словъ и часто даже не можетъ ихъ различить. Для объясненія этого состоянія, считаютъ достаточнымъ указать, что слуховыя воспоминанія словъ разрушены въ корковомъ слоѣ, или что пораженія то корковыя, то подкорковыя препятствуютъ слуховому воспоминанію вызвать идею, или воспріятія соединиться съ воспоминаніемъ. Но по крайней мѣрѣ для послѣдняго случая психологическій вопросъ остается во всей силѣ: какой сознательный процессъ уничтожается этимъ пораженіемъ? Посредствомъ чего совершается вообще различеніе словъ и слоговъ, данныхъ уху сперва въ видѣ звуковой непрерывности? Имѣй мы дѣйствительно дѣло только со слуховыми впечатлѣніями съ одной стороны, и со слуховыми воспоминаніями съ другой, трудность вопроса была бы непреодолима. Но дѣло представляется иначе, если слуховыя впечатлѣнія организуютъ зарождающіяся движенія, способныя скандировать слушаемую фразу и отмѣчать главныя членораздѣльности. Эти автоматическія движенія, внутренно сопровождающія звуки, сперва смутные и плохо координированные, повторяясь выдѣлялись бы все болѣе и болѣе; въ концѣ концовъ они вырисовали бы упрощенную фигуру, гдѣ слушающее лицо нашло бы въ основныхъ чертахъ и главныхъ направленіяхъ, движенія говорящаго лица. Такимъ образомъ, въ нашемъ сознаніи развертывалось бы въ видѣ зарождающихся мышечныхъ ощущеній то, что мы назовемъ *двигательной схемой* слышанной рѣчи. Приспособленіе своего уха къ элементамъ новаго языка заключается не въ томъ, чтобы измѣнить сырой звукъ, и не въ томъ, чтобъ присоединить къ нему воспоминаніе, а въ томъ, чтобъ координировать двигательныя усилія мускуловъ голоса съ впечатлѣніями уха, усовершенствовать сопровождающія звукъ движенія.

Чтобы научиться физическому упражненію, мы начинаемъ съ подражанія движенію въ его цѣломъ, какъ намъ его показываетъ глазъ, такъ, какъ оно намъ представилось. Воспріятіе наше было неопредѣленно: неопредѣленно будетъ и движеніе пытающееся его повторить. Но тогда какъ наше зрительное воспріятіе давало намъ непрерывное цѣлое,—движеніе, которымъ мы стараемся воспроизвести его образъ, состоитъ изъ множества мышечныхъ сокращеній и напряженій; и само сознаніе его заключаетъ въ себѣ множественныя ощущенія, происходящія отъ разнообразныхъ дѣйствій въ сочлененіяхъ. Неопредѣленное движеніе, подражающее образу, есть уже, стало быть, его виртуальное разложеніе; оно, такъ сказать, несетъ въ себѣ возможность самоанализа. Совершенствованіе отъ повторенія и упражненія будетъ состоять просто въ освобожденіи того, что было сперва запутано, въ томъ, чтобъ придать каждому изъ элементарныхъ движеній автономію,—условіе его точности,—сохраняя его солидарность съ другими движеніями, безъ чего оно было бы безполезно. Справедливо говорятъ, что привычка пріобрѣтается повтореніемъ усилія; но къ чему служило бы повторное усиліе, если бы оно производило всегда одно и то же? Настоящая цѣль повторенія сперва разложить, затѣмъ возсоединить и такимъ путемъ обращаться къ разуму тѣла. При каждой новой попыткѣ оно выявляетъ скрытыя движенія; оно каждый разъ призываетъ вниманіе тѣла къ новой подробности, имъ еще не замѣченной; оно заставляетъ его раздѣлять и классифицировать; оно подчеркиваетъ ему существенное; въ цѣломъ движенія оно послѣдовательно открываетъ линіи, опредѣляющія его внутреннее строеніе. Въ этомъ смыслѣ движеніе заучено, какъ только тѣло его поняло.

Такимъ образомъ, двигательный акомпаниментъ слы-

шимой рѣчи можетъ прерывать непрерывность звуковой массы. Остается опредѣлить въ чемъ онъ заключается. Есть ли это сама рѣчь внутренно воспроизведенная? Но въ такомъ случаѣ ребенокъ могъ бы повторить всѣ слова, различаемыя его ухомъ; и намъ самимъ стоило бы лишь понимать иностранный языкъ, чтобы говорить на немъ съ совершенно правильнымъ акцентомъ. Вещи совершаются далеко не такъ просто. Я могу схватить мелодію, слѣдовать за ея рисункомъ, даже запечатлѣть ее въ памяти и не быть въ состояніи ее спѣть. Я легко различаю особенности произношенія и интонаціи англичанина, говорящаго по нѣмецки—стало быть внутренно я его поправляю. Изъ этого не слѣдуетъ, что я придамъ вѣрное произношеніе и интонацію этой нѣмецкой фразѣ, если самъ ее скажу. Клиническіе факты подтверждаютъ, въ этомъ случаѣ, повседневное наблюденіе. Можно слѣдить за рѣчью и понимать ее, сдѣлавшись неспособнымъ говорить. Двигательная афазія не влечетъ за собою словесной глухоты.

Дѣло въ томъ, что схема, при помощи которой мы скандируемъ слышимую рѣчь, отмѣчаетъ только ея выдающіеся контуры. Для рѣчи это то же, что набросокъ для законченной картины. Понять трудное движеніе и быть въ состояніи его выполнить,—это двѣ разныя вещи. Чтобъ понять, достаточно уловить основное ровно настолько, чтобъ отличить его отъ другихъ возможныхъ движеній. Но чтобы умѣть его выполнить, надобно кромѣ того заставить свое тѣло его понять. А логика тѣла не признаетъ намековъ. Она требуетъ, чтобы всѣ составныя части даннаго движенія были показаны одно за другимъ и затѣмъ соединены вмѣстѣ. Здѣсь требуется п о л н ы й анализъ, въ которомъ не допускается пропуска ни одной подробности, а затѣмъ д ѣ й с т в и т е л ь н ы й синтезъ, гдѣ нѣтъ сокращеній. Схема воображенія, составленная изъ нѣсколькихъ

зарождающихся мышечныхъ ощущеніи, была простымъ наброскомъ. Мышечныя ощущенія, дѣйствительно и полностью испытанныя, придаютъ ему краску и жизнь.

Остается узнать, какъ такой акомпаниментъ можетъ произойти и всегда ли онъ на самомъ дѣлѣ происходитъ. Извѣстно, что произношеніе слова вслухъ требуетъ одновременнаго вмѣшательства языка и губъ для членораздѣльности, гортани для тона и, наконецъ, грудныхъ мышцъ для образованія тока выдыхаемаго воздуха. Каждому произнесенному слогу соотвѣтствуетъ, стало быть, дѣйствіе совокупности механизмовъ, находящихся въ центрахъ спинного и продолговатаго мозга. Эти механизмы соединены съ высшими центрами корковаго слоя продолженіями осевыхъ цилиндровъ пирамидальныхъ клѣтокъ психо-моторной области; волевой импульсъ идетъ по этимъ путямъ. Такимъ образомъ, когда мы хотимъ выговорить тотъ или иной звукъ, мы передаемъ приказы дѣйствовать тому или другому изъ этихъ двигательныхъ механизмовъ. Но если эти готовые механизмы, отвѣчающіе различнымъ возможнымъ движеніямъ членораздѣльности и тона, связаны съ причинами,—каковы бы онѣ ни были,—ихъ производящими въ волевой рѣчи, то съ другой стороны существуютъ факты несомнѣнно доказывающіе связь этихъ же механизмовъ со слуховымъ воспріятіемъ словъ. Среди многочисленныхъ формъ афазіи, описанныхъ клиницистами, есть двѣ формы (4-я и 6-я форма Lichtheim'a) которыя, повидимому, предполагаютъ такое соотношеніе. Такъ въ одномъ случаѣ Lichtheim'a, больной вслѣдствіи паденія утратилъ память членораздѣльности словъ, и слѣдовательно, способность говорить самопроизвольно,—но онъ чрезвычайно точно повторялъ, что ему говорили [1]). Съ другой стороны, въ слу-

[1]) Lichtheim, On Aphasia (Brain, янв. 1885, стр. 447).

чаяхъ, гдѣ самопроизвольная рѣчь не повреждена, но гдѣ есть абсолютная словесная глухота, и больной не понимаетъ ничего, что ему говорятъ, способность повторять чужую рѣчь все же можетъ быть сохранена всецѣло.[1]) Можно-ли сказать съ Bastian'омъ, что явленія эти свидѣтельствуютъ просто о лѣности членораздѣльной или слуховой памяти словъ, при чемъ звуковыя впечатлѣнія служатъ только для пробужденія памяти отъ оцѣпенѣнія?[2]) Эта гипотеза, о которой мы будемъ говорить въ свое время, не объясняетъ на нашъ взглядъ интересныхъ явленій эхолаліи, давно указанныхъ Romberg'омъ,[3]) Voisin'омъ,[4]) Winslow[5]) и которыя Kussmaul назвалъ, конечно нѣсколько преувеличенно, звуковыми рефлексами.[6]) Въ этихъ случаяхъ паціентъ повторяетъ машинально, и можетъ быть безсознательно, слышанныя слова, какъ будто слуховыя ощущенія сами собою превращаются въ движенія членораздѣльной рѣчи. Исходя изъ этого, нѣкоторые изслѣдователи предположили особый механизмъ соединяющій звуковой центръ словъ съ центромъ членораздѣльной рѣчи.[1]) Правда, повидимому, находится между этими двумя гипотезами: въ явленіяхъ

---

[1]) Ibid., стр. 454.

[2]) Bastian, On different Kinds of Aphasia (British Medical jourpal, окт. и нояб. 1887, стр. 935).

[3]) Romberg, Lehrbuch der Nervenkrankheiten, 1853, t. II.

[4]) Цитировано Bateman'омъ, On Aphasia, London, 1890, стр. 79.—См. Marcé, Mémoire sur quelques observations de physiologiepathologique (Mém. de la Soc. de Biologie, 2-e série, t. III, стр. 102).

[5]) Winslow, On obscure diseases of the Brain London, 1861, стр. 505.

[6]) Kussmaul; Les troubles dela parole, Paris, 1884, стр. 69 и слѣд.

этихъ есть нѣчто большее чѣмъ только механическіе акты, но меньше чѣмъ призывъ къ волевой памяти; они свидѣтельствуютъ о стремленіи словесно-слуховыхъ впечатлѣній продолжаться въ движенія членораздѣльности, стремленіе, которое, конечно, не ускользаетъ отъ привычнаго контроля нашей воли, которое, можетъ быть, предполагаетъ и зачаточное различеніе и сказывается въ нормальномъ состояніи внутреннимъ повтореніемъ выдающихся чертъ слышимой рѣчи. Но именно такова наша двигательная схема.

Углубляя эту гипотезу, въ ней можно найти то психологическое объясненіе нѣкоторыхъ формъ словесной глухоты, о которомъ мы говорили. Извѣстны случаи словесной глухоты съ полнымъ сохраненіемъ звуковыхъ воспоминаній. Больной цѣликомъ сохранилъ слуховую память словъ и слухъ; между тѣмъ онъ не узнаетъ ни одного слова; которое при немъ произносится.[2]) Здѣсь предполагаютъ подкорковое пораженіе, которое мѣшаетъ звуковымъ впечатлѣніямъ находить словеснослуховые образы въ центрахъ корковаго слоя, гдѣ они отложились. Но прежде всего вопросъ именно въ томъ, можетъ ли мозгъ накоплять образы, затѣмъ, еслибы даже пораженіе проводящихъ путей воспріятія и было констатировано, это не избавляло бы насъ отъ необходимости искать психологическое объясненіе яв-

---

[1]) Arnaud, Contribution a l'étude clinique de la, surdité verbale (Arch. de Neurologie. 1886, стр. 192).—Spaner, Ueber Asymbolie (Arch. f. Psychiatrie. t. VI, стр. 507 и 524).

[2]) См. въ особенности: P. Sérieux, Sur un cas de surdité erb ale pure (Revue de Médecine, 1893, стр. 733 и слѣд.); Lichtheim, цитир. статья, стр. 461; и Arnaud, Contribution à l'e'tude de la Surdité Verbale (2-я статья), Arch. de Neurologie 1886 стр. 366.

*

ленію. Въ самомъ дѣлѣ, согласно гипотезѣ, слуховыя воспоминанія могутъ быть призваны къ сознанію; согласно гипотезѣ слуховыя впечатлѣнія доходятъ до сознанія: стало быть въ самомъ сознаніи долженъ быть пробѣлъ, разрывъ, что-то такое что препятствуетъ сліянію воспріятія и воспоминанія. Между тѣмъ все уясняется, если вспомнить что слуховое воспріятіе въ его первобытномъ состояніи есть воспріятіе непрерывнаго звука, и что установленныя привычкой чувственно-двигательныя соединенія должны при нормальныхъ условіяхъ разлагать его; пораженіе этихъ сознательныхъ механизмовъ, препятствуя разложенію, сразу остановило бы порывъ воспоминаній, стремящихся приложиться къ соотвѣтственнымъ воспріятіямъ. Стало быть, возможно, что пораженіе затрагиваетъ эту „двигательную схему". Стоитъ пересмотрѣть случаи,—довольно впрочемъ рѣдкіе,—словесной глухоты съ сохраненіемъ звуковыхъ воспоминаній, чтобы отмѣтить нѣкоторыя, весьма характерныя въ этомъ отношеніи, подробности. Adler указываетъ на тотъ замѣчательный фактъ, что при словесной глухотѣ больные болѣе не реагируютъ даже на сильные шумы, сохраняя, въ то же время, очень большую тонкость слуха [1]). Другими словами, звукъ не находитъ больше у нихъ своего моторнаго эхо. Одинъ паціентъ Шарко, страдавшій временно словесной глухотой, разсказываетъ, что онъ хорошо слыщалъ бой своихъ часовъ, но не могъ сосчитать ударовъ. [2]) Онъ, вѣроятно, не могъ ихъ раздѣлять и различать. Другой больной заявляетъ, что онъ слышитъ разговоръ

---

[1]) Adler, Beitrag zur Kenntniss der seltneren Formen von sensorischer Aphasie (Neurol. Centralblatt, 1891, стр. 296 и 297.)

[2]) Bernard, De l'Aphasie, Paris, 1889, стр. 143.

но какъ смутный шумъ.[1]) Наконецъ субъектъ, потерявшій способность понимать разговорную рѣчь, снова получаетъ эту способность, когда ему много разъ повторяютъ слово, особенно если его скандируютъ слогъ за слогомъ.[2]) Послѣдній фактъ, констатированный во многихъ ясныхъ случаяхъ словесной глухоты съ сохраненіемъ звуковыхъ воспоминаній, особенно знаменателенъ.

Striecker[3]) ошибался думая, что слышанная рѣчь полностью повторяется внутри. Это опровергается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что неизвѣстно ни одного случая моторной афазіи, который вызвалъ бы словесную глухоту. Но всѣ факты говорятъ въ пользу существованія двигательнаго стремленія расчленять звуки, установлять ихъ схему. Эта автоматическая тенденція не лишена—какъ мы уже сказали—нѣкотораго зачатка умственной работы: иначе какъ могли бы мы отождествлять между собой, и слѣдовательно сравнивать при помощи одной схемы, одинаковыя слова, сказанныя въ разныхъ тонахъ и голосами различнаго тембра. Эти внутреннія движенія повторенія и распознаванія суть какъ бы прелюдія къ волевому вниманію. Они обозначаютъ границу между волей и автоматизмомъ. Ими приготовляются и опредѣляются, какъ мы уже отчасти указывали, явленія характерныя для умственнаго распознанія. Но что такое это полное распознаваніе дошедшее до полнаго сознанія самого себя?

---

[1]) Balet. Le langage intérieur, Paris, 1888 г. стр. 85. (изд. Félix Alcan)

[2]) См. три случая приводимые Arnaud въ Archives de Neurologie, 1866 стр. 366 и слѣд. (Contribution clinique à l'étude de la surdité verbale 2-я статья)—См. случай Schmidt'a, Gehörs-und Sprachstörung in Folge von Apoplexie (Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie, 1871, t. XXVII, стр. 304.

[3]) Stricker, Du langage et de la musique, Paris, 1885.

2 Мы приступаемъ ко второй части этого изслѣдованія: отъ движеній мы переходимъ къ воспоминаніямъ. Внимательное распознаніе, сказали мы, это—настоящая цѣпь, гдѣ внѣшній предметъ обнаруживаетъ намъ все болѣе и болѣе глубокія части самого себя, по мѣрѣ того какъ память наша, симметрично расположенная, приходитъ въ высшее напряженіе, чтобы отражать на него свои воспоминанія. Въ частномъ случаѣ, насъ занимающемъ, предметъ, это—собесѣдникъ, идеи котораго распускаются у него въ сознаніи въ слуховыя представленія, чтобъ потомъ матеріализоваться въ произнесенныхъ словахъ. Если мы правы, то слушатель долженъ сразу помѣститься среди соотвѣтственныхъ идей, чтобы развить ихъ въ слуховыя представленія, которыя покроютъ воспринятые, такъ сказать, въ сыромъ видѣ звуки, слагаясь въ двигательную схему. Слѣдить за вычисленіемъ значитъ самому его продѣлывать. Понимать чужую рѣчь тоже значитъ осмысленно, то есть исходя изъ идей, возстановить непрерывность звуковъ, которые слышитъ ухо. И вообще можно сказать, что обращать вниманіе, осмысленно узнавать, объяснять—все это входитъ въ одинъ и тотъ же актъ, которымъ духъ, установивъ свой уровень, выбравъ въ самомъ себѣ, по отношенію къ воспріятіямъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, симметрическую точку ихъ ближайшей причины, допускаетъ къ этимъ воспріятіямъ воспоминанія, которыя ихъ покроютъ.

Но обычно на дѣло смотрятъ иначе. Мы привыкли къ ассоціаціонизму и вслѣдствіе этого мы представляемъ себѣ, что звуки по сосѣдству вызываютъ слуховыя воспоминанія, а слуховыя воспоминанія — идеи. На ряду съ этимъ, мозговыя пораженія какъ будто влекутъ за собою исчезновеніе воспоминаній: въ частности, въ случаѣ насъ интересующемъ, можно сослаться на характерныя пораже-

нія при словесной глухотѣ. Такимъ образомъ психологическое наблюденіе согласуется, повидимому, съ клиническими фактами; и можно принять существованіе въ корковомъ слоѣ дремлющихъ слуховыхъ представленій, въ формѣ напр. физико-химическихъ измѣненій клѣтокъ: ихъ пробуждаетъ пришедшій извнѣ импульсъ, и они вызываютъ идеи внутри-мозговымъ процессомъ, а можетъ быть черезкорковыми движеніями, идущими навстрѣчу дополнительнымъ представленіямъ.

Надъ странными выводами гипотезы такого рода стоитъ призадуматься. Слуховой образъ слова не есть предметъ съ совершенно установившимися очертаніями, потому что одно и тоже слово, произнесенное разными голосами, или тѣмъ же голосомъ на различныхъ высотахъ, даетъ различные звуки. Стало быть будетъ столько слуховыхъ воспоминаній одного слова, сколько есть высотъ звука и тембровъ голоса. Собраны-ли всѣ эти образы въ мозгу или, если мозгъ выбираетъ, то какому изъ нихъ онъ отдаетъ предпочтеніе? Предположимъ однако, что онъ имѣетъ основаніе выбрать одинъ изъ нихъ; какимъ образомъ это самое слово, сказанное другимъ лицомъ, соединится съ воспоминаніемъ, отъ котораго оно отличается? Замѣтимъ, что воспоминаніе это, по гипотезѣ, вещь инертная и пассивная, слѣдовательно, не способная схватывать подъ внѣшнимъ различіемъ внутреннее подобіе. О слуховомъ образѣ слова говорятъ какъ о сущности или родѣ: безъ сомнѣнія, этотъ родъ существуетъ для дѣятельной памяти схематизирующей сходство сложныхъ звуковъ, но для мозга, который только записываетъ и не можетъ ничего иного записать, кромѣ матеріальности воспринятыхъ звуковъ, будутъ тысячи отдѣльныхъ образовъ одного слова,— сказанное новымъ голосомъ, оно даетъ новый образъ, который просто на просто присоединится къ другимъ.

Но вотъ еще затрудненіе. Слово становится для насъ индивидуальнымъ только съ того дня, когда наши учителя научаютъ насъ его абстрагировать. Мы научаемся сначала произносить не слова, а фразы. Слово всегда сцѣпляется съ другими словами, его сопровождающими, и смотря по формѣ и движенію фразы, необходимой частью которой оно является, оно принимаетъ различные аспекты,—такъ каждая нота мелодіи смутно отражаетъ въ себѣ всю мелодію. Допустимъ, что существуютъ образцы слуховыхъ воспоминаній, заложенные въ особыхъ внутри мозговыхъ приспособленіяхъ и дожидающіеся слуховыхъ впечатлѣній: эти внечатлѣнія пройдутъ, но не будутъ узнаны. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ общая мѣра, гдѣ точка соприкосновенія между сухимъ инертнымъ, разобщеннымъ образомъ и живой дѣйствительностью слова органически связаннаго съ фразой? Я прекрасно понимаю то начало автоматическаго распознанія, которое состояло бы, какъ сказано, въ подчеркиваніи главныхъ членовъ фразы, въ усвоеніи ея движенія. Но если не предположить, что всѣ люди говорятъ тождественными голосами и произносятъ одинаковымъ тономъ стереотипныя фразы, то непонятно, какъ слышанныя слова соединятся съ своими образами въ корковомъ слоѣ.

Къ тому же, если дѣйствительно есть воспоминанія, отложенныя въ клѣточкахъ мозговой коры, при сенсоріальной афазіи, напримѣръ, должна бы получиться непоправимая утрата нѣкоторыхъ опредѣленныхъ словъ, при полномъ сохраненіи другихъ. На дѣлѣ это происходитъ иначе. Иногда всѣ воспоминанія исчезаютъ цѣликомъ, такъ какъ умственный слухъ совершенно уничтоженъ, иногда мы присутствуемъ при общемъ ослабленіи этой функціи; но обыкновенно получается ослабленіе этой функціи, а не уменьшеніе числа воспоминаній. Кажется будто больной не имѣетъ болѣе

силы собрать свои слуховыя воспоминанія, что онъ вертится вокругъ словеснаго образа и не можетъ на немъ остановиться. Для того, чтобы онъ нашелъ слово, часто довольно навести его на настоящій путь, подсказать ему первый слогъ [1]), или просто поощрить его [2]). Эмоція можетъ произвести то же дѣйствіе [3]). Тѣмъ не менѣе, есть случаи, гдѣ, повидимому, опредѣленныя группы представленій изгладились изъ памяти. Мы разсмотрѣли большое число такихъ фактовъ и намъ казалось, что ихъ можно раздѣлить на двѣ совершенно отличныя категоріи. Въ первой, потеря воспоминаній обыкновенно внезапна; во второй—она прогрессивна. Въ первой, изъ памяти исчезаютъ случайныя воспоминанія, произвольно и даже капризно выбранныя: нѣкоторыя слова, нѣкоторыя цифры, а часто даже всѣ слова выученнаго языка. Во второй, слова исчезаютъ въ строгомъ и грамматическомъ порядкѣ, и именно въ порядкѣ, указанномъ закономъ Ribot: прежде всего пропадаютъ собственныя имена, потомъ нарицательныя и наконецъ глаголы [4]). Таковы внѣшнія различія. А теперь мы разберемъ, каково, думается намъ, внутреннее различіе. Мы думаемъ, что при амнезіяхъ перваго рода, почти всегда слѣдующихъ за сильнымъ потрясеніемъ, какъ будто уничто-

---

[1]) Bernard, op. cit., стр. 172 и 179. См. Babilée, Les troubles de la mémoire dans l'alcoolisme. Paris, 1886 (теза на докт. медицины), стр. 44.

[2]) Rieger, Beschreibung der Intelligenzstörungen in Folge einer Hirnverletzung. Würzburg, 1889, стр. 35.

[3]) Wernicke, Der aphasische Symptomencomplex, Breslau, 1874, стр. 39.—См. Valentin, Sur un cas d'aphasie d'origine traumatique (Rev. médicale de l'Est, 1880, стр. 171).

[4]) Ribot, Les maladies de la mémoire, Paris, 1881, стр. 131 и слѣд.

женныя воспоминанія на самомъ дѣлѣ не только присутствуютъ, но и дѣйствуютъ. Возьмемъ примѣръ, который заимствуемъ у Winslow'a [1]), примѣръ больного, позабывшаго букву Ф, только одну букву Ф, и спросимъ, можно ли отбросить одну опредѣленную букву всюду, гдѣ она встрѣчается, слѣдовательно отдѣлить ее отъ произносимыхъ или написанныхъ словъ, съ которыми она слита, если буква эта сначала не была неясно узнана. Въ другомъ случаѣ, указанномъ тѣмъ же авторомъ [2]), паціентъ позабылъ языки, которые изучалъ, и стихотворенія, имъ самимъ написанныя. Когда онъ снова началъ писать, онъ сочинялъ приблизительно тѣ же самые стихи. Къ тому же, весьма часто въ этихъ случаяхъ наблюдается полное возстановленіе исчезнувшихъ воспоминаній. Не желая слишкомъ категорически высказываться по вопросу такого рода, мы все же не можемъ не видѣть аналогіи между этими явленіями и раздвоеніями личности, описанными P. Janet [3]); нѣкоторыя изъ нихъ поразительно похожи на „отрицательныя галлюцинаціи“ и на „внушенія съ точкой отправленія“, вызываемыя гипнотизерами [4]). Совсѣмъ не таковы афазіи второго рода, на-

---

[1]) Winslow, On obscure Diseases of the Brain, London, 1861.

[2]) Winslow, On obscure Diseases of the Brain, London. 1861, стр. 372.

[3]) Pierre Janet, Etat mental des hystériques, Paris, 1894, II, стр. 263 и слѣд.—См., того же автора, L'automatisme psychologique, Paris, 1889.

[4]) См. случай Grashey, вновь изслѣдованный Sommer'омъ, который этотъ послѣдній считаетъ необъяснимымъ при современномъ состояніи теорій афазіи. Въ этомъ примѣрѣ движенія, выполняемыя субъектомъ, совершенно походили на сигналы, обращенные къ независимой памяти. (Sommer, Zur Psychologie der Sprache, Zeitschr. f. Psychol. u. Physiol. der Sinnesorgane, t. II, 1891, стр. 143 и слѣд.—См. сообщеніе Sommer'а на конгрессѣ нѣмецкихъ психіатровъ, Arch. de Neurologie, t. XXIV, 1892).

стоящія афазіи. Онѣ зависятъ, какъ мы постараемся показать, отъ прогрессивнаго ослабленія хорошо локализованной функціи, способности актуализировать воспоминаніе словъ. Какъ объяснить, что здѣсь амнезія идетъ методически, начинается съ именъ собственныхъ и кончается глаголами? Это было бы невозможно, еслибъ словесные образы дѣйствительно отлагались въ клѣткахъ коркового слоя; развѣ не странно, что болѣзнь всегда поражаетъ клѣтки въ извѣстномъ порядкѣ [1])? Но фактъ уясняется, если принять вмѣстѣ съ нами, что воспоминанія нуждаются для своего осуществленія въ двигательномъ помощникѣ, и что для ихъ вызова требуется особый умственный ладъ, въ свою очередь связанный съ извѣстнымъ тѣлеснымъ положеніемъ. Тогда глаголы, выражающіе вообще подражательныя дѣйствія, и суть тѣ слова, которыя мы можемъ скорѣе всего найти тѣлеснымъ усиліемъ, когда способность рѣчи почти совсѣмъ ускользаетъ; наоборотъ, собственныя имена, изъ всѣхъ словъ наиболѣе отдаленныя отъ тѣхъ безличныхъ дѣйствій, которыя могутъ намѣчаться нашимъ тѣломъ, угасаютъ прежде всего при ослабленіи способности. Отмѣтимъ тотъ странный фактъ, что афазикъ, совершенно неспособный найти нужное ему существительное, замѣнитъ его подходящей перифразой, куда войдутъ другія существительныя [2]), а иногда и само непокорное существительное: не будучи въ состояніи мыслить точное слово, онъ мыслитъ соотвѣтствующее дѣйствіе, и это положеніе опредѣляетъ общее направленіе движенія, изъ котораго выходитъ фраза. Такъ случается, что, помня начальную букву позабытаго имени, мы вспоминаемъ имя, повторно произнося

---

[1]) Wundt, Psychologie physiologique, t. I, стр. 239.

[2]) Bernard, De l'Aphasie, Paris, 1889, стр. 171 и 174.

иниціалъ [1]).—И такъ, въ фактахъ второй группы поражается вся функція цѣликомъ, а въ фактахъ первой группы, забвенье, съ виду болѣе рѣзкое, на самомъ дѣлѣ никогда не оказывается окончательнымъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы не находимъ воспоминаній, локализованныхъ въ опредѣленныхъ клѣткахъ мозгового вещества, которыя уничтожались бы съ разрушеніемъ этихъ клѣтокъ.

Но обратимся къ нашему сознанію. Спросимъ его, что въ насъ происходитъ, когда мы слушаемъ чужую рѣчь съ намѣреніемъ понять ее. Ждемъ ли мы пассивно, чтобы впечатлѣнія искали свои образы? Не чувствуемъ ли мы, скорѣе, что входимъ въ извѣстное настроеніе соотвѣтственно съ собесѣдникомъ, съ языкомъ, на которомъ онъ говоритъ, съ родомъ идей, которыя онъ высказываетъ, и особенно съ общимъ движеніемъ фразы, какъ будто мы начинаемъ съ установленія тона нашей умственной работы? Двигательная схема, подчеркивая его интонаціи, слѣдуя за изгибами его мысли, указываетъ путь нашей мысли. Она пустое вмѣстилище, опредѣляющее своей формой форму, куда устемляется и врывается текущая масса.

Такое объясненіе механизма пониманія будетъ принято не безъ колебанія, вслѣдствіи непреодолимой тенденціи нашей мыслить, во всѣхъ случаяхъ, скорѣе в е щ и, чѣмъ п р о г р е с и в н о с т и. Мы сказали, что мы исходимъ изъ идеи и развиваемъ ее въ слуховые образы-воспоминанія, способные внѣдриться въ двигательную схему, чтобы покрыть слышанные звуки. Тутъ есть непрерывная прогресивность, по которой туманность идеи сгущается въ от-

---

[1]) Graves приводитъ случай, гдѣ больной позабылъ всѣ существительныя, но помнилъ ихъ начальныя буквы и при ихъ помощи находилъ всѣ слова. (Цитирована Bernard'омъ, De l'Aphasie, стр. 179).

дѣльные слуховые образы,—еще текучіе, они затвердѣютъ наконецъ при слитіи со звуками матеріально воспринятыми. Ни въ одинъ моментъ нельзя сказать съ точностью, что идея или образъ-воспоминаніе кончается, что образъ-воспоминаніе или ощущеніе начинается. И гдѣ въ самомъ дѣлѣ демаркаціонная линія между хаосомъ звуковъ воспринятыхъ въ массѣ и ясностью влагаемой возстановленными въ памяти слуховыми образами? между разъединенностью самихъ этихъ вспомянутыхъ образовъ и непрерывностью первоначальной идеи, которую они разбиваютъ и преломляютъ въ отдѣльныя слова? Но научная мысль, анализируя этотъ непрерывный рядъ измѣненій и уступая непреодолимой потребности въ символическомъ изображеніи, останавливаетъ и уплотняетъ въ законченныхъ вещахъ главные фазисы этой эволюціи. Услышанные звуки она превращаетъ въ раздѣльныя и полныя слова, затѣмъ вспомянутые слуховые образы—въ сущности, независимыя отъ идеи ими развиваемой. Такъ эти три части: голое воспріятіе, слуховой образъ и идея образуютъ раздѣльныя цѣлыя и каждое изъ нихъ будетъ самостоятельно. Придерживаясь чистаго опыта, слѣдовало бы исходить изъ идеи, такъ какъ слуховыя воспоминанія обязаны ей своимъ сцѣпленіемъ, а звуки, въ свою очередь, пополняются только воспоминаніями, А между тѣмъ не видятъ препятствія къ тому, чтобъ произвольно дополнять звукъ, такъ же произвольно скрѣплять вмѣстѣ воспоминанія, опрокидывать естественный порядокъ вещей, утверждать, что мы идемъ отъ воспріятій къ воспоминаніямъ и отъ воспоминаній къ идеѣ. Тѣмъ не менѣе, въ той или иной формѣ, въ тотъ или иной моментъ, придется возстановить нарушенную непрерывность этихъ трехъ частей. Тогда предположатъ, что онѣ, помѣщаясь въ отдѣльныхъ доляхъ продолговатаго мозга и мозговой коры, находятся между собою въ сообще-

ніи, что воспріятія будятъ слуховыя воспоминанія, а воспоминанія, въ свою очередь, идеи. Закрѣпивъ главные фазисы развитія въ независимыя части, само развитіе стремятся выразить матеріяльно линіями сообщенія или движеніями импульса. Но нельзя безнаказанно перевернуть такимъ образомъ истинный порядокъ вещей и ввести въ каждую часть серіи элементы, осуществляющіеся только позднѣе. Нельзя безнаказанно также оплотнять въ раздѣльныя и независимыя части безпрерывность нераздѣльной прогресивности. Этотъ способъ представленія будетъ, быть можетъ, достаточнымъ, пока примѣненіе его строго ограничиваютъ фактами, послужившими ему точкой исхода; съ каждымъ новымъ фактомъ приходится усложнять схему, вводить по пути движенія новыя остановки, при чемъ приставленіемъ этихъ остановокъ одна къ другой никогда не удается построить само движеніе.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего поучительнѣе исторіи „схемъ“ сенсоріальной афазіи. Въ первомъ періодѣ, работъ Charcot[1], Broadbent'a[2], Kusmaul'я[3], и Lichtheim'a[4], придерживались гипотезы „центра идеаціи“, связаннаго корковыми путями съ различными центрами рѣчи. Но при дальнѣйшемъ анализѣ этотъ центръ идей исчезъ довольно быстро. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ физіологія мозга все успѣшнѣе локализировала ощущенія и движенія—но никогда не локализировала идей — многообразіе сенсоріаль-

---

[1]) Bernard, De l'Aphasie, стр. 37.

[2]) Broadbent, A case of peculiar affection of speech (Brain, 1879, стр. 499).

[3]) Kussmaul, Ses troubles de la parole, Paris, 1884, стр. 234.

[4]) Sichtheim, On Aphasia (Brain, 1885). Надо замѣтить, что Wernicke, который первый систематически изучилъ сенсаріальную афазію, обходился безъ центровъ концентовъ (Der aphasische Symptomencomplet, Breslau, 1874).

ныхъ афазій принуждало клиницистовъ расчленять центръ интеллектуальности на все большее число центровъ, на центры представленій зрительныхъ, осязательныхъ, слуховыхъ и проч., и даже приходилось иногда раздѣлять на два различные пути — на восходящій и нисходящій — путь, якобы соединяющій ихъ попарно [1]). Такова была характерная черта схемъ слѣдующаго періода Wysman'a [2]), Moeli [3]), Freud'a [4]) и друг. Теорія осложнялась все болѣе, но не могла охватить сложности дѣйствительности. Далѣе, по мѣрѣ того какъ схемы усложнялись, онѣ изображали и заставляли предполагать возможность иныхъ пораженій, хотя конечно и болѣе разнообразныхъ, но зато болѣе спеціальныхъ и простыхъ, такъ какъ усложненіе схемы именно зависѣло отъ диссоціаціи центровъ, сперва соединенныхъ въ одинъ центръ. Но опытъ здѣсь далеко не подтверждалъ теоріи, ибо онъ почти всегда показывалъ, что многіе изъ этихъ простыхъ психологическихъ пораженій, которыя теорія отдѣляла одно отъ другого, почти всегда частично и разнообразно соединены вмѣстѣ. Такъ сложность теорій афазіи сама себя разрушала; удивительно ли, что совре-

---

[1]) Bastian, On different kinds of Aphasia (British Medical Journal, 1887).—См. объясненіе (указанное лишь какъ возможное) оптической афазіи Bernheim'омъ: De la cécité psychique des choses (Revue de Médecine, 1885).

[2]) Wysman, Aphasie und verwandte Zustände (Deutsches Archiv für Klinische Medecin, 1890).—Magnan выступилъ уже на этотъ путь, о чемъ свидѣтельствуетъ схема Скворцова, De la cécité des mots (Диссертація, 1881).

[3]) Moeli, Ueber Aphasie bei Warnehmung der Gegenstände durch das Gesicht (Berl. Klinische Wochenschrift, 28 апр. 1890).

[4]) Freud, Zur Auffassung der Aphasien; Leipsig, 1891.

менная патологія, относясь все скептичнѣе къ схемамъ, вернулась къ простому описанію фактовъ? [1]).

Могло-ли быть иначе? Слушая нѣкоторыхъ теоретиковъ сенсоріальной афазіи можно подумать, что они никогда не вглядывались въ построеніе фразы. Они разсуждаютъ какъ будто фраза состоитъ изъ существительныхъ, вызывающихъ образы вещей. Куда дѣваются тѣ части рѣчи, которыя служатъ для установленія между образами отношеній и оттѣнковъ всякаго рода? Скажутъ ли, что каждое изъ этихъ словъ само по себѣ выражаетъ и вызываетъ матеріальный образъ, болѣе смутный, безъ сомнѣнія, но опредѣленный? Пусть подумаютъ о множествѣ различныхъ отношеній, которыя выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ, смотря по занимаемому имъ мѣсту и потому, какія части оно соединяетъ! Скажете ли вы, что это тонкости уже очень усовершенствованнаго языка и что возможенъ языкъ изъ конкретныхъ именъ, предназначенныхъ вызывать образы вещей? Это я готовъ признать; но чѣмъ примитивнѣе языкъ, на которомъ вы будете со мною говорить, и чѣмъ менѣе въ немъ терминовъ, выражающихъ отношенія, тѣмъ большее мѣсто вы должны отвести дѣятельности моего ума, потому что вы заставляете его возстановить отношенія, которыхъ вы не выражаете: это значитъ, вы все болѣе будете отступать отъ гипотезы, по которой всякій словесный образъ идетъ къ своей идеѣ. По настоящему здѣсь всегда вопросъ только въ степени: грубый, или утонченный языкъ всегда подразумѣваетъ болѣе, чѣмъ можетъ выразить. По существу прерывная,— такъ какъ она идетъ поставленными рядомъ словами,— рѣчь только болѣе или менѣе отмѣчаетъ главные пере-

---

[1]) Sommer, сообщеніе на конгрессѣ психіатровъ. (Arch. de Neurologie, t. XXIV, 1892).

ходы мысли. Вотъ почему я пойму вашу рѣчь, если буду исходить изъ мысли аналогичной вашей, и буду слѣдить, за всѣми ея изгибами, при помощи словесныхъ образовъ, предназначенныхъ, подобно придорожнымъ столбамъ, указывать мнѣ путь. Но я никогда не пойму ее, исходя изъ самихъ словесныхъ образовъ, потому что между двумя послѣдовательными словесными образами есть промежутокъ, который не можетъ быть заполненъ никакими конкретными представленіями. Образы всегда останутся только вещами, а мысль есть движеніе.

Стало быть, напрасно разсматриваютъ образы-воспоминанія и идеи какъ вещи готовыя, которымъ затѣмъ отводятъ мѣсто въ проблематическихъ центрахъ. Можно сколько угодно замаскировывать гипотезу языкомъ анатоміи и физіологіи, она все же останется простымъ примѣненіемъ теоріи ассоціаціи идей къ объясненію жизни духа; за нее только постоянная тенденція дискурсивнаго ума раздѣлять всякую эволюцію на фазисы и уплотнять затѣмъ эти фазисы въ вещи; и такъ какъ она родилась à priori, изъ своего рода метафизическаго предразсудка, то она не въ состояніи ни слѣдовать за движеніемъ сознанія, ни упрощать объясненіе фактовъ.

Но мы должны прослѣдить эту иллюзію до точки, гдѣ она впадаетъ въ очевидное противорѣчіе. Идеи, сказали мы, чистыя воспоминанія, призванныя изъ глубинъ памяти, развиваются въ образы-воспоминанія, все болѣе и болѣе способные внѣдриться въ двигательную схему. По мѣрѣ того какъ воспоминанія эти принимаютъ форму представленія болѣе полнаго, конкретнаго и сознательнаго, они стремятся слиться съ воспріятіемъ, ихъ притягивающимъ, или въ рамки котораго они входятъ. Стало быть, въ мозгу нѣтъ, и не можетъ быть, области, гдѣ воспоминанія застываютъ и накопляются. Такъ называемое разрушеніе

воспоминаній мозговыми пораженіями есть только перерывъ непрестаннаго хода, которымъ осуществляется воспоминаніе. Слѣдовательно, если непремѣнно хотятъ локализовать, напримѣръ, слуховыя воспоминанія словъ въ опредѣленной точкѣ мозга, то будутъ вынуждены, по равно цѣннымъ соображеніямъ, или отличать этотъ воображательный центръ отъ воспринимающаго центра, или сливать эти два центра въ одинъ. Именно это и провѣряется опытомъ.

Отмѣтимъ странное противорѣчіе, къ которому эта теорія приводится съ одной стороны психологическимъ анализомъ, съ другой стороны патологическими фактами. Съ одной стороны оказывается, что осуществившееся воспріятіе можетъ оставаться въ мозгу въ видѣ сохраненнаго воспоминанія, только какъ особое, пріобрѣтенное расположеніе самихъ элементовъ, запечатлѣнныхъ воспріятіемъ: какъ же, въ какой именно моментъ, станетъ это воспріятіе искать другіе элементы? На этомъ естественномъ рѣшеніи останавливаются Bain [1]) и Ribot [2]). Но съ другой стороны патологія предупреждаетъ насъ, что совокупность воспоминаній извѣстнаго рода можетъ ускользать отъ насъ, въ то время какъ соотвѣтственная способность воспринимать остается нетронутой. При психической слѣпотѣ мы видимъ, при психической глухотѣ — слышимъ. Въ частности, что касается до потери слуховыхъ воспоминаній словъ,—только ею мы и занимаемся,—извѣстны многочисленные факты, показывающіе, что она обыкновенно связана съ разрушеніемъ первой и второй лѣвыхъ височно-клиновидныхъ извилинъ [3]), при чемъ неизвѣстно ни

---

[1]) Bain, Les sens et l'intelligence, стр. 304.—См. Spencer, Principes de Psychologie, t. I, стр. 483.

[2]) Ribot, Les maladies de la mémoire, Paris, 1881, стр. 10.

[3]) Наиболѣе четкіе случаи такого рода читатель найдетъ въ статьѣ Shaw, The sensory side of Ahpasia. (Brain

одного случая, чтобы пораженіе это вызвало настоящую глухоту: удалось даже произвести его экспериментально у обезьяны, не вызвавъ ничего иного, кромѣ психической глухоты, т. е. неспособности понимать смыслъ звуковъ, которые она продолжаетъ слышать [1]). Приходится, стало быть, признать за воспріятіемъ и за воспоминаніемъ отдѣльные нервные элементы. Но противъ этой гипотезы говоритъ самое элементарное психологическое наблюденіе, потому что мы знаемъ, что воспоминаніе, становясь болѣе яркимъ и сильнымъ, имѣетъ наклонность превращаться въ воспріятіе, хотя нельзя опредѣлить точно моментъ, когда происходитъ это коренное превращеніе и когда, слѣдовательно, можно было бы сказать, что оно перешло отъ воображательныхъ нервныхъ элементовъ на элементы чувственные. Такимъ образомъ обѣ эти противуположныя гипотезы, — первая, отождествляющая элементы воспріятія съ элементами памяти, вторая, ихъ различающая—таковы, что каждая изъ нихъ приводитъ къ другой, и придерживаться нельзя ни той, ни этой.

И развѣ можетъ быть иначе? И въ томъ и въ другомъ случаѣ, разсматриваютъ отдѣльное воспріятіе и воспоминіе-образъ въ статическомъ состояніи, какъ в е щ и, изъ которыхъ первая уже завершена безъ второй, вмѣсто того чтобы разсматривать динамическій прогрессъ, чрезъ который первая дѣлается второй.

1893, стр. 501). Многіе авторы ограничиваютъ характерное для потери слуховыхъ словесныхъ образовъ пораженіе первой извилиной. См. въ особенности Ballet, L e l a n g a g e i n t e r i e u r- стр. 153.

[1]) Luciani, цитир. у J. Soury, L e s F o n c t i o n s d u C e r v e a u, Paris, 1892, стр. 211.

Въ самомъ дѣлѣ, завершенное воспріятіе опредѣляется и отличается только при своемъ слитіи съ образомъ-воспоминаніемъ, который мы посылаемъ ей на встрѣчу. Этой цѣной получается вниманіе, а безъ вниманія есть только пассивное сопоставленіе ощущеній, сопровождаемыхъ машинальной реакціей. Съ другой стороны, какъ мы покажемъ ниже, самъ образъ-воспоминаніе, сведенный на состояніе чистаго воспоминанія, остался бы бездѣйственнымъ. Будучи виртуальнымъ, воспоминаніе это можетъ сдѣлаться актуальнымъ, только когда его притягиваетъ воспріятіе. Безсильное само по себѣ, оно заимствуетъ жизнь и силу отъ наличнаго ощущенія, въ которомъ оно матеріализуется. Не значитъ ли это, что воспріятіе вызывается двумя противоположными токами, изъ которыхъ одинъ, центростремительный, исходитъ отъ внѣшняго предмета, а другой, центробѣжный, имѣетъ точкой исхода то, что̀ мы называемъ „чистымъ воспоминаніемъ“? Первый токъ, самъ по себѣ, далъ бы только пассивное воспріятіе, съ сопровождающими ее машинальными реакціями. Второй, предоставленный самому себѣ, стремится дать актуализированное воспоминаніе, все болѣе и болѣе актуальное по мѣрѣ усиленія тока. Соединившись, эти два тока образуютъ въ точкѣ встрѣчи ясное и узнанное воспріятіе.

Такъ говоритъ внутреннее наблюденіе. Но мы не можемъ на этомъ остановиться. Очень опасно, конечно, погружаться, безъ достаточнаго знанія, въ область темныхъ вопросовъ мозговыхъ локализацій. Но мы сказали, что отдѣленіе полнаго воспріятія отъ образа-воспоминанія ставитъ клиническое наблюденіе въ конфликтъ съ психологическимъ анализомъ, и что изъ этого вытекаетъ серьезная антиномія для доктрины локализаціи воспоминаній. Намъ надлежитъ разсмотрѣть, что станется съ извѣстными

фактами, если не смотрѣть на мозгъ, какъ на хранилище воспоминаній [1]).

Примемъ временно, для упрощенія изложенія, что извнѣ приходящія раздраженія вызываютъ въ корковомъ слоѣ или въ другихъ центрахъ элементарныя ощущенія. Но это все же будутъ только элементарныя ощущенія. Между тѣмъ всякое воспріятіе охватываетъ значительное число этихъ ощущеній, сосуществующихъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Откуда этотъ порядокъ и что̀ опредѣляетъ это сосуществованіе? Въ томъ

---

1) Теорія, нами здѣсь намѣченная, походитъ съ одной стороны на теорію Wundt'a Укажемъ теперь же на общій между ними пунктъ и на существенную разницу. Вмѣстѣ съ Wundt'омъ мы считаемъ, что ясная перцепція предполагаетъ центробѣжное дѣйствіе, и этимъ мы приходимъ къ предположенію, вмѣстѣ съ нимъ (хотя нѣсколько въ отличномъ отъ него смыслѣ), что такъ называемые вообразительные центры являются скорѣе центрами группировки чувственныхъ впечатлѣній. Но тогда какъ по Wundt'у центробѣжное дѣйствіе состоитъ въ „аперцептивной стимуляціи", природа которой опредѣляется лишь въ общихъ чертахъ и которая, повидимому, соотвѣтствуетъ тому, что обыкновенно называется сосредоточиваніемъ вниманія, мы думаемъ, что это центробѣжное дѣйствіе принимаетъ въ каждомъ случаѣ особую форму, и именно форму „виртуальнаго предмета", который постепенно стремится актуализироваться. Отсюда важное различіе въ пониманіи роли центровъ. Wundt приходитъ къ принятію: 1) общаго органа аперцепціи, занимающаго лобную долю, 2) особыхъ центровъ, которые, будучи, безъ сомнѣнія, неспособными накоплять образы, сохраняютъ все же стремленіе или расположеніе къ ихъ воспроизведенію. Мы утверждаемъ, наоборотъ, что въ мозговомъ веществѣ ничего не можетъ оставаться отъ образа и что не можетъ существовать центра аперцепціи, но что въ этомъ веществѣ просто есть органы виртуальной перцепціи, на которые вліяетъ напряженіе воспоминанія, какъ на периферіи есть органы дѣйствительной перцепціи, на которые вліяетъ дѣйствіе предмета. (См. Psychologie physiologique, t. I, стр. 242—252).

случаѣ, когда матеріальный предметъ на лицо, отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: порядокъ и сосуществованіе зависятъ отъ органа чувствъ, получившаго впечатлѣніе отъ внѣшняго предмета. Органъ этотъ приспособленъ къ тому, чтобы множественность одновременныхъ раздраженій производила на него впечатлѣніе извѣстнымъ образомъ и въ извѣстномъ порядкѣ, распредѣляясь заразъ на избранныхъ частяхъ его поверхности. Это, стало быть, огромная клавіатура, на которой внѣшній предметъ выполняетъ сразу свой аккордъ въ тысячу нотъ, вызывая въ опредѣленномъ порядкѣ и въ одинъ мигъ огромное множество элементарныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ всѣмъ заинтересованнымъ точкамъ чувственнаго центра. Уничтожьте теперь внѣшній предметъ, или органъ чувствъ, или и то и другое; тѣ же элементарныя ощущенія могутъ быть возбуждены, потому что тѣ же струны остались и готовы звучать точно такъ же, но гдѣ клавіатура, позволяющая ударить по тысячамъ клавишъ сразу и соединить столько же простыхъ нотъ въ одинъ аккордъ? По нашему мнѣнію, „область образовъ“, если она существуетъ, только и можетъ быть такой клавіатурой. Конечно, было бы вполнѣ мыслимо, что чисто психическая причина прямо приводитъ въ дѣйствіе всѣ заинтересованныя струны. Но въ случаѣ умственнаго слушанія—единственно насъ интересующаго—локализація функціи, повидимому, достовѣрна, потомучто опредѣленное пораженіе височной доли ее уничтожаетъ; съ другой стороны, мы изложили соображенія, по которымъ мы не можемъ допустить, ни даже представить себѣ, осадковъ образовъ, отложенныхъ въ какой-либо области мозгового вещества. Единственная гипотеза остается, стало быть, допустимой, что область эта занимаетъ, по отношенію къ центру самого слуха, мѣсто, симметричное органу чувствъ, которымъ въ данномъ случаѣ является ухо: это будетъ умственное ухо.

Тогда указанное противорѣчіе разсѣивается. Съ одной стороны, становится понятнымъ, что вспомянутый слуховой образъ приводитъ въ движеніе тѣ-же нервные элементы, что и первоначальное воспріятіе, и что воспоминаніе постепенно превращается въ воспріятіе. Съ другой стороны понятно также, что способность вспоминать сложные звуки, каковы слова, можетъ относиться къ другимъ частямъ нервнаго вещества, чѣмъ способность ихъ воспринимать: вотъ почему при психической глухотѣ дѣйствительный слухъ переживаетъ слухъ умственный. Струны еще цѣлы и, подъ вліяніемъ внѣшнихъ звуковъ, онѣ еще дрожатъ, но нѣтъ внутренней клавіатуры.

Другими словами, наконецъ, центры, гдѣ рождаются элементарныя ощущенія, могутъ быть приведены въ дѣйствіе какъ бы съ двухъ разныхъ сторонъ, спереди и сзади. Спереди они получаютъ впечатлѣніе отъ органовъ чувствъ, слѣдовательно отъ реальнаго предмета; сзади они подвержены, чрезъ рядъ посредствующихъ вліяній, вліянію виртуальнаго предмета. Центры образовъ, если они существуютъ, могутъ быть, по отношенію къ чувственнымъ центрамъ, только органами, симетричными органамъ чувствъ. Они настолько же не вмѣстилища чистыхъ воспоминаній т. е. виртуальныхъ предметовъ, насколько органы чувствъ не вмѣстилища предметовъ реальныхъ.

Прибавимъ, что это только безконечно сокращенный переводъ того, что можетъ совершаться въ дѣйствительности. Различныя сенсоріальныя афазіи показываютъ, что вызовъ слухового образа актъ не простой. Между намѣреніемъ, тѣмъ, что мы называемъ чистымъ воспоминаніемъ, и слуховымъ образомъ-воспоминаніемъ въ собственномъ смыслѣ чаще всего вдвигаются промежуточныя воспоминанія, которыя должны сперва осуществиться въ образахъ-

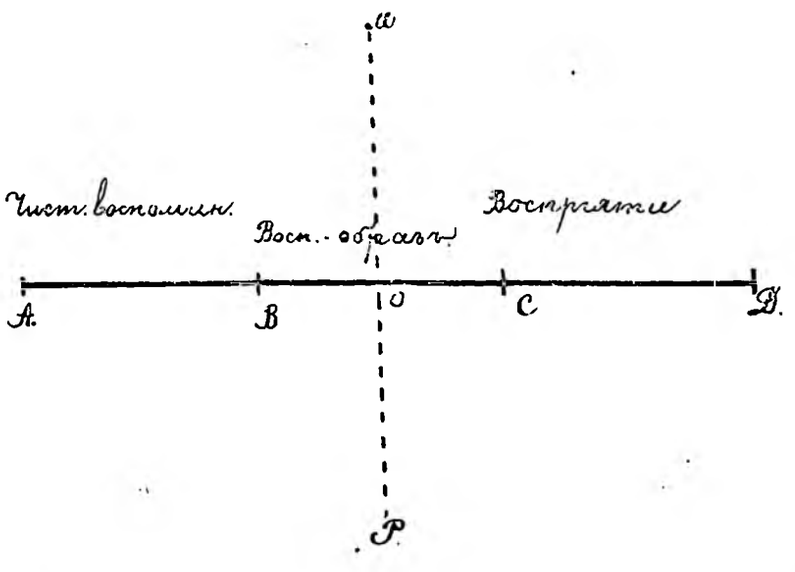
воспоминаніяхъ въ болѣе или менѣе отдаленныхъ центрахъ. Только тогда, лишь постепенно, идея воплощается въ особый образъ, въ образъ словесный. Этимъ самымъ умственный слухъ можетъ быть подчиненъ цѣлостности различныхъ центровъ и путей къ нимъ ведущихъ. Но осложненія эти ничего не измѣняютъ въ корнѣ вещей. Каково бы ни было число и природа промежуточныхъ членовъ, мы идемъ не отъ воспріятія къ идеѣ, а отъ идеи къ воспріятію, и характерный процессъ распознанія не центростремителенъ, а центробѣженъ. Остается, правда, опредѣлить, какъ возбужденія, исходящія изнутри, могутъ порождать ощущенія дѣйствіемъ на мозговую кору или другіе центры. Очевидно, что это только удобный способъ выражаться. Чистое воспоминаніе, по мѣрѣ осуществленія, стремится вызвать въ тѣлѣ всѣ соотвѣтственныя ощущенія. Но эти ощущенія, также виртуальныя, чтобъ сдѣлаться реальными, должны приводить въ дѣйствіе тѣло, придавать ему движенія и положеніе, привычнымъ антецедентомъ которыхъ они являются. Колебанія такъ называемыхъ чувственныхъ центровъ, обыкновенно предшествующія совершенымъ или намѣченнымъ тѣломъ движеніямъ (нормальная роль ихъ приготовить эти движенія, начавъ ихъ), служатъ не столько реальной причиной ощущенія, сколько проявленіемъ ея силы и условіемъ ея дѣйственности. Постепенное осуществленіе виртуальнаго образа не что иное, какъ рядъ переходовъ, которыми образъ этотъ вынуждаетъ у тѣла полезныя дѣйствія. Возбужденіе такъ называемыхъ чувственныхъ центровъ есть послѣдній изъ этихъ переходовъ; это прелюдія къ двигательной реакціи, начало дѣйствія въ пространствѣ. Другими словами, виртуальный образъ развивается въ направленіи виртуальнаго ощущенія, виртуальное ощущеніе въ направленіи реальнаго движенія: это движеніе, осущест-

вляясь, осуществляетъ заразъ какъ ощущеніе, естественнымъ продолженіемъ котораго оно является, такъ и образъ, захотѣвшій слиться съ ощущеніемъ. Мы углубимъ понятіе этихъ виртуальныхъ состояній и, дальше проникая во внутренній механизмъ психическихъ и психо-физическихъ актовъ, покажемъ какимъ непрерывнымъ ходомъ прошлое, актуализируясь, стремится вновь завоевать свое утраченное вліяніе.

ГЛАВА III.

О сохраненіи образовъ.—Память и духъ.

Повторимъ вкратцѣ сказанное. Мы различаемъ чистое воспоминаніе, воспоминаніе-образъ и воспріятіе, изъ которыхъ ни одно, на самомъ дѣлѣ, не появляется въ отдѣльности. Воспріятіе никогда не бываетъ простымъ соприкосновеніемъ духа съ наличнымъ предметомъ; оно всегда пропитано дополняющими и поясняющими ее воспоминаніями-образами. Воспоминаніе-образъ, въ свою очередь, причастно къ „чистому воспоминанію“, которое оно начинаетъ матеріализовать, и къ воспріятію, въ которое стремится воплотиться: разсматриваемое съ этой послѣдней точки зрѣнія, оно можетъ быть опредѣлено какъ рождающееся воспріятіе. Наконецъ, чистое воспоминаніе несомнѣнно независимое de jure, нормально проявляется только въ окрашенномъ и живомъ образѣ, его обнаруживающемъ. Символизируя эти три понятія послѣдовательными отрѣзками AB, BC и CD, прямой линіи AD, можно



сказать, что мысль наша чертитъ эту линію непрерывнымъ движеніемъ, идущимъ отъ A къ D, и невозможно сказать съ точностью, гдѣ кончается одна часть и гдѣ начинается другая.

Въ этомъ безъ труда удостовѣряется сознаніе всякій разъ, когда для анализа памяти оно слѣдитъ за движеніемъ работающей памяти. Намъ надо вспомнить что нибудь, вызвать періодъ нашей исторіи? Мы сознаемъ, что совершается актъ sui generis, которымъ мы отдѣляемся отъ настоящаго и становимся сперва въ прошедшее вообще, потомъ въ какую нибудь область прошедшаго; работа нащупомъ аналогична съ установкой фокуса фотографическаго аппарата. Но воспоминаніе все еще остается въ мнимомъ состояніи; такъ мы только приготовляемся къ полученію его, принимая надлежащее положеніе. Мало по малу оно появляется какъ сгущающееся туманное пятно; изъ виртуальнаго состоянія оно переходитъ въ актуальное, и по мѣрѣ того какъ обрисовываются его контуры и окрашивается его поверхность, оно стремится къ сходству съ воспріятіемъ. Но глубокими корнями своими оно остается связаннымъ съ прошедшимъ, и мы никогда не признали бы его за воспоминаніе, еслибы на немъ не оставалось слѣда его изначальной виртуальности, еслибъ оно, существуя въ настоящемъ, все же не отличалось бы чѣмъ то отъ настоящаго.

Постоянная ошибка ассоціаціонизма состоитъ въ подстановкѣ на мѣсто этой непрерывности осуществленія—что и есть живая реальность—прерывистой множественности косныхъ и сопоставленныхъ элементовъ. Именно потому, что каждый изъ такъ составленныхъ элементовъ содержитъ, вслѣдствіе своего происхожденія, нѣчто изъ ему предшествовавшаго, а также и изъ послѣдующаго, въ нашихъ глазахъ онъ долженъ принять форму состоянія смѣшаннаго и, въ нѣкоторомъ родѣ, нечистаго. Но съ другой стороны, принципъ ассоціаціонизма

требуетъ, чтобы всякое психологическое состояніе было чѣмъ-то въ родѣ атома, простымъ элементомъ. Отсюда необходимость пожертвовать неустойчивымъ, во всякомъ наблюдаемомъ фазисѣ, въ пользу устойчиваго, т. е. началомъ въ пользу конца. Когда дѣло идетъ о воспріятіи, въ немъ не видятъ ничего, кромѣ скопленія ощущеній, его окрашивающихъ; всплывшіе въ памяти образы, составляющіе его темное ядро, оставляютъ въ сторонѣ. Когда же дѣло доходитъ, въ свою очередь, до вспомянутаго образа, его берутъ готовымъ, осуществившимся въ состояніи слабаго воспріятія и раскрываютъ глаза на чистое воспоминаніе, которое образъ этотъ постепенно выявилъ. Въ противуборствѣ, установляемомъ ассоціаціонизмомъ, между стойкимъ и нестойкимъ, воспріятіе всегда смѣститъ воспоминаніе-образъ, а воспоминаніе-образъ — чистое воспоминаніе. Вотъ почему чистое воспоминаніе исчезаетъ окончательно. Ассоціаціонизмъ, разсѣкая надвое линіей MO весь ходъ AD, не видитъ въ отрѣзкѣ OD ничего, кромѣ ощущеній, которыя ее заканчиваютъ и которыя для него составляютъ все воспріятіе. Съ другой стороны, отрѣзокъ AO онъ сводитъ къ осуществившемуся образу, гдѣ заканчивается, распускаясь, чистое воспоминаніе. Тогда психологическая жизнь цѣликомъ сводится къ двумъ элементамъ — къ ощущенію и образу. А такъ какъ въ образѣ затопили чистое воспоминаніе, составлявшее его первоначальное состояніе и, кромѣ того, сблизили образъ съ воспріятіемъ, придавъ заранѣе воспріятію нѣчто, принадлежащее самому образу, между этими двумя состояніями будутъ находить различіе только въ степени или интенсивности. Отсюда различіе состояній сильныхъ и состояній слабыхъ, изъ которыхъ первыя возводятся нами въ воспріятія настоящаго, а вторыя—неизвѣстно почему—въ представленія прошлаго. На самомъ же дѣлѣ, мы никогда не достигнемъ прошедшаго, не погру-

зившись сразу въ него. Прошлое, по сущности виртуальное, можетъ быть воспринято нами какъ прошлое, только когда мы слѣдуемъ за движеніемъ, которымъ оно распускается въ образъ настоящаго, выступая изъ мрака на яркій свѣтъ. Напрасно было бы искать его слѣда въ чемъ-либо актуальномъ и уже осуществленномъ: это все равно, что мракъ искать на яркомъ свѣтѣ. На этомъ именно и зиждется ошибка ассоціаціонизма: помѣстившись въ актуальномъ, онъ тщетно силится открыть въ состояніи осуществленномъ и наличномъ признакъ его происхожденія въ прошломъ, отличить воспоминаніе отъ воспріятія и установить различіе въ природѣ тамъ, гдѣ онъ заранѣе призналъ лишь количественное различіе.

Воображать не значитъ вспоминать. Конечно, воспоминаніе стремится жить въ образѣ по мѣрѣ того, какъ оно актуализируется; но обратное не вѣрно, чистый и простой образъ не унесетъ меня къ прошедшему, если я дѣйствительно не искалъ его въ прошедшемъ, слѣдя за непрерывнымъ ходомъ, приведшимъ его изъ мрака къ свѣту. Психологи слишкомъ часто это забываютъ; изъ того, что вспомянутое ощущеніе становится актуальнѣе, когда надъ нимъ дольше останавливаются, они заключаютъ, что воспоминаніе ощущенія и было этимъ зарождающимся ощущеніемъ. Фактъ, на который они ссылаются, конечно, вѣренъ. Чѣмъ большее усиліе я употребляю, чтобъ припомнить прошедшую боль, тѣмъ болѣе я приближаюсь къ дѣйствительному ощущенію ея. Это легко понять, ибо образованіе воспоминанія, сказали мы, состоитъ именно въ его матеріализаціи. Вопросъ въ томъ, воспоминаніе о боли былоли сначала дѣйствительно болью. Гипнотизированному субъекту становится жарко, когда ему настойчиво повторяютъ, что ему жарко, но не оттого, конечно, что были жарки слова внушенія.

Изъ того, что воспоминаніе ощущенія продолжается въ это самое ощущеніе, не слѣдуетъ точно также заключать, что это воспоминаніе было зарождающимся ощущеніемъ: можетъ быть воспоминаніе играетъ, по отношенію къ ощущенію, которое зародится, именно роль магнетизера, дѣлающаго внушеніе. Въ этой формѣ, разбираемое нами разсужденіе уже не имѣетъ доказательности; оно еще не ложно, потому что на его сторонѣ та несомнѣнная истина, что воспоминаніе преобразуется по мѣрѣ своей актуализаціи. Но нелѣпость становится очевидной, если разсуждать отъ обратнаго, — что должно быть допустимымъ при гипотезѣ, на которую становятся, — то есть, если мы представимъ себѣ, что сила ощущенія уменьшается, вмѣсто того, чтобы заставлять усиливаться чистое воспоминаніе. Если между этими двумя состояніями различіе просто въ степени, то, въ извѣстный моментъ, ощущеніе превратилось бы въ воспоминаніе. Если воспоминаніе сильной боли, напримѣръ, есть только слабая боль, то сильная боль, мною испытываемая, уменьшаясь, должна превратиться въ вспомянутую сильную боль. Несомнѣнно, настаетъ такой моментъ, когда невозможно сказать, чувствую ли я дѣйствительное слабое ощущеніе или воображаемое слабое ощущеніе, это вполнѣ естественно, потому что воспоминаніе-образъ участвуетъ уже въ ощущеніи, но это слабое состояніе я никогда не приму за воспоминаніе о сильномъ состояніи. Стало быть, воспоминаніе нѣчто совсѣмъ другое.

Но иллюзія, состоящая въ томъ, что между воспоминаніемъ и воспріятіемъ видятъ только разницу въ степени, есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое слѣдствіе ассоціаціонизма, бо̀льшее, чѣмъ эпизодъ въ исторіи философіи. Корни ея глубокіе. Она зиждется, въ концѣ концовъ, на ложномъ представленіи о природѣ и объ объектѣ внѣшняго воспрія-

тія. Въ воспріятіи усматриваютъ только поученіе, обращенное къ чистому духу, и притомъ лишь спекулятивное. Но такъ какъ воспоминаніе, уже не имѣя объекта, по существу является познаніемъ такого рода, то между воспріятіемъ и воспоминаніемъ можно видѣть лишь различіе въ степени: воспріятіе смѣщаетъ воспоминаніе и образуетъ, такимъ образомъ, наше настоящее просто по праву сильнѣйшаго. Но между настоящимъ и прошлымъ различіе не просто въ степени. Мое настоящее, это то, что меня интересуетъ, что для меня живетъ, то, наконецъ, что побуждаетъ меня къ дѣйствію, между тѣмъ какъ прошлое мое по существу безсильно. Остановимся на этомъ пунктѣ. Мы лучше поймемъ природу того, что мы называемъ „чистымъ воспоминаніемъ", противупоставивъ ему наличное воспріятіе.

На самомъ дѣлѣ, невозможно было бы искать характеристики воспоминанія прошлаго состоянія, не опредѣливъ сначала конкретнаго признака наличной реальности, принятой сознаніемъ. Что такое для меня настоящій моментъ? Времени присуще протекать; время уже протекшее есть прошлое, и настоящимъ мы называемъ мгновеніе, въ которое оно протекаетъ. Но здѣсь не можетъ быть рѣчи о математическомъ мгновеніи. Безъ сомнѣнія, есть идеальное настоящее, только постижимое, недѣлимая граница, отдѣляющая прошлое отъ будущаго. Но реальное, конкретное, изживаемое настоящее, то, о которомъ я говорю, когда говорю о наличномъ воспріятіи, оно необходимо имѣетъ дленіе (durée). Гдѣ же обрѣтается это дленіе? Находится ли она впереди или позади математической точки, идеально мною опредѣляемой, когда я думаю о настоящемъ мгновеніи? Слишкомъ очевидно, что она одновременно и впереди и позади, и что то, что я называю „моимъ настоящимъ", захватываетъ одновременно часть моего про-

шедшаго и часть моего будущаго. Прежде всего часть моего прошедшаго, ибо „моментъ, когда я говорю, уже далекъ отъ меня“; затѣмъ и моего будущаго, потому что это мгновеніе склоняется къ будущему, къ будущему я стремлюсь, и еслибъ я могъ остановить это недѣлимое настоящее, этотъ безконечно малый элементъ кривой времени, то онъ указывалъ бы направленіе будущаго. Надобно, стало быть, чтобы психологическое состояніе, которое я зову „моимъ настоящимъ“ было одновременно и воспріятіемъ непосредственно прошлаго и опредѣленіемъ непосредственно будущаго. Между тѣмъ непосредственно прошлое, поскольку оно воспринято, есть ощущеніе, какъ мы увидимъ, потому что всякое ощущеніе выражаетъ весьма длинную послѣдовательность элементарныхъ колебаній; а непосредственно будущее, поскольку оно опредѣляется, есть дѣйствіе или движеніе. Мое настоящее, стало быть, есть одновременно ощущеніе и движеніе; а такъ какъ мое настоящее составляетъ нераздѣльное цѣлое, то это движеніе должно зависѣть отъ этого ощущенія и продолжать его въ дѣйствіе. Изъ этого я заключаю, что настоящее мое представляетъ собою систему ощущеній и движеній. Мое настоящее по существу чувственно-двигательно.

Другими словами, мое настоящее заключается въ сознаніи, которое я имѣю о своемъ тѣлѣ. Протяженное въ пространствѣ, тѣло мое испытываетъ ощущенія и въ то же время выполняетъ движенія. Ощущенія и движенія локализуются въ опредѣленныхъ точкахъ этой протяженности, поэтому въ одинъ данный моментъ не можетъ быть болѣе одной системы движеній и ощущеній. Вотъ почему мое настоящее представляется мнѣ вещью абсолютно опредѣленной и рѣзко отличной отъ моего прошлаго. Помѣщенное между матеріей на него вліяющей и матеріей, на которую оно вліяетъ, мое тѣло есть центръ дѣйствія, мѣсто, гдѣ полу-

ченныя впечатлѣнія разумно выбираютъ пути, для превращенія въ свершенныя движенія: оно, слѣдовательно, дѣйствительно представляетъ актуальное состояніе моего осуществленія (devenir), то, что въ моемъ дленіи (durée) образуется. Вообще, можно сказать, что въ той непрерывности осуществленія, которая и есть сама реальность, настоящій моментъ есть почти мгновенная вырѣзка, которую наше воспріятіе производитъ въ протекающей массѣ, а вырѣзка эта и есть именно то, что мы называемъ матеріальнымъ міромъ: тѣло наше занимаетъ его центръ; оно, въ этомъ матеріальномъ мірѣ, есть то, что мы непосредственно чувствуемъ, какъ протекающее; въ его актуальномъ состояніи заключается актуальность нашего настоящаго. Матерія, поскольку она протяженна въ пространствѣ, должна, по нашему мнѣнію, опредѣляться какъ настоящее, безпрерывно вновь начинающееся; наоборотъ, наше настоящее есть именно матеріальность нашего существованія, т. е. совокупность ощущеній и движеній, и ничего больше. Эта совокупность опредѣленна, единственна для каждаго мгновенія и именно потому, что ощущенія и движенія занимаютъ мѣста въ пространствѣ и что въ одномъ и томъ же мѣстѣ не можетъ быть нѣсколькихъ вещей заразъ.—Почему могли не признать такой простой, такой очевидной истины, которая, въ концѣ концовъ, есть только идея здраваго смысла?

Причина именно въ томъ, что между дѣйствительнымъ ощущеніемъ и чистымъ воспоминаніемъ упорно признавали лишь разницу въ степени, а не по существу. Разница же по нашему мнѣнію коренная. Мои дѣйствительныя ощущенія занимаютъ опредѣленныя части поверхности моего тѣла; чистое воспоминаніе, наоборотъ, не захватываетъ никакой части моего тѣла. Матеріализуясь, оно безъ сомнѣнія породитъ ощущеніе; но въ этотъ самый моментъ, оно пере-

станетъ быть воспоминаніемъ, перейдетъ въ состояніе настоящаго, актуально переживаемаго; я могу возвратить ему его характеръ воспоминанія только возвратомъ къ процессу, которымъ я вызвалъ это воспоминаніе изъ глубинъ моего прошлаго. Оно стало актуальнымъ именно потому, что я сдѣлалъ его активнымъ, то есть ощущеніемъ, способнымъ вызывать движенія. Бо́льшая часть психологовъ, наоборотъ, принимаютъ чистое воспоминаніе только за слабое воспріятіе, за совокупность рождающихся ощущеній. Уничтоживъ, такимъ образомъ, напередъ всякую разницу по существу между ощущеніемъ и воспоминаніемъ, они вынуждены, логикой своей гипотезы, матеріализовать воспоминаніе и идеализировать ощущеніе. Воспоминаніе они представляютъ себѣ только въ формѣ образа, т. е. уже воплощеннымъ въ рождающихся ощущеніяхъ. Отнеся къ воспоминанію основное изъ ощущенія и не желая видѣть въ идеальности этого воспоминанія чего бы то ни было отличнаго отъ ощущенія, они вынуждены, возвращаясь къ чистому ощущенію, оставить за нимъ идеальность, приданную такимъ путемъ рождающемуся ощущенію. Если прошлое, которое, по гипотезѣ, уже не дѣйствуетъ, можетъ существовать въ состояніи слабаго ощущенія, то стало быть есть безсильныя ощущенія. Если чистое воспоминаніе, которое, по гипотезѣ, не затрогиваетъ никакой опредѣленной части тѣла, есть рождающееся ощущеніе, то ощущеніе не локализовано непремѣнно въ какой-нибудь точкѣ тѣла. Видѣть въ ощущеніи состояніе неустойчивое и непротяженное, пріобрѣтающее протяженность и укрѣпляющееся въ тѣлѣ только случайно, есть иллюзія, которая глубоко искажаетъ, какъ мы видѣли, теорію внѣшняго воспріятія и поднимаетъ много спорныхъ вопросовъ въ различныхъ метафизикахъ матеріи. Какъ бы то ни было, ощущеніе, по существу,

*

протяженно и локализовано, это источникъ движенія;—чистое воспоминаніе, будучи непротяженно и безсильно, совершенно не причастно къ ощущенію.

То, что я называю своимъ настоящимъ, есть положеніе, принятое мною по отношенію къ непосредственному будущему, это мое неминуемое дѣйствіе. Мое настоящее, стало быть, чувственно-двигательно. Изъ прошлаго моего только то становится образомъ, а слѣдовательно ощущеніемъ, хотя бы рождающимся, что можетъ содѣйствовать этому дѣйствію, вложиться въ это положеніе, словомъ—стать полезнымъ, но какъ только прошлое становится образомъ, оно выходитъ изъ чистаго воспоминанія и сливается съ нѣкоторой частью моего настоящаго. Воспоминаніе, актуализированное въ образѣ, глубоко отличается, слѣдовательно, отъ чистаго воспоминанія. Образъ, это состояніе настоящее, и онъ связанъ съ прошлымъ только воспоминаніемъ, изъ котораго вышелъ. Наоборотъ, воспоминаніе, безсильное пока оно безполезно, остается чистымъ отъ всякой примѣси ощущенія, безъ связи съ настоящимъ и, слѣдовательно, оно непротяженно.

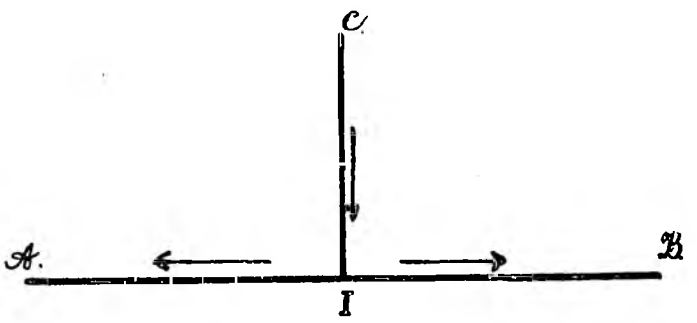
Это полнѣйшее безсиліе чистаго воспоминанія поможетъ намъ понять, какъ оно сохраняется въ скрытомъ состояніи. Не входя еще въ глубь вопроса, ограничимся замѣчаніемъ, что намъ трудно признать безсознательныя психологическія состоянія особенно потому, что мы принимаемъ сознаніе за основное свойство психологическихъ состояній, такъ что психологическое состояніе не можетъ перестать быть сознательнымъ,, не переставъ повидимому существовать. Но если сознаніе только характерный признакъ настоящаго, т. е. актуально переживаемаго, т. е., дѣйствующаго, тогда то, что не дѣйствуетъ, можетъ не принадлежать сознанію, не переставая однако существовать въ иной формѣ. Другими словами, сознаніе, въ

психологической области, синонимъ не существованія, но только реальнаго дѣйствія, или непосредственной возможности дѣйствія; когда терминъ этотъ такъ ограниченъ, легче представить себѣ безсознательное и психологическое состояніе, т. е., въ сущности, состояніе безсильное. Какъ ни смотрѣть на сознаніе въ самомъ себѣ, какимъ оно обнаружило бы себя, дѣйствуя безпрепятственно, трудно отрицать, что у существа съ тѣлесными отправленіями, цѣлью сознанія является, главнымъ образомъ, управленіе дѣйствіемъ и помощь въ выборѣ. Оно бросаетъ свой свѣтъ на непосредственные антецеденты рѣшенія и на всѣ тѣ антецеденты прошлыхъ воспоминаній, которыя могутъ полезно соединиться съ ними; остальное остается въ тѣни. Но здѣсь мы опять находимъ, въ новой формѣ, безпрерывно возрождающуюся иллюзію, съ которой мы боремся съ самого начала этой книги. Даже когда сознаніе присоединено къ тѣлеснымъ функціямъ, ему приписываютъ лишь случайное практическое значеніе, желаютъ видѣть въ немъ способность спекулятивную по существу. Но тогда какой интересъ можетъ имѣть сознаніе упускать знанія, которыми оно обладаетъ? Почему сознаніе, будучи предназначенно для чистаго познаванія, отказывается освѣщать то, что не окончательно для него потеряно? Отсюда слѣдовало бы, что по праву ему принадлежитъ все, чѣмъ оно обладаетъ на самомъ дѣлѣ, и что въ области сознанія все реальное актуально. Но если возвратить сознанію его настоящую роль, то настолько же не будетъ причинъ утверждать, что прошлое, разъ воспринятое, стирается, какъ нѣтъ причинъ предполагать, что матеріальные предметы перестаютъ существовать, когда я перестаю ихъ воспринимать.

Остановимся на этомъ послѣднемъ пунктѣ, потому что тутъ центръ трудностей и источникъ недоразумѣній, окру-

жающихъ проблему безсознательнаго. Идея безсознательнаго представленія ясна, не смотря на распространенный предразсудокъ; можно даже сказать, что мы постоянно ею пользуемся и что нѣтъ концепціи, болѣе обыденной для здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ признаютъ, что наличные образы нашего воспріятія не составляютъ всей матеріи. Но, съ другой стороны, чѣмъ можетъ быть не воспринятый матеріальный предметъ, не воображаемый образъ, если не своего рода безсознательнымъ умственнымъ состояніемъ? За предѣлами стѣнъ вашей комнаты, которыя вы воспринимаете въ эту минуту, есть сосѣднія комнаты, остальная часть дома, наконецъ улица, городъ, гдѣ вы живете. Рѣшительно все равно, какихъ взглядовъ на матерію вы придерживаетесь: реалистъ вы или идеалистъ, вы, очевидно, думаете, когда говорите о городѣ, объ улицѣ, о другихъ комнатахъ дома, о воспріятіяхъ отсутствующихъ въ вашемъ сознаніи и тѣмъ не менѣе данныхъ внѣ его. Онѣ не создаются по мѣрѣ того какъ сознаніе ваше принимаетъ ихъ; стало быть онѣ какимъ-нибудь образомъ уже существовали, и такъ какъ, по гипотезѣ, сознаніе ваше ихъ не намѣчало, какъ могли бы онѣ существовать сами по себѣ, если не въ состояніи безсознательнаго? Откуда происходитъ, что существованіе внѣ сознанія кажется намъ яснымъ, когда дѣло касается объекта, и темнымъ, когда мы говоримъ о субъектѣ? Воспріятія наши, актуальныя и виртуальныя, распредѣляются вдоль двухъ линій, одной — горизонтальной AB, содержащей всѣ одновременные предметы въ пространствѣ, другой—вертикальной CI, на которой располагаются наши послѣдовательныя воспоминанія, размѣщенныя во времени. Точка I, пересѣченіе двухъ линій, есть единственная, актуально данная нашему сознанію. Почему мы безъ колебанія принимаемъ реальность всей линіи AB, хотя она

остается невидимой и, наоборотъ, на линіи CI только настоящее I, актуально воспринятое, кажется намъ единственной точкой воистину существующей? Въ основѣ этого коренного различія между серіей времени и серіей пространства лежитъ столько смутныхъ и плохо набросанныхъ идей, столько гипотезъ, лишенныхъ всякой спекулятивной цѣнности, что мы не въ состояніи исчерпать всего быстрымъ анализомъ. Чтобы окончательно обнаружить иллюзію, пришлось бы изыскать съ самаго начала и прослѣдить во всѣхъ изгибахъ двойное движеніе, которымъ мы доходимъ до принятія объективныхъ реальностей безъ отношенія къ сознанію и состояній сознанія безъ объективной реальности. Тогда оказывается, что пространство безконечно сохраняетъ в е щ и, въ немъ размѣщенныя, а время какъ бы разрушаетъ мало по малу с о с т о я н і я, слѣдующія въ немъ одно за другимъ. Часть этой работы была сдѣлана нами въ первой главѣ этой книги, когда мы говорили объ объективности вообще; остальное будетъ сдѣлано на послѣднихъ страницахъ, когда мы будемъ говорить объ идеѣ матеріи. Ограничимся здѣсь указаніемъ на нѣкоторыя существенныя точки.



Прежде всего, предметы, размѣщенные вдоль линіи AB, представляютъ для насъ то, что мы будемъ воспринимать, между тѣмъ какъ линія CI содержитъ только то, что мы уже восприняли. Далѣе, прошлое уже не представляетъ для насъ интереса; оно истощило свое возможное дѣйствіе, или пріобрѣтетъ значеніе только почерпнувъ жизненность изъ наличнаго воспріятія. Наоборотъ, ближайшее будущее состоитъ въ неминуемомъ дѣйствіи, въ энергіи еще не из-

расходованной. Не воспринятая еще часть матеріальной вселенной, чреватая обѣщаніями и угрозами, является для насъ реальностью, на которую не могутъ и не должны имѣть вліяніе не воспринятые актуально періоды нашего прошедшаго существованія. Но это различіе, цѣликомъ относящееся къ практической пользѣ и къ матеріальнымъ требованіямъ жизни, принимаетъ въ нашемъ умѣ все болѣе и болѣе ясную форму метафизическаго различія.

Мы показали, что предметы, расположенные вокругъ насъ, представляютъ, въ разныхъ степеняхъ, дѣйствіе, которое мы можемъ оказывать на вещи, или дѣйствіе, которое мы должны будемъ испытать отъ нихъ. Срокъ этого возможнаго дѣйствія точно опредѣляется большимъ или меньшимъ отдаленіемъ отъ соотвѣтственнаго предмета, такъ что разстояніе въ пространствѣ измѣряетъ близость угрозы или обѣщанія во времени. Пространство даетъ намъ, стало быть, сразу схему нашего ближайшаго будущаго; такъ какъ это будущее должно протекать безконечно, то пространство, его символизирующее, имѣетъ свойствомъ оставаться въ своей неподвижности безконечно открытымъ. Отсюда происходитъ, что непосредственный горизонтъ, данный нашему воспріятію, кажется намъ по необходимости окруженнымъ болѣе широкимъ кругомъ, существующимъ, хотя невидимымъ; этотъ кругъ предполагаетъ собою другой кругъ, его обнимающій, и т. д. до безконечности. Стало быть, наше актуальное воспріятіе, по скольку оно протяженно, имѣетъ сущностью быть всегда только содержимымъ по отношенію къ болѣе обширному и даже безконечному опыту, ее содержащему; и этотъ опытъ, отсутствующій въ нашемъ сознаніи, потому что онъ переходитъ за воспринимаемый горизонтъ, все же кажется актуально даннымъ. Мы чувствуемъ себя прицѣпленными къ этимъ матеріальнымъ предметамъ, изъ которыхъ мы

дѣлаемъ наличныя реальности, тогда какъ наши воспоминанія, поскольку они прошлыя, являются наоборотъ, баластомъ, который мы тащимъ за собою, охотно дѣлая видъ, что освободились отъ него.

По инстинкту, въ силу котораго мы безконечно раскрываемъ передъ собою пространство, мы замыкаемъ за собою время по мѣрѣ его протеканія. И тогда какъ реальность, какъ протяженность, кажется намъ безконечно выходящей за предѣлы нашего воспріятія, въ нашей внутренней жизни наоборотъ, только то кажется намъ р е а л ь н ы м ъ, что начинается съ настоящимъ моментомъ; остальное практически уничтожено. И тогда, если въ сознаніи появляется воспоминаніе, оно кажется намъ привидѣніемъ, таинственное появленіе котораго надо объяснять особыми причинами. Въ дѣйствительности же сцѣпленіе этого воспоминанія съ нашимъ состояніемъ въ настоящемъ вполнѣ сравнимо со сцѣпленіемъ предметовъ невоспринятыхъ съ тѣми, которые мы воспринимаемъ, и б е з с о з н а т е л ь н о е въ обоихъ случаяхъ играетъ одинаковую роль.

Но намъ очень трудно представить себѣ вещи въ этомъ видѣ, потому что мы пріучились подчеркивать различія и, наоборотъ, стушевывать сходства между серіей п р е д м е т о в ъ, одновременно расположенныхъ въ пространствѣ, и серіей с о с т о я н і й, послѣдовательно развивающихся во времени. Въ первой всѣ члены устанавливаются совершенно опредѣленно такъ, что появленіе каждаго новаго члена могло быть предвидѣно. Выходя изъ своей комнаты, я знаю черезъ какія комнаты я буду проходить. Наоборотъ, воспоминанія мои являются въ порядкѣ съ виду причудливомъ. Порядокъ представленій, стало быть, необходимъ въ одномъ случаѣ, въ другомъ—случаенъ; и эту необходимость я какъ бы олицетворяю, когда говорю о существованіи предметовъ внѣ всякаго сознанія. Если я безъ за-

трудненія могу предположить, что дана вся цѣлокупность предметовъ, мною не воспринимаемыхъ, то это потому, что строго опредѣленный порядокъ этихъ предметовъ придаетъ имъ видъ цѣпи и наличное мое воспріятіе тогда не болѣе какъ одно звено этой цѣпи: это звено передаетъ свою актуальность остальной цѣпи. — Но ближе присмотрѣвшись, можно бы увидѣть, что воспоминанія наши образуютъ цѣпь того же рода, и что нашъ характеръ, всегда присутствующій при всѣхъ нашихъ рѣшеніяхъ, есть актуальный синтезъ всѣхъ нашихъ былыхъ состояній. Въ этой сжатой формѣ, наша предшествующая психологическая жизнь существуетъ для насъ даже болѣе, чѣмъ внѣшній міръ, котораго мы воспринимаемъ всегда только малѣйшую долю, между тѣмъ какъ мы пользуемся цѣлокупностью нашего пережитаго опыта. Правда, мы обладаемъ ею лишь въ сокращенномъ видѣ и наши прежнія воспріятія, разсматриваемыя какъ отдѣльныя индивидуальности, кажутся намъ или окончательно исчезнувшими или появляющимися по своей прихоти. Но эта видимость полнаго разрушенія или капризнаго воскресенія зависитъ просто отъ того, что актуальное сознаніе принимаетъ въ каждое мгновеніе полезное, временно откидывая излишнее. Всегда устремленное къ дѣйствію, оно можетъ матеріализовать только тѣ наши давнія воспріятія, которыя организуются съ наличнымъ воспріятіемъ и принимаютъ участіе въ окончательномъ рѣшеніи. Если для проявленія моей воли въ данной точкѣ пространства надобно, чтобы сознаніе мое прошло чрезъ каждый изъ промежутковъ или препятствій, которые въ общемъ составляютъ то, что называется разстояніемъ въ пространствѣ, то ему также бываетъ полезно для выясненія этого дѣйствія, перескочить черезъ промежутокъ времени, отдѣляющій положеніе въ настоящемъ отъ аналогичнаго положенія въ былomъ; и такъ какъ оно переносится

туда однимъ скачкомъ, вся промежуточная часть прошлаго ускользаетъ отъ него. Тѣ самыя причины, по которымъ наши воспріятія располагаются въ строгой послѣдовательности въ пространствѣ, заставляютъ воспоминанія наши свѣтиться прерывисто во времени. Невоспринятые предметы въ пространствѣ и безсознательныя воспоминанія во времени не суть двѣ радикально отличныя формы существованія; но для дѣйствія требованія противоположны въ обоихъ случаяхъ.

Здѣсь мы соприкасаемся съ важнѣйшей проблемой бытія, съ проблемой, которую мы можемъ лишь слегка затронуть, иначе, переходя отъ вопроса къ вопросу, мы вошли бы въ сердцевину метафизики. Скажемъ просто, что въ томъ, что касается вещей опыта,—а только ими мы здѣсь и занимаемся,—бытіе предполагаетъ соединеніе двухъ условій: 1) появленіе въ сознаніи, 2) логическое или причинное соотношеніе того, что появилось въ сознаніи, съ предшествующимъ и съ послѣдующимъ. Для насъ реальность психологическаго состоянія или матеріальнаго предмета состоитъ въ томъ двойномъ фактѣ, что сознаніе наше ихъ воспринимаетъ и что они входятъ въ серіи времени или пространства, гдѣ члены опредѣляются одинъ другимъ. Но эти два условія допускаютъ степени и понятно, что хотя оба необходимы, они выполняемы не одинаково. Такъ въ случаѣ внутреннихъ актуальныхъ состояній, связь менѣе тѣсна, случайности оставляется большое мѣсто и опредѣленіе настоящаго прошлымъ не имѣетъ характера математическаго вывода;—зато появленіе въ сознаніи полно, и наличное психологическое состояніе даетъ намъ цѣлокупность своего содержанія въ самомъ актѣ его воспріятія. Наоборотъ, когда дѣло касается внѣшнихъ предметовъ, связь становится полной, потому что эти объекты повинуются необходимымъ законамъ; но тогда другое условіе, появленіе въ сознаніи, выполняется только частью, такъ какъ намъ кажется, что ма-

теріальный предметъ, въ силу многочисленности невидимыхъ элементовъ, связывающихъ его съ другими предметами, содержитъ въ себѣ и скрываетъ за собою безконечно больше, чѣмъ онъ обнаруживаетъ.—Мы сказали бы, что бытіе въ эмпирическомъ смыслѣ слова, предполагаетъ всегда заразъ, но въ различныхъ степеняхъ, сознательное усвоеніе и правильное соотношеніе. Но наше разумѣніе, функція котораго устанавливать рѣзкія различенія, не такъ понимаетъ вещи. Вмѣсто того, чтобъ признать во всѣхъ случаяхъ присутствіе обоихъ элементовъ, смѣшанныхъ въ различныхъ пропорціяхъ, оно предпочитаетъ разъединить эти два элемента и приписать, такимъ путемъ, внѣшнимъ предметамъ съ одной стороны и внутреннимъ состояніямъ съ другой, два способа существованія радикально различныхъ, при чемъ каждый изъ нихъ характеризуется исключительнымъ присутствіемъ условія, которое слѣдовало бы объявить только преобладающимъ. Тогда существованіе психологическихъ состояній будетъ заключаться цѣликомъ въ усвоеніи ихъ сознаніемъ, а существованіе внѣшнихъ явленій, также цѣликомъ, въ строгомъ порядкѣ ихъ сосуществованія и ихъ послѣдовательности. Отсюда невозможность предоставить невоспринимаемымъ, но существующимъ матеріальнымъ предметамъ ни малѣйшаго участія въ сознаніи, а несознательнымъ внутреннимъ состояніямъ ни малѣйшаго участія въ существованіи. Въ началѣ этой книги, мы показали послѣдствія первой иллюзіи: она приводитъ къ извращенію нашихъ представленій о матеріи. Вторая, дополняющая первую, извращаетъ нашу концепцію духа, покрывая искусственнымъ мракомъ идею сознательной связи. Вся наша прошлая психологическая жизнь обусловливаетъ наше настоящее состояніе, не опредѣляя его неизбѣжнымъ образомъ; она обнаруживается также цѣликомъ въ нашемъ характерѣ, хотя ни одно изъ прощ-

лыхъ состояній явно въ нашемъ характерѣ не проявляется. Эти два условія, въ соединеніи, обезпечиваютъ каждому прошедшему психологическому состоянію существованіе реальное, хотя и безсознательное.

Но мы такъ привыкли переворачивать дѣйствительный порядокъ вещей въ интересахъ практики, мы до такой степени охвачены неотступностью образовъ, почерпнутыхъ изъ пространства, что не можемъ не спрашивать, гдѣ хранится воспоминаніе. Мы понимаемъ, что физико-химическія явленія происходятъ *въ* мозгу, что мозгъ находится *въ* тѣлѣ, тѣло *въ* окружающемъ его воздухѣ и т. д.; но прошлое, разъ довершенное, если оно сохраняется, гдѣ оно? Просто и ясно, кажется, помѣстить его, въ состояніи молекулярнаго измѣненія, въ мозговое вещество, потому что мы имѣемъ тогда актуально данный резервуаръ, который стоитъ только открыть, чтобъ скрытые образы потекли въ сознаніе. Но если мозгъ не можегъ служить для такого употребленія, какое хранилище населимъ мы накопленными образами? Забываютъ, что отношеніе между содержащимъ и содержимымъ получаетъ свою кажущуюся ясность и всеобщность отъ необходимости для насъ всегда открывать передъ собою пространство и за собою всегда замыкать время. Показать, что одна вещь содержится въ другой, совсѣмъ не значитъ объяснить этимъ явленіе ея сохраненія. Болѣе того: предположимъ на одинъ моментъ, что прошлое переживаетъ себя въ состояніи воспоминанія, сохраняемаго въ мозгу. Надобно, въ такомъ случаѣ, чтобъ мозгъ, для сохраненія воспоминанія, по крайней мѣрѣ сохранялся самъ. Но этотъ мозгъ, какъ протяженный образъ въ пространствѣ, занимаетъ всегда только моментъ настоящаго; онъ составляетъ, вмѣстѣ съ остальной матеріальной вселенной, безпрерывно возобновляемую вырѣзку всеобщаго осуществленія; или вы должны предположить, что вселенная эта

погибаетъ и воскресаетъ настоящимъ чудомъ во всѣ моменты времени, или вы должны перенести на нее непрерывность существованія, въ которой вы отказываете сознанію, и сдѣлать изъ ея прошедшаго реальность себя переживающую и продолжающуюся въ ея настоящемъ. Вы, стало быть, ничего не выиграете отъ накопленія воспоминанія въ матеріи, а будете, наоборотъ, вынуждены распространить на цѣлокупность состояній матеріальнаго міра то независимое и полное переживаніе прошлаго, въ которомъ вы отказываете психологическимъ состояніямъ. Это переживаніе прошедшаго в ъ с е б ѣ навязывается, стало быть, въ той или иной формѣ и намъ трудно понять ее просто потому, что мы приписываемъ серіи воспоминаній во времени ту необходимость с о д е р ж а т ь и с о д е р ж а т ь с я, которая вѣрна только относительно совокупности тѣлъ, мгновенно воспринятыхъ въ пространствѣ. Основная иллюзія заключается въ томъ, что мы переносимъ въ длительность, въ состояніи теченія, форму мгновенныхъ разрѣзовъ, которые мы въ немъ дѣлаемъ.

Но какъ можетъ прошедшее, по гипотезѣ переставшее существовать, сохраняться само собою? Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія? — На это мы отвѣтимъ, что вопросъ именно въ томъ, перестало ли прошедшее существовать, или просто перестало быть полезнымъ. Вы произвольно опредѣляете настоящее, какъ то, ч т о е с т ь, тогда какъ настоящее есть просто т о, ч т о с о в е р ш а е т с я. Менѣе всего е с т ь настоящій моментъ, если вы подъ этимъ подразумѣваете недѣлимый предѣлъ, ограничивающій прошлое отъ будущаго. Когда мы мыслимъ это настоящее, какъ долженствующее быть, его еще нѣтъ; а когда мы мыслимъ его какъ существующее, оно уже прошло. Но если, наоборотъ, вы будете разсматривать настоящее конкретное и дѣйствительно переживаемое сознаніемъ, можно сказать,

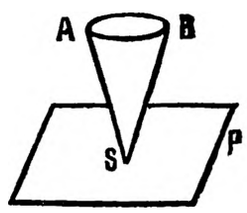
что это настоящее состоитъ по преимуществу въ непосредственно прошедшемъ. Въ долѣ секунды, срокъ возможно кратчайшаго воспріятія свѣта, произошли трилліоны вибрацій, изъ которыхъ первая отдѣлена отъ послѣдней промежуткомъ, раздѣленнымъ на огромное число разъ. Стало быть, ваше воспріятіе, сколь бы оно ни было мгновенно, состоитъ изъ неисчислимаго множества вспомянутыхъ элементовъ, и, по правдѣ сказать, всякое воспріятіе есть уже память. Практически, мы воспринимаемъ только прошедшее, такъ какъ чистое настоящее есть неуловимый ходъ прошедшаго, которое гложетъ будущее.

Своимъ свѣтомъ сознаніе, во всякій моментъ, освѣщаетъ ту непосредственную часть прошлаго, которое, склонившись надъ будущимъ, стремится реализовать и присоединить его къ себѣ. Исключительно занятое, такимъ образомъ, опредѣленіемъ неопредѣленнаго будущаго, сознаніе можетъ пролить немного свѣта на тѣ состоянія нашего болѣе отдаленнаго прошлаго, которыя могутъ полезно связаться съ нашимъ настоящимъ состояніемъ, то-есть съ нашимъ непосредственнымъ прошлымъ; остальное остается темнымъ. Мы помѣщаемся въ этой освѣщенной части нашей исторіи въ силу основного закона жизни, закона дѣйствія: отсюда вытекаетъ для насъ трудность понять существованіе воспоминаній, которыя какъ бы сохраняются во мракѣ. Наша непріязнь къ принятію мысли о полномъ сохраненіи прошлаго зависитъ отъ самаго направленія нашей психической жизни, которая есть истинное развитіе состояній, гдѣ весь нашъ интересъ сосредоточенъ на томъ, что развивается, а не на томъ, что́ уже развилось окончательно.

Такъ длиннымъ обходомъ мы возвращаемся къ нашей точкѣ отправленія. Мы говорили, что есть двѣ памяти глубоко отличныя. Одна изъ нихъ, помѣщенная въ организмѣ, есть ничто иное, какъ совокупность разумно прилаженныхъ

механизмовъ, которые обезпечиваютъ подходящій отвѣтъ на различные возможные запросы. Благодаря ей, мы приспособляемся къ настоящему положенію; благодаря ей, претерпѣваемыя нами дѣйствія сами собою продолжаются въ реакціи то выполненныя, то зарождающіяся, но всегда болѣе или менѣе приспособленныя. Это скорѣе привычка, чѣмъ память, она разыгрываетъ нашъ прошлый опытъ, но не вызываетъ его образа. Другая, — это настоящая память. Сорастяжимая съ сознаніемъ, она удерживаетъ и располагаетъ одно за другимъ всѣ наши состоянія, по мѣрѣ того, какъ они наступаютъ, оставляя за каждымъ фактомъ его мѣсто, т. е. обозначая его дату; она дѣйствительно двигается въ окончательномъ прошломъ, а не какъ первая въ непрестанно зачинающемся настоящемъ. Но глубоко различая эти двѣ формы памяти, мы не показали ихъ связи. Надъ тѣломъ, съ его механизмами, символизирующими накопленное усиліе прошлыхъ дѣйствій, память воображающая и повторяющая витала въ пустотѣ. Но если мы никогда ничего не воспринимаемъ кромѣ нашего непосредственнаго прошлаго, если наше сознаніе настоящаго уже память, то два члена, сперва нами раздѣленные, тѣсно скрѣпятся вмѣстѣ. Наше тѣло, разсматриваемое съ этой новой точки зрѣнія, ничто иное какъ неизмѣнно возрождающаяся часть нашего представленія, всегда присутствующая, или скорѣе та, которая только что прошла. Будучи образомъ, это тѣло не можетъ накоплять образы, такъ какъ оно составляетъ часть образовъ; и поэтому попытка локализировать въ мозгу воспріятія прошлыя или даже наличныя неосновательна: они не въ немъ, это онъ въ нихъ. Но тотъ особый образъ, который держится среди другихъ образовъ, и который я называю своимъ тѣломъ, представляетъ въ каждое мгновеніе, какъ было сказано, поперечный разрѣзъ всемірнаго осуществленія. Это, стало быть, мѣсто прохожденія

полученныхъ и отосланныхъ движеній, соединительная черта между вещами, на которыя дѣйствую я, и вещами, которыя дѣйствуютъ на меня, словомъ, мѣстонахожденіе чувственно-двигательныхъ явленій. Если конусомъ SAB я представлю совокупность воспоминаній, накопленныхъ въ моей памяти, то основаніе его AB, находящееся въ прошедшемъ, остается неподвижнымъ, между тѣмъ какъ вершина S, которая во всякій моментъ изображаетъ мое настоящее, безпрерывно идетъ впередъ и такъ же безпрерывно касается подвижной плоскости P, моего актуальнаго представленія вселенной. Въ S сосредоточивается образъ тѣла; и, составляя часть плоскости P, образъ этотъ ограничивается принятіемъ и отдачей дѣйствій, которыя исходятъ отъ всѣхъ образовъ, составляющихъ плоскость.



Память тѣла, образованная изъ совокупности чувственно-двигательныхъ системъ, организованныхъ привычкой, есть, стало быть, память почти мгновенная, для которой настоящая память прошлаго служитъ основаніемъ. Такъ какъ онѣ не составляютъ двухъ раздѣльныхъ вещей, такъ какъ первая, сказали мы, только подвижное остріе, вставленное второй въ подвижную плоскость опыта, естественно, что обѣ функціи оказываютъ одна другой взаимную поддержку. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны память прошлаго доставляетъ чувственно-двигательнымъ механизмамъ всѣ воспоминанія, способныя руководить ихъ работой и направлять двигательную реакцію въ смыслѣ подсказанномъ уроками опыта: въ этомъ именно и заключаются ассоціаціи по смежности и по сходству. Но съ другой стороны, чувственно-двигательные аппараты даютъ безсильнымъ, т. е. безсознательнымъ, воспоминаніямъ средство воплотиться, матеріализоваться, стать настоящими. Для того, чтобы воспоминаніе вновь появилось въ сознаніи,

надобно, чтобъ оно спустилось съ высотъ чистой памяти именно до той точки, гдѣ совершается дѣйствіе. Другими словами, отъ настоящаго исходитъ призывъ, на который воспоминаніе отвѣчаетъ, а отъ чувственно-двигательныхъ элементовъ наличнаго дѣйствія воспоминаніе заимствуетъ тепло, дающее жизнь.

Развѣ не по прочности этого согласованія, не по точности, съ которой эти двѣ дополнительныя памяти внѣдряются одна въ другую, мы узнаемъ „хорошо уравновѣшенные умы", то есть, въ сущности, людей совершенно приспособленныхъ къ жизни? Человѣкъ дѣятельный отличается быстротой, съ которой онъ призываетъ въ помощь данному положенію всѣ воспоминанія, къ этому положенію относящіяся,—но это также и непреодолимая преграда на порогѣ сознанія, для всѣхъ безполезныхъ или безразличныхъ воспоминаній. Жить исключительно въ настоящемъ, отвѣчать на возбужденіе непосредственной реакціей, его продолжающей, свойственно низшему животному; когда такъ поступаетъ человѣкъ, онъ импульсивенъ. Но не лучше приспособленъ къ дѣйствію и тотъ, кто живетъ въ прошедшемъ только потому, что это ему пріятно, и у кого воспоминанія выплываютъ на свѣтъ сознанія безъ пользы для настоящаго положенія: это уже не импульсивный человѣкъ, а мечтатель. Между этими двумя крайностями стоитъ счастливая способность памяти достаточно покорной, чтобы съ точностью слѣдить за всѣми очертаніями наличнаго положенія, но также и достаточно энергичной, чтобы противостоять всякому иному призыву. Только въ этомъ, повидимому, и заключается здравый или практическій смыслъ.

Необыкновенное развитіе самопроизвольной памяти у большинства дѣтей зависитъ именно оттого, что они еще не согласовали своей памяти со своимъ поведеніемъ. Обы-

кновенно они отдаются впечатлѣнію момента, и такъ какъ поступки ихъ не подчиняются указаніямъ воспоминанія, то и обратно, ихъ воспоминанія не ограничиваются необходимостями дѣйствія. Они, повидимому, легче запоминаютъ только потому, что вспоминаютъ съ меньшимъ разборомъ. Кажущееся уменьшеніе памяти, по мѣрѣ того какъ развиваются умственныя способности, зависитъ, стало быть, отъ увеличивающейся сорганизованности воспоминаній съ поступками. Такимъ образомъ, сознательная память теряетъ въ распространенности то, что выигрываетъ въ проникновенности: сперва она обладала легкостью памяти грезъ, ибо она дѣйствительно грезила. Прибавимъ, что то же самое преувеличеніе самопроизвольной памяти наблюдается у людей, умственное развитіе коихъ не превышаетъ развитія ребенка. Одинъ миссіонеръ, послѣ длинной проповѣди дикарямъ Африки, видѣлъ какъ одинъ изъ слушателей дословно повторилъ его проповѣдь со всѣми его жестами отъ начала до конца [1]).

Но если наше прошедшее почти цѣликомъ скрыто отъ насъ, будучи подавлено потребностями настоящаго дѣйствія, то оно обрѣтаетъ мощь для перехода за порогъ сознанія во всѣхъ случаяхъ, когда мы дѣлаемся безучастны къ дѣятельности, чтобы какъ бы перенестись въ жизнь грёзъ. Естественный или искусственный сонъ вызываютъ именно такое отрѣшеніе. Недавно намъ доказывали, что во снѣ происходитъ перерывъ соединенія между чувственными и двигательными нервными элементами [2]). Но и помимо этой

---

[1]) Kay, Memory and how to improve it, New-York, 1888, стр. 18.

[2]) Mathias Duval, Thèorie histologique du sommeil (C. R. de la Soc. de Biologie, 1895. стр. 74).—См. Lépine, ibid, стр. 85, и Revue de Médecine, августъ 1894, и особенно Pupin, Le neurone et les hypothèses histologiques Paris, 1896.

*

остроумной гипотезы, нельзя не видѣть во время сна по крайней мѣрѣ функціональнаго ослабленія напряженности нервной системы, въ бодрственномъ состояніи всегда готовой продолжить полученное раздраженіе надлежащей реакціей. „Экзальтація“ памяти въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ сомнамбулическихъ состояніяхъ есть общеизвѣстный фактъ наблюденія. Съ поражающей точностью возникаютъ тогда воспоминанія, казавшіяся вполнѣ уничтоженными; мы переживаемъ во всѣхъ подробностяхъ сцены дѣтства давно позабытыя; мы говоримъ даже на совершенно позабытыхъ языкахъ. Но нѣтъ ничего поучительнѣе въ этомъ отношеніи того, что наблюдается въ случаяхъ внезапнаго удушенія, у утопленниковъ и повѣшенныхъ. Послѣ оживленія субъектъ разсказываетъ, что въ короткое время передъ нимъ прошли всѣ забытыя событія его жизни, съ мельчайшими подробностями и въ томъ порядкѣ, въ которомъ они совершались [1]).

Человѣкъ, который грезилъ бы свою жизнь, а не переживалъ бы ее, безъ сомнѣнія тоже имѣлъ бы передъ глазами безконечное множество подробностей своего прошлаго. А тотъ, наоборотъ, который отказался бы отъ этой памяти со всѣмъ тѣмъ, что она порождаетъ, непрестанно разыгрывалъ бы свою жизнь, вмѣсто того, чтобъ дѣйствительно ее себѣ представлять: сознательнымъ автоматомъ онъ шелъ бы по склону полезныхъ привычекъ, продолжающихъ возбу-

---

[1]) Winslow, Obscure Diseases of the Brain, стр. 250 и слѣд.—Ribot, Maladie de la Mémoire, стр. 139 и слѣд.—Maury, Le sommeil et les rêves, Paris, 1878, стр. 439.—Egger, Le moi des mourants (Revue Philosophique, январь октябрь 1896.)—См. выраженіе Ball'я: «Память это способность, которая ничего не теряетъ и все записываетъ.» (Цитир. Rouillard'омъ Les amnésies, диссертація на доктора мед., Paris, 1885, стр. 25.

жденіе въ надлежащую реакцію. Первый никогда не выходилъ бы изъ частнаго и даже индивидуальнаго. Оставляя каждому образу его дату во времени и его мѣсто въ пространствѣ, онъ видѣлъ бы, чѣмъ каждый образъ отличается отъ другихъ, но не видѣлъ бы, въ чемъ онъ съ ними сходенъ. Второй, всегда влекомый привычкой, наоборотъ, различалъ бы во всякомъ положеніи только сторону практически сходную съ предыдущими положеніями. Неспособный, безъ сомнѣнія, мыслить общее, такъ какъ общая идея предполагаетъ, по крайней, мѣрѣ виртуальное представленіе множества вспомянутыхъ образовъ, онъ все же вращался бы во всеобщемъ, ибо привычка относится къ дѣйствію, какъ общее относится къ мысли. Но эти два крайнія состоянія, одно—всецѣло созерцательной памяти, которая схватываетъ только частное въ своемъ вúдѣніи, другое—всецѣло двигательной памяти, налагающей печать обобщенности на свое дѣйствіе, изолируются и обнаруживаются полностью только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ нормальной жизни они тѣсно перемѣшиваются, отказываясь, какъ то, такъ и другое, отъ своей первоначальной чистоты. Первое выражается воспоминаніемъ различій, второе—воспріятіемъ сходствъ: у сліянія этихъ двухъ потоковъ является общая идея.

Здѣсь не мѣсто рѣшать вопросъ объ общихъ идеяхъ. Между этими идеями есть такія, которыя происходятъ не только изъ воспріятій и относятся лишь очень отдаленно къ матеріальнымъ предметамъ. Мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и разсмотримъ только общія идеи, основанныя на томъ, что мы называемъ воспріятіемъ сходствъ. Мы желаемъ прослѣдить чистую память, память интегральную, въ непрестанномъ ея усиліи войти въ двигательную привычку. Этимъ мы уяснимъ лучше роль и природу этой памяти; но тѣмъ же самымъ мы, можетъ быть, и освѣтимъ—

разсмотрѣвъ ихъ въ совершенно особомъ видѣ—два понятія, также темныя, сходства и общности.

Подходя возможно ближе къ трудностямъ, психологическаго порядка, возникающимъ вокругъ проблемы общихъ идей, можно заключить ихъ, думаемъ, въ слѣдующій кругъ: чтобы обобщать, надо сперва абстрагировать, но чтобъ съ пользой абстрагировать, надо уже умѣть обобщать. Около этого круга вертятся, сознательно или безсознательно, номинализмъ и концептуализмъ, и каждая изъ этихъ доктринъ имѣетъ за себя въ особенности несостоятельность другой. Номиналисты, видя въ общей идеѣ только ея широту, разсматриваютъ ее просто какъ открытый и безконечный рядъ индивидуальныхъ объектовъ. Единство идеи состоитъ, стало быть, для нихъ, только въ тождествѣ символа, коимъ мы обозначаемъ безразлично всѣ эти различные предметы. По ихъ мнѣнію, мы начинаемъ съ того, что воспринимаемъ вещь, потомъ присваиваемъ ей слово; это слово, усиленное способностью или привычкой распространяться на неопредѣленное число другихъ вещей, возводится тогда въ общую идею. Но для того, чтобы слово распространялось и все же ограничивалось предметами, имъ обозначаемыми, надобно еще, чтобъ предметы эти представляли для насъ сходства, которыя, сближая эти предметы другъ съ другомъ, отличаютъ ихъ отъ всѣхъ предметовъ, этимъ словомъ не обозначаемыхъ. Итакъ, обобщеніе не происходитъ, повидимому, безъ абстрактнаго разсмотрѣнія общихъ качествъ, и номинализмъ, мало-по-малу, вынужденъ будетъ опредѣлять общую идею совокупностью ея признаковъ, а не только ея распространенностью, чего онъ сначала хотѣлъ. Концептуализмъ исходитъ изъ перваго. По концептуализму, умъ расчленяетъ поверхностную цѣлостность индивида на различныя качества, изъ которыхъ каждое, отдѣленное отъ индивида его ограничивавшаго, тѣмъ самымъ становится представи-

телемъ рода. Вмѣсто того, чтобъ разсматривать каждый родъ какъ содержащій, фактически, множественность предметовъ, хотятъ, наоборотъ, чтобъ каждый предметъ заключалъ, въ возможности, множественность родовъ въ видѣ столькихъ же качествъ, имъ задержанныхъ въ себѣ. Но вопросъ именно въ томъ, не остаются ли эти индивидуальныя качества, даже изолированныя усиліемъ абстракціи, индивидуальными, какъ и прежде, и не нужно ли, для возведенія ихъ въ роды, новаго усилія ума, при помощи котораго каждому качеству будетъ сперва дано названіе, а затѣмъ подъ этимъ названіемъ будетъ собрана множественность индивидуальныхъ предметовъ. Бѣлизна лиліи не бѣлизна снѣга: будучи изолированы отъ снѣга и отъ лиліи, онѣ остаются бѣлизной лиліи и бѣлизной снѣга. Онѣ лишаются своей индивидуальности только когда мы принимаемъ во вниманіе ихъ сходство, обозначая ихъ общимъ именемъ: примѣняя тогда это наименованіе неопредѣленному числу сходныхъ предметовъ, мы, какъ бы по рикошету, относимъ къ качеству то обобщеніе, которое слово выискивало для его примѣненія къ вещамъ. Но разсуждая такимъ образомъ, не возвращаемся ли мы къ точкѣ зрѣнія распространенности, которую мы оставили? Мы вертимся въ кругѣ, номинализмъ приводитъ насъ къ концептуализму, концептуализмъ возвращаетъ насъ къ номинализму. Обобщеніе можно сдѣлать только посредствомъ извлеченія общихъ качествъ; но чтобъ оказаться общими, качества должны сперва подвергнуться обработкѣ обобщенія.

Углубляясь въ эти двѣ противоположныя теоріи, можно открыть общій имъ обѣимъ постулатъ: и та, и другая предполагаютъ, что мы исходимъ изъ воспріятія индивидуальныхъ предметовъ. Первая теорія образуетъ родъ перечисленіемъ; вторая—выдѣляетъ его анализомъ; но анализъ и перечисленія относятся къ индивидамъ, разсматриваемымъ

какъ реальности, данныя непосредственной интуиціей. Таковъ постулатъ. Не смотря на свою кажущуюся очевидность, онъ и не вѣроятенъ и не согласенъ съ фактами.

A priori кажется, что ясное различеніе индивидуальныхъ предметовъ есть роскошь воспріятія, подобно тому, какъ ясное представленіе общихъ идей есть утонченность ума. Совершенное представленіе о родахъ есть, конечно, принадлежность человѣческой мысли; оно требуетъ усилія размышленія, которымъ мы въ представленіи сглаживаемъ особенности времени и мѣста. Но размышленіе надъ этими особенностями, размышленіе, безъ котораго отъ насъ ускользала бы индивидуальность предметовъ, предполагаетъ способность замѣчать различія, слѣдовательно, предполагаетъ память образовъ, что несомнѣнно составляетъ привилегію человѣка и высшихъ животныхъ. Повидимому мы начинаемъ ни съ воспріятія индивида, ни съ усвоенія рода, но съ промежуточнаго познаванія, съ неяснаго чувства выдающагося качества или сходства: это чувство, одинаково удаленное и отъ ясно понятой общности и отъ ярко воспринятой индивидуальности, порождаетъ какъ ту, такъ и другую,—путемъ диссоціаціи. Мыслительный анализъ выдѣляетъ его въ общую идею; различительная память уплотняетъ его въ воспріятіе индивидуальнаго.

Это станетъ яснымъ, разъ мы обратимся къ вполнѣ утилитарному происхожденію нашего воспріятія вещей. Въ извѣстномъ положеніи насъ болѣе всего интересуетъ и мы прежде всего стремимся уловить то, что можетъ отвѣчать наклонности или потребности: потребность направляется прямо къ сходству или качеству, ей не нужны индивидуальныя различія. Этимъ различеніемъ полезнаго должно обыкновенно ограничиваться воспріятіе животныхъ. Трава вообще притягиваетъ травоядное: цвѣтъ и запахъ травы, почувствованные и испытанные

какъ силы (мы не заходимъ такъ далеко, чтобъ сказать: мыслимые какъ качества или роды) являются единственными непосредственными данными внѣшняго воспріятія. На этомъ фонѣ общности или сходства память животнаго можетъ выдѣлить контрасты, откуда родятся различія; оно отличитъ тогда одинъ пейзажъ отъ другого, одно поле отъ другого; но это уже будетъ, повторяемъ, излишекъ воспріятія, а не необходимое. Намъ скажутъ, что мы только отодвигаемъ задачу, что мы просто откидываемъ въ безсознательное процессъ, коимъ выдѣляются сходства и установляются роды? Но мы ничего не откидываемъ въ безсознательное по той простой причинѣ, что по нашему мнѣнію сходство выдѣляется здѣсь не усиліемъ психологическаго свойства: это сходство дѣйствуетъ объективно, какъ сила, и вызываетъ тождественныя реакціи въ силу чисто физическаго закона, по которому одинаковыя общія слѣдствія должны слѣдовать за одинаковыми глубокими причинами. Если соляная кислота всегда дѣйствуетъ на углекислую известь,—будь то мраморъ или мѣлъ,—развѣ кто-нибудь скажетъ, что кислота разбираетъ между видами характерныя черты рода? Но вѣдь нѣтъ существенной разницы между процессомъ, помощью котораго эта кислота извлекаетъ основаніе изъ соли и процессомъ, которымъ растеніе неизмѣнно извлекаетъ изъ всякой почвы различные элементы, служащіе для его питанія. Сдѣлайте шагъ впередъ; представьте себѣ зачаточное сознаніе, каково, можетъ быть, сознаніе амёбы, двигающейся въ каплѣ воды: это крошечное существо будетъ ощущать сходства, а не различія органическихъ веществъ, которыя оно способно усваивать. Словомъ, можно прослѣдить отъ минерала до растенія, отъ растенія до простѣйшихъ сознательныхъ существъ, отъ животнаго до человѣка ходъ процесса, которымъ вещи и существа схватываютъ въ окружающемъ то,

что ихъ привлекаетъ, что ихъ практически интересуетъ, не нуждаясь въ абстракціи, просто потому, что все остальное въ ихъ окружающемъ остается имъ чуждо: это тожество реакціи на дѣйствія поверхностно различныя и есть тотъ зародышъ, который человѣческое сознаніе развиваетъ въ общія идеи.

Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, о назначеніи нашей нервной системы, поскольку оно опредѣляется ея строеніемъ. Мы видимъ весьма различные аппараты воспріятія, соединенные, при посредствѣ центровъ, съ двигательными аппаратами. Ощущеніе неустойчиво; оно можетъ принимать очень разнообразные оттѣнки; двигательный механизмъ, наоборотъ, разъ установленный, будетъ дѣйствовать неизмѣнно одинаково. Стало быть, можно предположить воспріятія самыя различныя въ ихъ поверхностныхъ подробностяхъ; если онѣ продолжаются въ тѣ же двигательныя реакціи, если организмъ можетъ извлечь изъ нихъ тѣ же полезныя послѣдствія, если онѣ придаютъ тѣлу то же положеніе, нѣчто общее выдѣляется изъ нихъ и общая идея будетъ такимъ образомъ прочувствована, испытана, прежде чѣмъ стать представленіемъ.

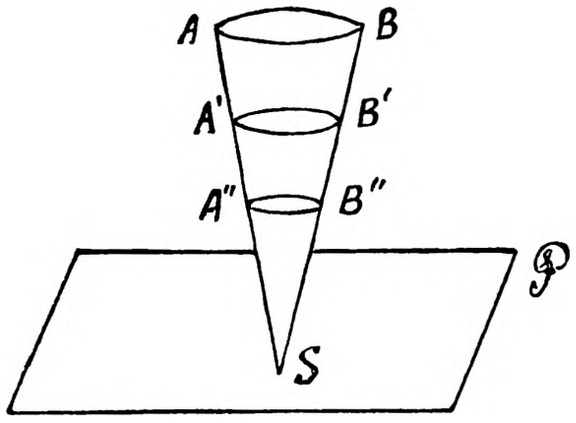
Наконецъ мы освободились отъ круга, въ которомъ были замкнуты сначала. Чтобы обобщать, сказали мы, надо абстрагировать сходства, но чтобы съ пользой выдѣлять сходство, надо уже умѣть обобщать. На самомъ дѣлѣ круга этого нѣтъ, потому что сходство, откуда исходитъ умъ, когда онъ абстрагируетъ сначала, не то сходство, къ которому умъ приходитъ, когда онъ сознательно обобщаетъ. Сходство, изъ котораго онъ исходитъ, сходство прочувствованное, прожитое или, если хотите, автоматически разыгранное. То, къ которому онъ приходитъ, есть сходство разумно наблюденное или продуманное. Но именно въ ходѣ этого процесса создаются—двойнымъ усиліемъ, разумѣнія

и памяти – воспріятіе индивидовъ и воспріятіе родовъ: память налагаетъ различія на самопроизвольно абстрагированныя сходства, а разумѣніе выдѣляетъ изъ привычки къ сходству ясную идею общности. Изначально эта идея общности была нашимъ сознаніемъ тожества принятаго положенія при различности обстоятельствъ; это была сама привычка, поднимавшаяся изъ сферы движеній въ сферу мысли. Но отъ родовъ, механически намѣченныхъ привычкой, мы перешли усиліемъ размышленія надъ самымъ этимъ процессомъ, къ общей идеѣ рода; разъ эта идея была составлена, мы построили, на этотъ разъ по своей волѣ, неограниченное число общихъ понятій. Здѣсь нѣтъ надобности слѣдовать за умомъ во всѣхъ подробностяхъ этого построенія. Скажемъ только, что разумъ, подражая работѣ природы, также устроилъ двигательные аппараты, на этотъ разъ искусственные, заставляя ихъ отвѣчать, въ ограниченномъ числѣ, на неограниченную множественность индивидуальныхъ предметовъ: членораздѣльная рѣчь есть совокупность этихъ механизмовъ.

Эти двѣ расходящіяся операціи ума—одна для различенія индивидовъ, другая для образованія родовъ—требуютъ одинаковаго усилія и идутъ съ одинаковой скоростью. Первая, требующая только вмѣшательства памяти, совершается съ самаго начала нашего опыта, вторая безконечно продолжается, никогда не заканчиваясь. Первая приходитъ къ построенію стойкихъ образовъ, которые въ свою очередь скопляются въ памяти; вторая создаетъ не стойкія и исчезающія представленія. Остановимся на этомъ послѣднемъ пунктѣ; здѣсь мы дошли до существеннаго явленія умственной жизни.

Сущность общей идеи въ томъ, чтобы безъ остановки вращаться между сферой дѣйствія и сферой чистой памяти. Возвратимся къ схемѣ, нами уже очерченной. Въ *S* нахо-

дится актуальное воспріятіе моего тѣла, т. е. нѣкое чувственно-двигательное равновѣсіе. На поверхности основанія AB будутъ расположены, если хотите, мои воспоминанія въ ихъ цѣлокупности. Въ конусѣ такимъ образомъ опредѣленномъ, общая идея будетъ безпрерывно колебаться между вершиной S и основаніемъ AB. Въ S она приметъ ясную форму тѣлеснаго положенія или произнесеннаго слова; въ AB она приметъ не менѣе ясный аспектъ тысячи индивидуальныхъ образовъ, о которые разбивается ея хрупкое единство. Вотъ почему психологія, которая придерживается законченнаго, имѣетъ дѣло съ вещами и не вѣдаетъ прогрессированій, не увидитъ въ этомъ движеніи ничего, кромѣ крайнихъ точекъ, между которыми оно происходитъ; для нея общая идея будетъ совпадать то съ дѣйствіемъ, которое ее разыгрываетъ, или, со словомъ ее выражающимъ, то съ множественными образами, въ неопредѣленномъ числѣ, равнозначущими ей въ памяти. Но дѣло въ томъ, что общая идея ускользаетъ отъ насъ, когда мы мнимъ укрѣпить ее у того или другого изъ этихъ двухъ концовъ. Она состоитъ въ двойномъ теченіи, идущемъ отъ одного конца къ другому, она всегда готова то кристаллизоваться въ словахъ, то улетучиться въ воспоминаніяхъ.



Это значитъ, что между чувственно-двигательными механизмами, изображаемыми точкой S, и совокупностью воспоминаній, расположенныхъ въ AB, есть мѣсто—на что мы указали въ предыдущей главѣ—тысячамъ повтореній нашей психологической жизни, изображаемымъ сѣченіями

$A'B'$, $A''B''$ и т. д., того же конуса. Мы стремимся разсѣяться въ AB, по мѣрѣ того какъ отдаляемся отъ нашего чувственнаго и двигательнаго состоянія, чтобы жить жизнью грёзы; мы стремимся сосредоточиться въ S по мѣрѣ того, какъ крѣпче привязываемся къ наличной реальности, отвѣчая двигательными реакціями на чувственныя возбужденія. De facto, нормальное я никогда не укрѣпляется въ одномъ изъ этихъ крайнихъ положеній; оно двигается между ними, по очереди принимаетъ положенія, изображаемыя промежуточными сѣченіями или, другими словами, придаетъ своимъ представленіемъ ровно столько образа и ровно столько идеи, чтобы они могли принимать полезное участіе въ наличномъ дѣйствіи.

Изъ этой концепціи низшей умственной жизни могутъ быть выведены законы ассоціаціи идей. Но прежде чѣмъ приступить къ этому вопросу, покажемъ недостаточность ходячихъ теорій ассоціаціи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что каждая возникающая въ умѣ идея имѣетъ отношеніе сходства или смежности съ предъидущимъ умственнымъ состояніемъ; но такое утвержденіе не уясняетъ намъ механизма ассоціаціи, и, по правдѣ сказать, не научаетъ насъ ровно ничему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ двухъ идей, которыя не имѣли бы между собою чего нибудь сходнаго или не прикасались бы какими либо сторонами. Если дѣло въ сходствѣ, то какъ бы глубоки ни были различія, отдѣляющія два образа, можно всегда найти,—поднявшись достаточно высоко,—общій родъ, къ которому они принадлежатъ и, слѣдовательно, сходство ихъ соединяющее. Если дѣло въ смежности, то воспріятіе A, какъ мы сказали выше, вызываетъ „по смежности“ старый образъ B, лишь когда онъ вызываетъ сперва образъ A' съ нимъ схожій, потому что въ B соприкасается въ памяти воспоминаніе A', а не воспріятіе A, стало быть,

какъ бы отдаленно другъ отъ друга ни были, по предположенію, члены A и B, между ними всегда можно будетъ установить отношеніе по смежности, если вставочный членъ A' имѣетъ съ A достаточно отдаленное сходство. Это значитъ, что между какими бы то ни было двумя идеями, наудачу взятыми, всегда есть сходство и всегда, если хотите, смежность, такъ что, открывая отношеніе смежности или сходства между двумя послѣдующими представленіями, ничуть не объясняютъ почему одно изъ нихъ вызываетъ другое.

Настоящій вопросъ въ томъ, чтобъ узнать какъ совершается выборъ между безконечнымъ числомъ воспоминаній, которыя всѣ чѣмъ нибудь походятъ на наличное воспріятіе и почему одно изъ нихъ—именно это, а не другое—выступаетъ на свѣтъ сознанія. Но на этотъ вопросъ ассоціаціонизмъ отвѣтить не можетъ, потому что и идеи и образы онъ возводитъ въ независимыя сущности, плавающія, какъ атомы Эпикура, во внутреннемъ пространствѣ, сближающіяся, сцѣпляющіяся, когда случайность приведетъ ихъ въ сферу притяженія однѣхъ другими. Углубляя доктрину въ этомъ пунктѣ, увидѣли бы, что ея ошибка въ слишкомъ большой интелектуализаціи идей, въ приданіи имъ чисто спекулятивной роли, въ признаніи, что онѣ существуютъ сами для себя, а не для насъ, въ томъ, что упустили изъ вниманія ихъ отношеніе къ дѣятельной роли воленія. Если воспоминанія блуждаютъ, безразличныя въ инертномъ и аморфномъ сознаніи, то нѣтъ никакой причины, чтобъ наличное воспріятіе привлекло предпочтительно одно ихъ нихъ: я могу, стало быть, только констатировать встрѣчу, разъ она произошла, и говоритъ о сходствѣ или смежности, а это сводится въ сущности, къ смутному признанію, что состоянія сознанія имѣютъ между собою сродство.

Но само это сродство, принимающее двойную форму смежности и сходства, ассоціаціонизмъ не можетъ ничѣмъ объяснить. Общая тенденція ассоціироваться остается, по этой доктринѣ, столь же темной, какъ и частныя формы ассоціаціи. Установивъ индивидуальныя воспоминанія-образы, какъ совершенно законченныя вещи, данныя такими въ теченіе нашей умственной жизни, ассоціаціонизмъ вынужденъ предполагать между этими предметами таинственныя притяженія, о которыхъ нельзя даже сказать заранѣе, какъ о физическомъ притяженіи, какими явленіями они обнаружатся. Зачѣмъ образъ, довлѣющій себѣ по гипотезѣ, сталъ бы присоединять къ себѣ другіе образы, сходные или данные съ нимъ какъ смежные? Но дѣло въ томъ, что этотъ независимый образъ есть искусственный и поздній продуктъ ума. Вѣдь мы воспринимаемъ сходства раньше чѣмъ воспринимаемъ схожихъ между собою индивидовъ и, въ аггрегатѣ смежныхъ частей, воспринимаемъ цѣлое раньше частей. Мы идемъ отъ сходства къ сходнымъ предметамъ, вышивая по сходству, этой общей канвѣ, разновидность индивидуальныхъ различій. И мы идемъ также отъ цѣлаго къ частямъ путемъ расчлененія, законъ котораго мы найдемъ ниже, раздробляя, для наибольшаго удобства практической жизни, непрерывность реальнаго. Ассоціація, стало быть, не первоначальный фактъ; мы начинаемъ съ диссоціаціи, и тенденція каждаго воспоминанія присоединять къ себѣ другія воспоминанія, объясняется естественнымъ возвратомъ ума къ нераздѣльному единству воспріятія.

Здѣсь мы открываемъ коренной недостатокъ ассоціаціонизма. Разъ дано наличное воспріятіе, которое поочередно образуетъ, съ различными воспоминаніями, нѣсколько послѣдовательныхъ ассоціацій, есть два способа, сказали мы, представлять себѣ механизмъ этой ассоціаціи. Можно

предположить, что воспріятіе остается тождественнымъ самому себѣ, настоящимъ психологическимъ атомомъ, присоединяющимъ къ себѣ другія воспріятія по мѣрѣ того какъ онѣ проходятъ около него. Такова точка зрѣнія ассоціаціонизма. Но есть другая точка зрѣнія и именно ее мы намѣчали въ нашей теоріи узнаванія. Мы предположили, что наша личность, въ ея цѣломъ, съ цѣлокупностью нашихъ воспоминаній, входитъ нераздѣльной въ воспріятіе настоящаго момента. И тогда, если это воспріятіе поочередно вызываетъ различныя воспоминанія, то не потому, что оно, оставаясь неподвижнымъ, присоединяетъ къ себѣ механически все бо́льшее число элементовъ,— но потому, что все наше сознаніе расширяется и, разливаясь тогда на болѣе обширной поверхности, можетъ подробнѣе охватить свое богатство. Такъ туманная группа, наблюдаемая все въ болѣе сильные телескопы, распадается на большое число звѣздъ. Въ первой гипотезѣ (она имѣетъ за себя только кажущуюся простоту и аналогію съ дурно понятымъ атомизмомъ) каждое воспоминаніе составляетъ независимое и застывшее существо, и нельзя сказать, ни для чего оно старается присоединить себѣ другія воспоминанія, ни какъ оно ихъ выбираетъ для ассоціаціи, въ силу смежности или сходства, среди тысячъ другихъ равноправныхъ воспоминаній. Надо предположить, что идеи сталкиваются случайно, или что между ними дѣйствуютъ таинственныя силы, а тогда этому противорѣчитъ свидѣтельство сознанія, никогда не обнаруживающаго намъ психологическихъ явленій, существующихъ въ независимомъ состояніи. Во второй гипотезѣ, ограничиваются удостовѣреніемъ солидарности между психологическими фактами, всегда данными вмѣстѣ непосредственному сознанію какъ нераздѣльное цѣлое, которое размышленіемъ расчленяется на отдѣльныя части. А тогда надо объяснять уже не связность внутрен-

нихъ состояній, но двойное движеніе сжатія и расширенія, которымъ сознаніе сокращаетъ или распространяетъ развитіе своего содержанія. Но это движеніе выводится, какъ мы увидимъ, изъ основныхъ потребностей жизни; и легко также видѣть, почему „ассоціаціи", которыя мы, повидимому, образуемъ вдоль этого движенія, исчерпываютъ всѣ послѣдующія степени смежности и сходства.

Представимъ себѣ, на одно мгновеніе, что наша психологическая жизнь сводится къ однѣмъ чувственно-двигательнымъ функціямъ. Другими словами, помѣстимся, въ начерченной нами схематической фигурѣ (стр. 172), въ точкѣ *S*, соотвѣтствующей возможно полному упрощенію нашей умственной жизни. Въ этомъ состояніи всякое воспріятіе само собою продолжается въ надлежащія реакціи, потому что предыдущія аналогичныя воспріятія построили болѣе или менѣе сложные моторные аппараты, которые ждутъ только повторенія того же призыва, чтобъ прійти въ дѣйствіе. Въ этомъ механизмѣ есть ассоціація по сходству, потому что наличное воспріятіе дѣйствуетъ въ въ силу подобія съ прошлыми воспріятіями, и есть также ассоціація по смежности, потому что движенія, слѣдующія за этими старыми воспріятіями, воспроизводятся вновь, и могутъ даже повлечь за собою неопредѣленное число дѣйствій, координированныхъ съ первымъ дѣйствіемъ. Мы ухватываемъ здѣсь, у самаго источника и почти слитыми вмѣстѣ—не мыслимыя, конечно, а разигранныя и пережитыя—ассоціацію по сходству и ассоаціацію по смежности. Это не соприкасающіяся формы нашей психологической жизни. Онѣ представляютъ собою два дополнительныхъ аспекта одного и того же основного стремленія, стремленія всякаго организма извлечь изъ даннаго положенія все, что въ немъ есть выгоднаго, и сохранить возможную реакцію, въ видѣ двигательной при-

вычки, чтобы использовать ее при положеніяхъ того же рода.

Перенесемся теперь разомъ на противуположный край нашей умственной жизни. Перейдемъ согласно нашему методу, отъ психологическаго состоянія просто „разыгранаго“ къ психологическому состоянію исключительно „мечтаемому“. Другими словами, помѣстимся на то основаніе памяти AB (стр. 172), гдѣ зарисовываются, въ мельчайшихъ подробностяхъ, событія нашей прошедшей жизни. Оторванное отъ дѣйствія, сознаніе, которое держало бы, такимъ образомъ, передъ своимъ взоромъ цѣлокупность своего прошлаго, не имѣло бы никакой причины остановиться скорѣе на одной, чѣмъ на другой части этого прошлаго. Въ одномъ смыслѣ, всѣ его воспоминанія отличались бы отъ его актуальнаго воспріятія, такъ какъ, взятыя во всей множественности своихъ подробностей, два воспоминанія никогда не тождественны. Но въ другомъ смыслѣ, л ю б о е воспоминаніе могло бы быть сближено съ наличнымъ положеніемъ: достаточно отбросить, въ этомъ воспріятіи и въ этомъ воспоминаніи, требуемое число подробностей, чтобы выявилось лишь сходство. Если воспоминаніе связалось съ воспріятіемъ, то множество событій, смежныхъ съ воспоминаніемъ, тѣмъ самымъ связалось бы съ воспріятіемъ—множество неопредѣленное, которое остановилось бы только въ той точкѣ, гдѣ пожелали бы остановиться. Нѣтъ жизненныхъ потребностей, чтобы упорядочить слѣдствіе сходства и, слѣдовательно, смежности, а такъ какъ, въ сущности, все сходно, то все можетъ ассоціироваться. Актуальное воспріятіе только что продолжалось въ опредѣленныя движенія; оно растворяется теперь въ безконечности воспоминаній одинаково возможныхъ. И такъ ассоціація вызвала бы въ AB произвольный выборъ, въ S неминуемое дѣйствіе.

Это лишь крайніе предѣлы, на которые психологъ долженъ поочередно становиться для удобства изученія, но фактически, они никогда не достижимы. Не существуетъ, по крайней мѣрѣ у человѣка, чисто чувственно-двигательнаго состоянія, какъ нѣтъ у него мечтательной жизни безъ субстрата неясной дѣятельности. Мы сказали, что наша нормальная психологическая жизнь колеблется между этими двумя крайностями. Съ одной стороны чувственно - двигательное состояніе *S* направляетъ память, составляя, въ сущности, ея актуальную и дѣятельную конечность; съ другой стороны, сама эта память, съ цѣлокупностью нашего прошлаго, напоромъ впередъ стремится отпечатлѣть на наличномъ дѣйствіи возможно большую часть самой себя. Изъ этого двойного усилія во всякое мгновеніе образуется неопредѣленное множество возможныхъ состояній памяти, изображенныхъ на нашей схемѣ сѣченіями *A'B'*, A"B" и т. д. Мы сказали, что каждое изъ нихъ—повтореніе всей нашей прошлой жизни. Но каждое изъ этихъ сѣченій болѣе или менѣе обширно, смотря по тому, приближается-ли оно къ основанію или къ вершинѣ; кромѣ того, каждое изъ этихъ полныхъ представленій нашего прошлаго выводитъ на свѣтъ сознанія лишь то, что можетъ уложиться въ чувственно-двигательное состояніе, то, слѣдовательно, что сходно съ наличнымъ воспріятіемъ съ точки зрѣнія дѣйствія, которое надлежитъ выполнить. Другими словами, интегральная память отвѣчаетъ на призывъ наличнаго состоянія двумя одновременными движеніями; движеніемъ перемѣщенія, которымъ она цѣликомъ идетъ на встрѣчу опыту и, такимъ образомъ, болѣе или менѣе сжимается, не раздѣляясь въ виду дѣйствія; движеніемъ вращенія вокругъ себя самой, которымъ она оріентируется, обращая къ положенію момента наиболѣе полезную свою сторону. Разнообразныя формы ассоціаціи

по сходству соотвѣтствуютъ этимъ разнымъ степенямъ сокращенія.

Все происходитъ такъ, какъ будто наши воспоминанія повторяются въ неопредѣленномъ числѣ разъ въ тысячахъ возможныхъ сокращеній нашей прошедшей жизни. Они принимаютъ болѣе обыденную форму, когда память сжимается сильнѣе, становятся болѣе личными, когда память расширяется, и входятъ, наконецъ, въ безпредѣльное множество различныхъ „систематизацій“. Слово, сказанное на иностранномъ языкѣ, можетъ заставить меня подумать объ этомъ языкѣ вообще или объ голосѣ, который когда-то произносилъ это слово особеннымъ образомъ. Эти двѣ ассоціаціи по сходству не зависятъ отъ случайнаго появленія двухъ различныхъ представленій, случайно приведенныхъ въ сферу притяженія актуальнаго воспріятія. Онѣ соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ умственнымъ настроеніямъ, двумъ различнымъ степенямъ напряженія памяти, — въ одномъ случаѣ болѣе близкой къ чистому образу, въ другомъ болѣе расположенной къ непосредственному отвѣту, т. е. къ дѣйствію. Классифицировать эти системы, изучить законъ, который связываетъ каждую изъ нихъ съ различными „тонусами“ нашей умственной жизни, показать, какъ каждый изъ этихъ тонусовъ самъ опредѣляется необходимостями момента, а также измѣнчивой степенью нашего личнаго усилія, это было бы трудной задачей; вся эта психологія еще не установлена и сейчасъ мы не желаемъ и приступать къ этому. Но всякій изъ насъ чувствуетъ, что законы эти есть, что существуютъ устойчивыя соотношенія такого рода. Мы знаемъ, напримѣръ, когда читаемъ психологическій романъ, что нѣкоторыя ассоціаціи идей, которыя намъ описываютъ, истинны, что онѣ могли переживаться; другія насъ поражаютъ непріятно или не даютъ намъ впечатлѣніе реальнаго, потому что мы чувствуемъ въ нихъ

результатъ механическаго сближенія между различными высотами духа, какъ будто авторъ не съумѣлъ удержаться на выбранной имъ плоскости умственной жизни. Память имѣетъ, стало быть, послѣдовательныя и различныя степени напряженія или жизненности, которыя, несомнѣнно, трудно опредѣлить, но человѣкъ, живописующій душу, не можетъ безнаказанно смѣшивать ихъ между собою. Къ тому же патологія подтверждаетъ эту истину—правда на весьма грубыхъ примѣрахъ—которую каждый чувствуетъ инстинктивно. Въ „систематизированныхъ амнезіяхъ" истеричныхъ, напримѣръ, воспоминанія, повидимому утраченныя, въ дѣйствительности существуютъ; но всѣ они относятся,—это не подлежитъ сомнѣнію,—къ опредѣленному тонусу интеллектуальной жизненности, для субъекта уже невозможному.

Если существуютъ различныя плоскости—въ неопредѣленномъ числѣ—для ассоціацій по сходству, то онѣ существуютъ и для ассоціацій по смежности. Въ крайней плоскости, представляющей основаніе памяти, нѣтъ воспоминанія не связаннаго по смежности съ цѣлокупностью событій ему предшествующихъ, а также и послѣдующихъ. Между тѣмъ въ точкѣ, гдѣ сосредоточивается наше дѣйствіе въ пространствѣ, смежность приводитъ вновь, въ видѣ движенія, только къ реакціи, непосредственно слѣдующей за подобнымъ же воспріятіемъ въ прошломъ. Вѣдь всякая ассоціація по смежности предполагаетъ положеніе духа промежуточное между этими двумя крайними границами. Если и здѣсь предположить множество возможныхъ повтореній совокупности нашихъ воспоминаній, каждый экземпляръ нашей протекшей жизни разрѣжется, по своему, на опредѣленные слои, и способъ раздѣленія будетъ иной, если перейти отъ одного экземпляра къ другому, потому что каждый изъ нихъ характеризуется именно природой пре-

обладающихъ воспоминаній, къ которымъ другія воспоминанія прислоняются, какъ къ точкѣ опоры. Такъ напримѣръ, чѣмъ болѣе приближаешься къ дѣйствію, тѣмъ болѣе смежность приближается къ сходству и отличается такимъ образомъ отъ простого отношенія хронологической послѣдовательности: такъ о словахъ иностраннаго языка, когда они вызываютъ другъ друга въ памяти, нельзя сказать ассоціируются ли они по сходству или по смежности. Наоборотъ, чѣмъ болѣе мы отрѣшаемся отъ реальнаго или возможнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе ассоціація по смежности стремится попросту воспроизвести послѣдовательные образы нашей прошедшей жизни. Основательное изученіе этихъ разныхъ системъ здѣсь невозможно. Достаточно указать, что системы эти не образованы изъ сопоставленныхъ, отдѣльныхъ какъ атомы, воспоминаній. Всегда есть нѣсколько преобладающихъ воспоминаній, яркихъ точекъ, вокругъ которыхъ остальныя образуютъ неопредѣленную туманность. Эти яркія точки умножаются по мѣрѣ расширенія нашей памяти. Процессъ локализаціи воспоминаній въ прошломъ, напримѣръ, вовсе не заключается въ томъ, чтобы рыться въ массѣ воспоминаній, какъ въ мѣшкѣ и вытаскивать оттуда все болѣе сближенныя воспоминанія, между которыми и станетъ на свое мѣсто воспоминаніе, которое надо локализовать. Какимъ счастливымъ случаемъ мы попадемъ именно на увеличивающееся число промежуточныхъ воспоминаній? Работа локализаціи, въ дѣйствительности, состоитъ въ растущемъ усиліи расширенія, которымъ память, всегда всецѣло наличная для самой себя, распространяетъ свои воспоминанія на все болѣе и болѣе обширную поверхность и наконецъ различаетъ,—въ скопищѣ до той поры безпорядочномъ,—воспоминаніе, до сихъ поръ не находившее своего мѣста. И здѣсь патологія памяти даетъ намъ поучительныя свѣдѣнія. Весьма вѣроятно, что, въ

ретроградной амнезіи, воспоминанія, исчезающія изъ сознанія, сохраняются на крайнихъ плоскостяхъ памяти, и субъектъ можетъ найти ихъ тамъ при исключительномъ усиліи, которое онъ совершаетъ, напримѣръ, въ состояніи гипноза. Но на низшихъ плоскостяхъ, эти воспоминанія какъ бы ждали преобладающаго образа, къ которому могли бы прислониться. То или иное внезапное потрясеніе или сильное волненіе станетъ рѣшающимъ событіемъ, съ которымъ они свяжутся; а если это событіе, вслѣдствіе своей внезапности, выдѣлится изъ остальной исторіи нашей жизни, они послѣдуютъ за нимъ въ забвеніе. Такъ становится понятнымъ, что амнезія слѣдующая за потрясеніемъ, нравственнымъ или физическимъ, включаетъ и событія непосредственно предшествовавшія, — явленіе, которое очень трудно объяснить при всякой другой концепціи памяти. Замѣтимъ мимоходомъ: если не приписывать такого рода ожиданія свѣжимъ воспоминаніямъ, и даже относительно давнимъ, то нормальная работа памяти станетъ непонятной. Ибо всякое событіе, воспоминаніе о которомъ запечатлѣлось въ памяти, какъ бы оно ни было просто, занимало нѣкоторое время. Воспріятія, кои наполнили первый періодъ этого промежутка и которыя образуютъ теперь съ послѣдующими воспріятіями нераздѣльное воспоминаніе, стало быть „висѣли въ воздухѣ“ пока еще не произошла рѣшительная часть событія. Стало быть, между исчезновеніемъ какого-нибудь воспоминанія съ его предварительными подробностями, и уничтоженіемъ, при ретроградной амнезіи, болѣе или менѣе большаго числа воспоминаній, предшествовавшихъ данному событію, существуетъ простая разница въ степени, а не по существу.

Изъ этихъ различныхъ взглядовъ на низшую умственную жизнь вытекаетъ извѣстная теорія умственнаго равновѣсія. Это равновѣсіе будетъ очевидно нарушено только

пертурбаціей элементовъ, служащихъ ему матеріаломъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о поднятіи вопросовъ патологіи души, но мы все же не можемъ окончательно исключить ихъ, ибо стараемся опредѣлить точныя соотношенія тѣла и духа.

Мы предположили, что духъ безпрерывно пробѣгаетъ промежутокъ между двумя крайними предѣлами, между плоскостью дѣйствія и плоскостью мечты. Нужно ли принять рѣшеніе? Собирая и организуя цѣлокупность своего опыта въ томъ, что мы называемъ характеромъ, духъ направитъ его къ дѣйствіямъ, а въ нихъ вы найдете, вмѣстѣ съ прошлымъ, служащимъ имъ основой, непредвидѣнную форму, которую личность имъ придастъ; но дѣйствіе станетъ выполнимымъ, только если оно вполнѣ войдетъ въ актуальное положеніе, т. е. въ совокупность обстоятельствъ, порождаемыхъ опредѣленнымъ положеніемъ тѣла во времени и въ пространствѣ. Если дѣло идетъ объ умственной работѣ, о составленіи концепціи, объ извлеченіи болѣе или менѣе общей идеи изъ множественности воспоминаній,—то большой просторъ оставляется фантазіи съ одной стороны, логическому различенію, съ другой: но идея, чтобъ сдѣлаться жизнеспособной, должна будетъ, какой либо стороной коснуться наличной реальности, т. е. постепенно и прогрессивно уменьшаясь или сжимаясь, стать такой, чтобъ тѣло могло ее болѣе или менѣе разыграть, а духъ представить. Наше тѣло, съ ощущеніями, которыя оно получаетъ и съ движеніями, которыя оно способно выполнить, есть стало быть дѣйствительно то, что удерживаетъ духъ, то, что даетъ ему устойчивость и равновѣсіе. Дѣятельность духа безконечно переходитъ за предѣлы массы накопленныхъ воспоминаній, какъ сама эта масса воспоминаній безконечно превышаетъ ощущенія и движенія настоящей минуты; но эти ощущенія и эти движенія обу-

словливаютъ то, что можно было бы назвать вниманіемъ къ жизни, вотъ почему въ нормальной работѣ духа все зависитъ отъ ихъ сцѣпленія, какъ въ пирамидѣ, которая стояла бы на своей вершинѣ.

Стоитъ только взглянуть на тонкое строеніе нервной системы, открытое намъ недавними изслѣдованіями. Всюду какъ будто проводники и нигдѣ нѣтъ центровъ. Нити, приставленныя одна къ другой концами, которые безъ сомнѣнія сближаются, когда проходитъ токъ, — вотъ все что видно. И, можетъ быть, больше ничего и нѣтъ, если правда, что тѣло есть только мѣсто встрѣчи между полученными возбужденіями и выполненными движеніями, какъ мы всюду предполагали въ настоящемъ трудѣ. Но эти нити, получающія отъ внѣшней среды колебанія и возбужденія и отсылающія ихъ въ формѣ соотвѣтствующихъ реакцій, эти нити, столь мудро натянутыя отъ периферіи къ периферіи, именно прочностью своихъ соединеній и точностью своихъ перекрещиваній, обезпечиваютъ чувственно-двигательное равновѣсіе тѣла, т. е. его приспособленіе къ наличному положенію. Ослабьте это напряженіе или нарушьте это равновѣсіе: все произойдетъ такъ, какъ будто разсѣялось вниманіе къ жизни. Въ этомъ, повидимому, состоитъ греза и безумство.

Мы только что говорили о недавней гипотезѣ, объясняющей сонъ нарушеніемъ солидарности между нейронами. Если даже не признавать этой гипотезы (хотя она подтверждается интересными опытами) все же въ глубокомъ снѣ надо предположить, по крайней мѣрѣ, функціональное нарушеніе соотношенія, установленнаго въ нервной системѣ между возбужденіемъ и двигательной реакціей. Такъ что сновидѣніе всегда будетъ состояніемъ духа, при которомъ вниманіе не удерживается чувственно-двигательнымъ равновѣсіемъ тѣла. Становится все болѣе и болѣе вѣро-

ятнымъ, что эта ослабленность нервной системы зависитъ отъ отравленія ея элементовъ не выдѣленными продуктами нормальной дѣятельности въ состояніи бодрствованія. Но вѣдь сновидѣніе во всѣхъ отношеніяхъ подобно помѣшательству. Не только въ своихъ психологическихъ симптомахъ, помѣшательство во всемъ напоминаетъ сонъ до такой степени, что сравненіе этихъ двухъ состояній стало банальнымъ; но причиной помѣшательства является, повидимому, также мозговое истощеніе, причиненное, какъ и нормальная усталость, накопленіемъ специфическихъ ядовъ въ нервной системѣ [1]). Извѣстно, что помѣшательство часто слѣдуетъ за инфекціонными болѣзнями, и что, къ тому же, можно ядовитыми веществами вызвать всѣ его явленія [2]). Не вѣроятно ли, поэтому, что нарушеніе умственнаго равновѣсія въ помѣшательствѣ зависитъ просто отъ пертурбацій чувственно-двигательныхъ отношеній, установленныхъ въ организмѣ? Этой пертурбаціи было-бы достаточно, чтобъ создать родъ психическаго головокруженія, повліять такъ, чтобъ память и вниманіе потеряли соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Прочитайте описанія начала болѣзни, сдѣланныя нѣкоторыми помѣшанными: они часто испытываютъ чувство странности или, какъ они говорятъ „не реальности“, какъ будто воспринимаемыя вещи теряютъ для нихъ рельефъ и прочность [3]). Если нашъ анализъ вѣренъ, то конкретное чувство наличной реальности состоитъ въ сознаніи нами движеній, которыми

[1]) Эта мысль была недавно высказана разными авторами. Систематическое изложеніе ея можно найти въ работѣ Cowles'a, The mechanism of insanity (American Journal of Insanity, 1890—91)

[2]) См. особенно Moreau de Tours, Du hachish, Paris, 1845.

[3]) Ball, Leçons sur les maladies mentales, Paris, 1890, стр. 608 и слѣд.—См. интересный разборъ: Visions, a personal narrative. (Journal of mental science, 1896, стр. 284).

нашъ организмъ естественно отвѣчаетъ на возбужденія; такъ что, когда соотношеніе между ощущеніями и движеніями нарушается, чувство реальнаго слабѣетъ или исчезаетъ.

Здѣсь, конечно, пришлось бы сдѣлать много различій не только между разными формами помѣшательства, но и между настоящимъ помѣшательствомъ и тѣми расщепленіями личности, которыя современная психологія такъ интересно съ ними сблизила[1]). Въ этихъ болѣзняхъ личности, повидимому, группы воспоминаній отдѣляются отъ центральной памяти и лишаются своей солидарности съ другими воспоминаніями. Но рѣдко чтобъ въ этихъ случаяхъ не наблюдались также разобщенія чувствительности и движеній[2]). Мы не можемъ не видѣть въ этихъ послѣднихъ явленіяхъ настоящаго матеріальнаго субстрата первыхъ. Если вѣрно, что вся наша умственная жизнь опирается на свое остріе, т. е. на чувственно-двигательныя функціи, которыми она вдвигается въ наличную дѣйствительность, умственное равновѣсіе будетъ различнымъ образомъ нарушено, смотря по различнымъ разстройствамъ этихъ функцій. На ряду съ пораженіями, захватывающими общую жизненность чувственно-двигательныхъ функцій, ослабляющими и уничтожающими то, что мы назвали чувствомъ реальнаго, есть другія пораженія, кои выражаются въ механическомъ, а уже не въ динамическомъ, уменьшеніи этихъ функцій, — какъ будто нѣкоторыя чувственно-двигательныя соединенія просто отдѣляются другъ отъ друга. Если гипотеза наша правильна, память, въ этихъ двухъ случаяхъ, будетъ различно затронута. Въ первомъ случаѣ, ни одно воспоминаніе не исчезнетъ, но всѣ воспоминанія бу-

---

[1]) Pierre Janet, Les accidents mentaux, Paris, 1894, стр. 292 и слѣд.

[2]) Pierre Janet L'automatisme psychologique, Paris, 1889, стр. 95 и слѣд.

дутъ менѣе упрочены, менѣе устойчиво направлены къ реальному, отсюда—настоящее нарушеніе умственнаго равновѣсія. Во второмъ случаѣ, равновѣсіе нарушено не будетъ, но оно утратитъ свою полноту. Воспоминанія сохранятъ свой нормальный видъ, но частью утратятъ свою солидарность, ибо ихъ чувственно-двигательная основа, хотя и не будетъ, такъ сказать, химически измѣнена, но будетъ механически уменьшена. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, впрочемъ, воспоминанія не будутъ непосредственно затронуты или повреждены.

Предположеніе, что тѣло сохраняетъ воспоминанія въ формѣ особыхъ мозговыхъ приспособленій, что потери и уменьшенія памяти состоятъ въ болѣе или менѣе полномъ разрушеніи этихъ механизмовъ, что экзальтація памяти и галлюцинаціи зависятъ, наоборотъ, отъ преувеличенной дѣятельности этихъ механизмовъ, не подтверждается, стало быть, ни разсужденіемъ, ни фактами. Есть, правда, одинъ случай, только одинъ, гдѣ наблюденіе, на первый взглядъ, какъ бы вызываетъ такое предположеніе: мы имѣемъ въ виду афазію или вообще разстройства слухового и зрительнаго узнаванія. Это единственный случай, гдѣ можно установить постоянное мѣсто болѣзни, въ опредѣленной извилинѣ мозга; но это именно случай также, гдѣ мы не видимъ механическаго и сейчасъ же окончательнаго уничтоженія тѣхъ или иныхъ воспоминаній, но скорѣе постепенное и функціональное ослабленіе всей заинтересованной памяти. Мы объяснили, какъ мозговое пораженіе можетъ причинить это ослабленіе, при чемъ совсѣмъ не надо предполагать запаса воспоминаній, накопленныхъ въ мозгу. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, поражены чувственныя и двигательныя области, соотвѣтствующія воспріятію этого рода, и особенно придатки, позволяющіе приводить ихъ въ движеніе изнутри, такъ что воспоминанію не за что

ухватиться и оно наконецъ становится практически безсильнымъ: вѣдь въ психологіи безсиліе значитъ безсознательность. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, наблюдаемое или предполагаемое пораженіе, никогда точно не локализированное, дѣйствуетъ пертурбаціей, вносимой ею въ совокупность чувственно-двигательныхъ соединеній, измѣняя эту массу или раздробляя ее: отсюда нарушеніе или упрощеніе умственнаго равновѣсія, и, по рикошету, безпорядочность или разъединеніе воспоминаній. Доктрина, дѣлающая изъ памяти непосредственную функцію мозга, доктрина, поднимающая неразрѣшимыя теоретическія затрудненія, доктрина, сложность коей превосходитъ всякое воображеніе, а выводы несовмѣстимы съ данными внутренняго наблюденія, не можетъ, стало быть, расчитывать и на поддержку со стороны патологіи мозга. Всѣ факты, и всѣ аналогіи говорятъ въ пользу теоріи, которая смотритъ на мозгъ только какъ на посредника между ощущеніями и движеніями, принимаетъ совокупность ощущеній и движеній за крайнее остріе умственной жизни, остріе безпрерывно вдвигающееся въ ткань событій; той теоріи, которая, приписывая тѣлу единственную функцію оріентировать память къ реальному и соединять ее съ настоящимъ, смотритъ на самое память какъ на нѣчто абсолютно независимое отъ матеріи. Въ этомъ смыслѣ, мозгъ содѣйствуетъ вызову полезнаго воспоминанія, но еще гораздо больше временному отстраненію всѣхъ другихъ воспоминаній. Мы не понимаемъ, какъ память могла бы вмѣститься въ матерію, но мы хорошо понимаемъ— по глубокому выраженію одного современнаго философа— что „матеріальность влагаетъ въ насъ забвеніе“ [1]).

---

[1]) Ravaisson, La philosophie en France au XIX-e siècle, 3-е изд., стр. 176.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О разграниченіи и фиксаціи образовъ.—Воспріятіе и матерія.—Душа и тѣло.

Изъ трехъ первыхъ главъ этой книги вытекаетъ одно общее заключеніе: тѣло, всегда направленное въ сторону дѣйствія, имѣетъ основной функціей ограничивать, въ виду дѣйствія, жизнь духа. По отношенію къ представленіямъ оно орудіе выбора, и только выбора. Оно не можетъ ни порождать умственнаго состоянія, ни быть причиною его. Мѣстомъ, которое оно занимаетъ въ каждое мгновеніе во вселенной, наше тѣло отличаетъ части и аспекты матеріи, на кои мы могли бы воздѣйствовать: наше воспріятіе, точно измѣряющее наше виртуальное дѣйствіе на вещи, ограничивается, такимъ образомъ, предметами, которые актуально вліяютъ на наши органы и приготовляютъ наши движенія. Роль тѣла не накоплять воспоминанія, но просто выбрать полезное воспоминаніе, то, что дополнитъ и освѣтитъ наличное положеніе въ виду дѣйствія, ясно выявляя его въ сознаніи дѣйствительной силой, которую оно ему придастъ. Правда, что этотъ второй выборъ гораздо менѣе строгъ, чѣмъ первый, потому что прошлый опытъ нашъ, опытъ индивидуальный, а не общій уже, потому что мы всегда имѣемъ много различ-

ныхъ воспоминаній, которыя одинаково могутъ входить въ рамки того же актуальнаго положенія, и что природа не можетъ здѣсь, какъ въ случаѣ воспріятія, примѣнять непреложное правило для отграниченія представленій. На этотъ разъ фантазіи предоставленъ нѣкоторый просторъ; и если животныя, рабы матеріальныхъ нуждъ, ею не пользуются, умъ человѣка, наоборотъ, повидимому безпрерывно бьется всѣмъ запасомъ своей памяти въ дверь, которую ему пріотворитъ тѣло: отсюда игра фантазіи и работа воображенія, все это вольности духа съ природою. И тѣмъ не менѣе вѣрно, что оріентировка сознанія въ сторону дѣйствія, повидимому, составляетъ основной законъ нашей психологической жизни.

Въ сущности, мы могли бы на этомъ остановиться, ибо предприняли эту работу съ цѣлью опредѣлить роль тѣла въ жизни духа. Но съ одной стороны мы попутно подняли метафизическую проблему, которую не можемъ рѣшиться оставить неразсмотрѣнной, а съ другой—наши изслѣдованія, хотя и чисто психологическія, нѣсколько разъ указали намъ если не средство разрѣшить задачу, то, по крайней мѣрѣ, сторону, съ которой къ ней можно подойти.

Проблема эта не что иное, какъ проблема связи души съ тѣломъ. Она становится передъ нами въ острой формѣ, такъ какъ мы дѣлаемъ глубокое различіе между матеріей и духомъ. И мы не можемъ признать ее неразрѣшимой, потому что опредѣляемъ духъ и матерію положительными признаками, а не отрицаніями. Чистое воспріятіе дѣйствительно поставило бы насъ въ матерію, а съ памятью мы на самомъ дѣлѣ проникаемъ въ духъ. Съ другой стороны, то же психологическое наблюденіе, которое открыло намъ различіе между матеріей и духомъ, дѣлаетъ насъ свидѣтелями ихъ соединенія. А тогда, или нашъ анализъ ложенъ въ своей исходной точкѣ, или онъ дол-

женъ помочь намъ выйти изъ имъ же вызванныхъ затрудненій.

Во всѣхъ доктринахъ неясность проблемы зависитъ отъ двойной антитезы, возведенной нашимъ разумѣніемъ, между протяженнымъ и непротяженнымъ съ одной стороны, количествомъ и качествомъ съ другой. Несомнѣнно, что духъ прежде всего противопоставляется матеріи, какъ чистое единое дѣлимой множественности, что, болѣе того, воспріятія наши составляются изъ разнородныхъ качествъ, между тѣмъ какъ воспринятая вселенная состоитъ, повидимому, изъ однородныхъ и исчислимыхъ измѣненій. Съ одной стороны получается, стало быть, непротяженность и качество, а съ другой—протяженность и количество. Мы отвергли матеріализмъ, мнящій вывести первый членъ изъ второго; но мы не можемъ принять и идеализмъ, желающій, чтобъ второй былъ просто построеніемъ перваго. Противъ матеріализма мы утверждаемъ, что воспріятіе безконечно переходитъ за мозговое состояніе; но мы пытались установить, противъ идеализма, что матерія со всѣхъ сторонъ переходитъ за предѣлы нашего представленія о ней, представленія, которое духъ, такъ сказать, избралъ разумнымъ выборомъ. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ доктринъ, одна приписываетъ тѣлу, другая духу, даръ истиннаго творчества; по первой, мозгъ нашъ порождаетъ представленіе, по второй—разумъ нашъ чертитъ планъ природы. Противъ обѣихъ этихъ доктринъ мы и призываемъ одно свидѣтельство,—свидѣтельство сознанія, показывающаго намъ, что тѣло наше есть образъ, какъ другіе образы, и что въ нашемъ разумѣ есть нѣкая способность разъединять, различать и логически противопоставлять, но не творить или строить. Такъ, оставаясь добровольными плѣнниками психологическаго анализа и, слѣдовательно, здраваго смысла, истощивъ конфликты, подни-

маемые вульгарнымъ дуализмомъ, мы загородили всѣ выходы, которые могла открыть намъ метафизика.

Но именно потому, что мы довели дуализмъ до крайности, анализъ нашъ, можетъ быть, разъединилъ его противорѣчивые элементы. Но если это такъ, то теорія чистаго воспріятія съ одной стороны, и теорія чистой памяти съ другой, приготовляютъ путь къ сближенію между непротяженнымъ и протяженнымъ, между качествомъ и количествомъ. Принимая мозговое состояніе какъ начало дѣйствія, а совсѣмъ не какъ условіе воспріятія, мы поставили внѣ образа нашего тѣла воспринятые образы вещей; стало быть, мы перемѣстили воспріятіе въ самыя вещи. Но тогда, если воспріятіе наше составляетъ часть вещей, вещи причастны природѣ нашего воспріятія. Матеріальная протяженность не есть уже, и не можетъ быть, той множественной протяженностью, о которой говоритъ геометрія; она скорѣе походитъ на нераздѣльную растяженность нашего представленія. Это значитъ, что анализъ чистаго воспріятія позволилъ намъ усмотрѣть въ идеѣ растяженности возможное сближеніе между протяженнымъ и непротяженнымъ.

Но наша концепція чистой памяти должна была бы параллельно вести къ смягченію второго противоположенія, противоположенія качества и количества. Мы радикально отдѣлили чистое воспоминаніе отъ мозгового состоянія, которое его продолжаетъ и дѣлаетъ дѣйственнымъ. Память, стало быть, ни въ какой мѣрѣ не есть эманація матеріи; наоборотъ, матерія, — какою мы усваиваемъ ее въ конкретномъ воспріятіи, всегда имѣющемъ извѣстную длительность,—въ большей мѣрѣ происходитъ изъ памяти. Гдѣ въ точности разница между разнородными качествами, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ нашемъ конкретномъ воспріятіи, и однородными измѣненіями, кото-

рыя наука ставитъ позади этихъ воспріятій, въ пространствѣ? Первыя прерывны и не могутъ выводиться однѣ изъ другихъ; вторыя, наоборотъ, подлежатъ вычисленію. Но для этого совершенно не нужно дѣлать изъ нихъ чистыя количества: это было бы равносильно сведенію ихъ на ничто. Достаточно, чтобъ разнородность была, такъ сказать, растворена, чтобъ стать, съ нашей точки зрѣнія, величиной, которую практически можно отбросить. Но если каждое конкретное воспріятіе, какъ бы коротко оно ни было, по предположенію, есть уже синтезъ—сдѣланный памятью—безконечности послѣдовательныхъ „чистыхъ воспріятій", то не слѣдуетъ ли думать, что разнородность чувственныхъ качествъ зависитъ отъ ихъ сжатія въ нашей памяти, тогда какъ относительная однородность объективныхъ измѣненій зависитъ отъ ихъ естественнаго раздвиженія? Но нельзя ли, принявъ во вниманіе напряженіе, сблизить между собою количество и качество, подобно тому, какъ мы сблизили протяженность и непротяженность, принявъ во вниманіе растяженность?

Прежде чѣмъ вступить на эту дорогу, сформулируемъ общій принципъ метода, который мы желали бы примѣнить. Мы уже пользовались имъ какъ въ предыдущей работѣ, такъ и въ этой.

Что обыкновенно называютъ фактомъ, не есть та реальность въ томъ видѣ, въ какомъ она предстала бы передъ непосредственной интуиціей, но есть приспособленіе реальнаго къ интересамъ практики и къ требованіямъ общественной жизни. Чистая интуиція, внѣшняя или внутренняя, даетъ нераздѣльную непрерывность. Мы дробимъ ее на сопоставленные элементы, которые соотвѣтствуютъ то отдѣльнымъ словамъ, то независимымъ предметамъ. Но именно потому, что мы разбили первоначальное единство нашей интуиціи, мы и чувствуемъ потребность установить

между разобщенными членами связь, которая можетъ быть теперь лишь внѣшней и прибавленной. Живое единство, что рождается изъ внутренней непрерывности, мы замѣняемъ искусственнымъ единствомъ пустой рамки, косной, какъ члены, которые она держитъ въ соединеніи. Эмпиризмъ и догматизмъ, въ сущности, оба исходятъ изъ явленій такимъ путемъ возстановленныхъ, съ той разницей, что догматизмъ болѣе придерживается формы, тогда какъ эмпиризмъ болѣе придерживается содержанія. Эмпиризмъ, смутно чувствуя искусственность отношеній, соединяющихъ члены между собою, придерживается членовъ, отбрасывая отношенія. Его ошибка не въ томъ, что онъ слишкомъ высоко цѣнитъ опытъ, но въ томъ, наоборотъ, что онъ подставляетъ вмѣсто истиннаго опыта, рождающагося отъ непосредственнаго соприкосновенія духа съ его объектомъ, опытъ расчлененный и, слѣдовательно, несомнѣнно извращенный, во всякомъ случаѣ, измѣненный для большей легкости дѣйствія и слова. Именно потому что это дробленіе реальнаго на части произошло въ виду требованій практической жизни, оно не шло по внутреннимъ линіямъ строенія вещей: поэтому эмпиризмъ не можетъ дать удовлетворенія уму въ великихъ проблемахъ и даже, когда онъ доходитъ до полнаго сознанія своего принципа, воздерживается отъ ихъ постановки. — Догматизмъ открываетъ и выясняетъ трудности, на которыя эмпиризмъ закрываетъ глаза; но самъ, въ сущности, ищетъ рѣшенія на пути, намѣченномъ эмпиризмомъ. Онъ также принимаетъ тѣ отдѣльныя, прерывистыя явленія, которыми довольствуется эмпиризмъ и просто старается сдѣлать ихъ синтезъ, который, не будучи данъ въ интуиціи, по необходимости всегда будетъ имѣть произвольную форму. Другими словами, если метафизика ничто иное какъ построеніе, есть много метафизикъ одинаково вѣроятныхъ, и слѣдовательно, другъ

друга опровергающихъ, и послѣднее слово остается за критической философіей, которая разсматриваетъ всякое познаніе какъ относительное и сущность вещей какъ непознаваемое. Таковъ и былъ въ самомъ дѣлѣ правильный ходъ философской мысли: мы исходимъ изъ того, что считаемъ опытомъ, мы пробуемъ разныя возможныя комбинаціи между осколками, его повидимому составляющими, и, передъ признанной неустойчивостью всѣхъ нашихъ построеній, отказываемся строить.—Но слѣдовало бы сдѣлать послѣднюю попытку. Слѣдовало бы брать опытъ у его источника или, скорѣе, выше того рѣшительнаго п о в о р о т а, гдѣ, склоняясь въ направленіи нашей пользы, онъ становится чисто ч е л о в ѣ ч е с к и м ъ опытомъ. Безсиліе спекулятивнаго разума, показанное Кантомъ, зависитъ, можетъ быть, въ сущности отъ безсилія ума, подчиненнаго нѣкоторымъ необходимостямъ тѣлесной жизни и работающаго надъ матеріей, которую надо было дезорганизовать для удовлетворенія нашихъ потребностей. Тогда наше познаніе вещей соотвѣтствуетъ уже не основному строю нашего духа, но только его поверхностнымъ и пріобрѣтеннымъ привычкамъ, внѣшней ему формѣ, заимствованной отъ нашихъ тѣлесныхъ функцій и нашихъ низшихъ потребностей. Относительность познанія не будетъ окончательнымъ фактомъ. Разрушая то, что сдѣлали эти потребности, мы возстановили бы интуицію въ ея первобытной чистотѣ и мы вошли бы въ соприкосновеніе съ реальнымъ.

Въ своемъ примѣненіи, методъ этотъ представляетъ значительныя и постоянно возобновляющіяся трудности, потому что онъ требуетъ для рѣшенія каждой новой проблемы, совершенно новаго усилія. Трудно отказаться отъ нѣкоторыхъ привычекъ мысли и даже воспріятія, но это только отрицательная часть работы; а когда она сдѣлана, когда поставишь себя на то, что мы назвали п о в о р о т о м ъ

опыта, когда воспользуешься зарождающимся проблескомъ, что освѣщаетъ переходъ непосредственнаго къ полезному и начинаетъ зарю нашего человѣческаго опыта, остается еще возстановить изъ безконечно малыхъ элементовъ видимой такимъ образомъ реальной кривой форму самой этой кривой, которая продолжается во мракѣ за ними. Въ этомъ смыслѣ, задача философа, какъ мы ее понимаемъ, очень похожа на задачу математика, опредѣляющаго функцію, исходя изъ дифференціала. Послѣдній шагъ философскаго изслѣдованія, это настоящая работа интегрированія.

Мы пробовали нѣкогда примѣнить этотъ методъ къ проблемѣ сознанія, и намъ казалось, что утилитарная работа духа, въ томъ, что касается воспріятія нашей внутренней жизни, состоитъ въ извѣстномъ преломленіи чистаго дленія (durée) въ пространствѣ, преломленія, позволяющаго намъ раздѣлять наши психологическія состоянія, приводить ихъ къ формѣ все болѣе безличной, придавать имъ названіе, наконецъ вводить ихъ въ теченіе общественной жизни. Эмпиризмъ и догматизмъ берутъ внутреннія состоянія въ этой прерывистой формѣ, первый, придерживаясь самихъ этихъ состояній, не вицитъ въ Я ничего кромѣ ряда сопоставленныхъ фактовъ; второй, понимая необходимость связи, можетъ найти эту связь только въ формѣ или въ силѣ,—въ формѣ внѣшней, въ которую вложится аггрегатъ, въ силѣ неопредѣленной и такъ сказать физической, обезпечивающей сцѣпленіе элементовъ. Отсюда двѣ противоположныя точки зрѣнія на вопросъ о свободѣ: по детерминизму актъ есть равнодѣйствующая механическаго соединенія между собою элементовъ; для ихъ противниковъ, если бы они строго согласовались со своимъ принципомъ, свободное рѣшеніе должно бы было быть произвольнымъ fiat, настоящимъ твореніемъ ex nihilo.—Мы думаемъ, что возможна и

третья точка зрѣнія. Она состоитъ въ томъ, чтобъ помѣститься въ чистое дленіе, теченіе котораго безпрерывно, и гдѣ переходишь, нечувствительными градаціями, отъ одного состоянія къ другому: непрерывность реально прожитая, но искусственно разложенная для наибольшаго удобства обиходнаго познаванія. Тогда намъ кажется, что дѣйствіе вытекаетъ изъ своихъ антецедентовъ эволюціей sui generis, такъ что въ данномъ дѣйствіи находишь антецеденты его объясняющіе, но оно все же прибавляетъ нѣчто абсолютно новое, будучи новымъ развитіемъ изъ нихъ, какъ плодъ изъ цвѣтка. Свобода этимъ нисколько не сводится, какъ то говорили, къ чувственной самопроизвольности. Это можно сказать, самое большее, про животное, у котораго психологическая жизнь по преимуществу аффективна. Но у человѣка, существа мыслящаго, свободный актъ можетъ быть названъ синтезомъ чувствъ и идей, и эволюція, къ нему ведущая, можетъ быть названа разумной эволюціей. Пріемъ этого метода состоитъ просто въ отличеніи точки зрѣнія обыденнаго или полезнаго познаванія отъ точки зрѣнія истиннаго познаванія. Дленіе въ которомъ мы зрители своихъ дѣйствій, и гдѣ полезно, чтобъ мы на себя смотрѣли,—есть дленіе, элементы котораго разъединяются и составляются; но дленіе, въ которомъ мы дѣйствуемъ, есть дленіе, гдѣ наши состоянія сливаются одно съ другимъ, и туда мы должны стремиться перенестись мыслью, въ томъ исключительномъ и единственномъ случаѣ, когда мы спекулируемъ надъ интимной природой дѣйствія, т. е. надъ теоріей свободы.

Примѣнимъ ли методъ этого рода къ проблемѣ матеріи? Спрашивается, можно ли въ этой „разнородности явленій“, о которой говорилъ Кантъ, ухватить неопредѣленную массу, съ тенденціей экстенсивности, внѣ однороднаго простран·

ства, къ коему она прикладывается и посредствомъ котораго мы ее подраздѣляемъ,—подобно тому, какъ наша внутренняя жизнь можетъ отдѣляться отъ безконечнаго и пустого времени, чтобы стать чистымъ дленіемъ. Конечно, попытка освободиться отъ основныхъ условій внѣшняго воспріятія, была бы химерична. Но вопросъ въ томъ, относятся ли нѣкоторыя условія, обыкновенно принимаемыя нами за основныя, скорѣе къ пользованію вещами, къ практическому ихъ употребленію, чѣмъ къ чистому знанію, которое мы можемъ о нихъ имѣть. Въ частномъ случаѣ, въ томъ, что касается конкретной протяженности, безпрерывной, разнообразной и въ то же время организованной, можно оспаривать, что она солидарна съ аморфнымъ и коснымъ пространствомъ, которое подъ него подведено, пространствомъ, которое мы безконечно раздѣляемъ, гдѣ мы произвольно вырѣзаемъ фигуры, и гдѣ само движеніе, мы говорили въ другомъ мѣстѣ, можетъ казаться только множественностью мгновенныхъ положеній, такъ какъ ничто не можетъ обезпечить связь прошлаго съ настоящимъ. Стало быть можно былобы, въ нѣкоторой мѣрѣ, освободиться отъ пространства, не выходя изъ протяженности, и въ этомъ былъ бы возвратъ къ непосредственному, потому что мы дѣйствительно воспринимаемъ протяженность, между тѣмъ какъ мы только составляемъ концепцію пространства на манеръ схемы. Не поставятъ-ли этому методу въ упрекъ, что онъ произвольно приписываетъ непосредственному познанію привилегированное значеніе? Но какія причины имѣемъ мы сомнѣваться въ какомъ либо знаніи? Намъ и въ голову не пришло бы сомнѣваться безъ трудностей и противорѣчій, указываемыхъ размышленіемъ, безъ проблемъ ставимыхъ философіей. Не нашло ли бы свое оправданіе и доказательство непосредственное познаніе, если бы можно было доказать что эти трудности, эти противорѣчія, эти проблемы порожда-

ются въ особенности символическимъ изображеніемъ, которое стало для насъ самой реальностью, и пробить толщу которой можетъ только чрезвычайное усиліе? Между результатами, къ которымъ примѣненіе этого метода можетъ вести, выберемъ теперь же относящіеся къ нашему изслѣдованію. Мы ограничимся къ тому же лишь указаніями;— здѣсь не можетъ быть рѣчи о построеніи теоріи матеріи.

I.—Всякое движеніе, поскольку оно есть переходъ отъ покоя къ покою абсолютно недѣлимо.

Здѣсь дѣло не въ гипотезѣ, но въ фактѣ, который вообще покрывается гипотезой.

Вотъ, напримѣръ, моя рука покоющаяся въ точкѣ A. Я переношу ее въ точку B, разомъ пробѣгая промежутокъ. Въ этомъ движеніи есть заразъ образъ, поражающій мое зрѣніе и актъ, усваиваемый моимъ мышечнымъ сознаніемъ. Сознаніе даетъ мнѣ внутреннее ощущеніе простого факта, ибо въ A былъ покой, въ B опять покой, а между A и B вмѣщается актъ нераздѣлимый или, по крайней мѣрѣ не раздѣленный, переходъ отъ покоя къ покою, что и есть само движеніе. Но зрѣніе мое воспринимаетъ движеніе, въ видѣ пробѣгаемой линіи AB и линія, какъ всякое пространство, безконечно разлагаема. Съ перваго взгляда кажется, что я могу считать произвольно это движеніе какъ множественность или какъ нераздѣльность, смотря по тому, разсматриваю ли его въ пространствѣ или во времени, какъ образъ рисующійся внѣ меня, или какъ актъ, который я самъ совершаю.

Тѣмъ не менѣе, отстраняя всякую предвзятую мысль, я очень скоро убѣждаюсь, что выбора мнѣ нѣтъ, что даже зрѣніе мое воспринимаетъ движеніе отъ A къ B, какъ нераздѣльное цѣлое, и если оно что либо раздѣляетъ, то

линію, по которой движеніе происходитъ, но не по ней происходящее движеніе. Совершенно вѣрно, что рука моя идетъ отъ A къ B, проходя черезъ промежуточныя положенія, что эти промежуточныя точки похожи на этапы, въ какомъ угодно числѣ расположенные вдоль всего пути; но между такъ обозначенными раздѣленіями и этапами, въ настоящемъ смыслѣ, та капитальная разница, что на этапѣ останавливаются, а здѣсь—движущееся проходитъ дальше. Но вѣдь прохожденіе есть движеніе, а остановка—неподвижность. Остановка прерываетъ движеніе, прохожденіе составляетъ одно цѣлое съ самимъ движеніемъ. Когда я вижу, какъ движущееся проходитъ черезъ какую нибудь точку, я понимаю, безъ сомнѣнія, что оно м о г ло б ы тамъ остановиться; и даже если оно тамъ не останавливается, я склоненъ разсматривать его прохожденіе какъ безконечно малый покой, потому что мнѣ нужно время, чтобъ объ этомъ подумать, но здѣсь останавливается только мое воображеніе, а роль движущагося заключается, наоборотъ, въ томъ, чтобъ двигаться. Такъ какъ всякая точка пространства кажется мнѣ неподвижной, мнѣ трудно не приписать самому движущемуся неподвижность точки, съ которой оно для меня на мгновеніе совпадаетъ. Тогда мнѣ кажется, что я возстановляю все движеніе, что движущееся останавливалось на безконечно малое время на всѣхъ точкахъ своей траекторіи. Но не надо смѣшивать данныя чувствъ, воспринимающихъ движеніе, съ искусственными пріемами ума, который его возстановляетъ. Чувства, предоставленныя самимъ себѣ, представляютъ намъ реальное движеніе, между двумя реальными остановками, какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное. Раздѣленіе есть продуктъ воображенія, функція котораго именно въ томъ, чтобы задерживать движущіеся образы нашего обычнаго опыта, какъ мгновенная молнія, освѣщающая ночью сцену бури.

Здѣсь мы постигаемъ, въ самомъ ея принципѣ, иллюзію сопровождающую и покрывающую воспріятіе реальнаго движенія. Движеніе видимо состоитъ вь переходѣ изъ одной точки въ другую и слѣдовательно, въ прохожденіи пространства. Но такъ какъ пройденное пространство дѣлимо до безконечности, и такъ какъ движеніе, такъ сказать прилегаетъ къ линіи, которую оно пробѣгаетъ, оно кажется солидарнымъ съ этой линіей и дѣлимымъ какъ она. Развѣ не оно начертало ее? Не проходило ли оно поочередно послѣдовательный рядъ ея точекъ? Да, несомнѣнно, но точки эти реальны только въ начертанной линіи, т. е. линіи неподвижной; и тѣмъ что вы представляете себѣ движеніе поочередно въ этихъ разныхъ точкахъ, вы его непремѣнно тамъ останавливаете; ваши послѣдовательныя положенія, въ сущности, только воображаемыя остановки. Вы подставляете траекторію вмѣсто пути, и такъ какъ подъ путь подводится траекторія, вамъ кажется, что онъ съ ней совпадаетъ, но какъ можетъ ходъ совпадать съ вещью, движеніе съ неподвижностью?

Иллюзія здѣсь облегчается еще и тѣмъ, что мы различаемъ моменты въ теченіи дленія, какъ положенія на пути движущагося. Если предположить, что движеніе отъ одной точки до другой составляетъ нераздѣльное цѣлое, то движеніе это все же наполняетъ собою опредѣленное время, и стоитъ только отдѣлить отъ этого дленія одно недѣлимое мгновеніе, чтобы движущееся заняло въ этотъ точный моментъ нѣкое положеніе, которое отдѣлится, такимъ образомъ, отъ остальныхъ. Недѣлимость движенія предполагаетъ стало быть, невозможность мгновенія. Весьма краткій анализъ идеи дленія покажетъ намъ заразъ, почему мы приписываемъ дленію мгновенія и какъ не можетъ въ немъ быть этихъ мгновеній. Возьмемъ простое движеніе, какъ путь моей руки, когда она пе-

ремѣщается изъ A въ B. Путь этотъ данъ моему сознанію какъ нераздѣльное цѣлое. Онъ конечно длится; но дленіе его, совпадающее съ внутреннимъ аспектомъ, который онъ принимаетъ въ моемъ сознаніи, цѣльно и нераздѣльно какъ онъ самъ. Представляясь какъ движеніе фактомъ простымъ, онъ образуетъ въ пространствѣ траекторію, которую я могу разсматривать, для упрощенія вещей, какъ геометрическую линію; концы этой линіи, какъ абстрактныя границы, уже не линіи, но нераздѣльныя точки. Но если линія, которую начертало движущееся, измѣряетъ для меня дленіе его движенія, почему точка, гдѣ кончается эта линія, не могла бы символизировать конца этого дленія? И если эта точка есть недѣлимое длины, то какъ не закончить дленіе пути недѣлимымъ дленія? Такъ какъ цѣлая линія представляетъ все дленіе, части этой линіи должны соотвѣтствовать казалось бы, частямъ дленія, и точки линіи моментамъ времени. Недѣлимыя дленія или моменты времени порождаются, стало быть, потребностью въ симметріи, къ нимъ приходятъ естественно, разъ отъ пространства требуютъ интегральнаго представленія о дленіи. Но именно въ этомъ и заключается заблужденіе. Если линія AB символизируетъ протекшее дленіе движенія отъ A до B, то, будучи неподвижной, она отнюдь не можетъ представлять движенія совершающагося, дленія протекающаго; а изъ того, что линія эта дѣлима на части, что она заканчивается точками, не слѣдуетъ заключать, ни что соотвѣтственное дленіе состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, ни что оно ограничено мгновеніями.

Аргументы Зенона Элейскаго выведены только изъ этой иллюзіи. Все состоитъ въ томъ, чтобы заставить время и движеніе совпасть съ линіей, которая подъ нихъ подведена и придать имъ тѣ же подраздѣленія, т. е. обра-

щаться съ ними какъ съ этой линіей. Въ этомъ смѣшеніи Зенона поощрялъ здравый смыслъ, который переноситъ обыкновенно на движенія свойства его траекторіи, а также и языкъ, который всегда выражаетъ въ терминахъ пространства движеніе и его длительность. Но здравый смыслъ и языкъ здѣсь въ своемъ правѣ и даже, такъ сказать, выполняютъ свой долгъ, ибо разсматривая всегда совершеніе (le devenir) какъ в е щ ь для использованія, они могутъ не заботиться о внутренней организаціи движенія, какъ рабочему нечего думать о молекулярномъ строеніи его инструментовъ. Принимая, что движеніе дѣлимо, какъ его траекторія, здравый смыслъ выражаетъ просто два факта, единственно значительные для практической жизни: 1^0 что всякое движеніе очерчиваетъ пространство; 2^0 что во всякой точкѣ этого пространства движущееся м о г л о б ы остановиться. Но философъ, разсуждающій надъ внутренней природой движенія, долженъ возвратить ему подвижность, составляющую его сущность, а этого то Зенонъ и не дѣлаетъ. По первому аргументу (дихотомія) движущееся тѣло предполагаютъ въ покоѣ, чтобы затѣмъ разсматривать лишь этапы, въ неопредѣленномъ числѣ, на линіи, которую оно должно пройти, и намъ говорятъ: вы не можете опредѣлить, какъ оно пройдетъ этотъ промежутокъ. Но этимъ просто доказывается, что невозможно a p r i o r i строить движеніе изъ неподвижностей, въ чемъ никто никогда не сомнѣвался. Здѣсь только одинъ вопросъ: разъ движеніе дано какъ фактъ, нѣтъ-ли, такъ сказать, ретроспективной нелѣпости въ томъ, что имъ пройдено безконечное число точекъ. Но это намъ представляется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ движеніе есть нераздѣльный фактъ или рядъ нераздѣльныхъ фактовъ, между тѣмъ какъ траекторія безконечно дѣлима. Во второмъ аргументѣ (Ахиллесъ) соглашаются дать движеніе, его даже приписываютъ двумъ

движущимся тѣламъ, но, все по тому же заблужденію, желаютъ, чтобы движенія эти совпадали съ ихъ траекторіей и были, какъ она, произвольно разлагаемы. Тогда, вмѣсто того, чтобъ признать, что черепаха идетъ черепашьимъ шагомъ, а Ахиллесъ шагами Ахиллеса, такъ что черезъ нѣкоторое число этихъ дѣйствій или нераздѣльныхъ скачковъ, Ахиллесъ перегонитъ черепаху, считаютъ себя въ правѣ разложить, по произволу, и движенія Ахиллеса и движенія черепахи: забавляются, такимъ образомъ, постройкой этихъ двухъ движеній по произвольному закону ихъ образованія, несовмѣстимому съ основными условіями подвижности. Тотъ же софизмъ еще очевиднѣе въ третьемъ аргументѣ (Стрѣла). Изъ того, что можно на траекторіи метательнаго снаряда опредѣлять точки, заключаютъ, что съ полнымъ правомъ можно различать нераздѣльные моменты во времени пути. Но изо всѣхъ аргументовъ Зенона, можетъ быть, наиболѣе поучителенъ четвертый (Ристалище), которымъ напрасно, по нашему мнѣнію, пренебрегали; нелѣпость его тѣмъ очевиднѣе, что въ немъ съ полной откровенностью развитъ постулатъ замаскированный въ трехъ другихъ [1]). Не вдаваясь въ

---

[1]) Напомнимъ вкратцѣ этотъ аргументъ. Дано движущееся тѣло, которое перемѣщается съ извѣстной скоростью и проходитъ, одновременно, передъ двумя тѣлами, изъ которыхъ одно неподвижно, а другое движется ему навстрѣчу съ одинаковой съ нимъ скоростью. Въ то время, какъ это движущееся тѣло проходитъ извѣстную длину неподвижнаго тѣла, оно естественно пройдетъ двойную длину тѣла движущагося ему навстрѣчу. Отсюда Зенонъ заключаетъ, что „одна длительность вдвое болѣе самой себя“.—Пустое разсужденіе, говорятъ, потому что Зенонъ не принимаетъ во вниманіе, что скорость въ одномъ случаѣ вдвое больше, чѣмъ скорость въ другомъ.—Въ этомъ мы согласны; но какъ, скажите пожалуйста, онъ можетъ это замѣтить? Что движущееся тѣло проходитъ, въ одно и то же время, двѣ различныя длины двухъ тѣлъ, изъ

споръ, которому здѣсь не мѣсто, просто констатируемъ, что непосредственно воспринятое движеніе есть очень ясный фактъ, и что трудности или противорѣчія, указанныя Элейской школой, гораздо менѣе касаются самого движенія, чѣмъ искусственнаго и не жизнеспособнаго построенія движенія умомъ. Выведемъ заключеніе изъ всего предшествующаго:

II.—Существуютъ реальныя движенія.

Математикъ, точнѣе выражая идею здраваго смысла, опредѣляетъ положеніе разстояніемъ отъ точекъ отправленія или осей, а движеніе измѣненіемъ разстоянія. Въ движеніи, стало быть, онъ имѣетъ дѣло только съ измѣненіями длины; а такъ какъ абсолютныя величины измѣняющагося разстоянія, между какой нибудь точкой и осью, напримѣръ, выражаютъ одинаково, какъ перемѣщеніе оси по отношенію къ точкѣ, такъ и перемѣщеніе точки по отношенію къ оси, онъ безразлично будетъ приписывать

которыхъ одно находится въ покоѣ, а другое въ движеніи, это ясно для того, кто изъ длительности дѣлаетъ родъ абсолюта (дленіе) и помѣщаетъ его или въ сознаніе или въ нѣчто, что причастно сознанію. Пока опредѣленная часть этого сознаннаго или абсолютнаго дленія протекаетъ, то же движущееся тѣло пройдетъ, вдоль обоихъ тѣлъ, два пространства двойныя одно для другого, и изъ этого нельзя будетъ заключить, что одно дленіе двойное для самого себя, такъ какъ дленіе остается какъ нѣчто независимое и отъ одного и отъ другого пространства. Ошибка Зенона, во всей его аргументаціи, именно въ томъ, что онъ оставляетъ въ сторонѣ истинное дленіе и разсматриваетъ только его объективный слѣдъ въ пространствѣ. Почему тогда оба слѣда, оставленные однимъ и тѣмъ же движущимся тѣломъ, не заслуживаютъ одинаковаго вниманія, какъ мѣры времени? И какъ имъ не представлять того же дленія, если даже они двойныя одно другого? Заключая, что одна длительность „двойная для самой себя“, Зенонъ оставался въ логикѣ своей гипотезы и четвертый его аргументъ стоитъ ровно столько, сколько и три остальные.

одной и той же точкѣ или покой или подвижность. Стало быть, если движеніе сводится къ измѣненію разстоянія, одинъ и тотъ же предметъ становится подвижнымъ или неподвижнымъ, смотря по точкѣ, къ которой его относятъ, и абсолютнаго движенія нѣтъ.

Но вещи принимаютъ уже иной видъ, когда отъ математики мы переходимъ къ физикѣ, и отъ абстрактнаго изученія движенія къ конктретнымъ измѣненіямъ, совершающимся во вселенной. Если мы можемъ, по произволу, приписывать покой или движеніе каждой матеріальной точкѣ, взятой въ отдѣльности, остается тѣмъ не менѣе вѣрнымъ, что аспектъ матеріальной вселенной измѣняется, что внутреннее очертаніе всякой реальной системы мѣняется, и что тутъ намъ уже нѣтъ выбора между покоемъ и подвижностью: какова бы ни была его внутренняя причина, движеніе становится неоспоримой реальностью. Примемъ, что нельзя сказать, какія части цѣлаго двигаются, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ есть движеніе. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что тѣ же мыслители которые разсматриваютъ всякое отдѣльное движеніе, какъ относительное, говорятъ о совокупности движенія какъ объ абсолютѣ. Это противорѣчіе было найдено у Декарта, который, давъ положенію объ относительности самую радикальную форму, утверждая что всякое движеніе „обоюдно“ (réciproque) [1]), формулируетъ законы движенія такъ, какъ еслибы движеніе было абсолютно [2]). Лейбницъ и другіе послѣ него указывали на это противорѣчіе [3]): оно зависитъ просто оттого, что Декартъ говоритъ о движеніи,

---

[1]) Descartes, Principes, II, 29,

[2]) Descartes, Principes, II-e partie § 37 и слѣд.

[3]) Leibnitz, Specimen dynamicum. (Mathem. Schriften. Gerhardt, 2-я секція, 2-й томъ, стр. 246).

какъ физикъ, опредѣливъ его, сначала, какъ геометръ. Для геометра, всякое движеніе относительно; это только значитъ, по нашему, что нѣтъ математическаго символа, способнаго выразить, что движется движущееся, а не оси и точки, къ которымъ его относятъ. И это понятно, потому что символы, предназначенные всегда для измѣреній, могутъ выражать только разстоянія. Но никто серіозно не будетъ оспаривать, что есть реальное движеніе, иначе ничто не измѣнялось бы во вселенной и особенно было бы совершенно непонятно, что означаетъ сознаніе нашихъ собственныхъ движеній. Въ своемъ спорѣ съ Декартомъ, Моръ шутливо намекалъ на этотъ послѣдній пунктъ: „когда я сижу покойно, а другой, удалившись на тысячу шаговъ, красенъ отъ усталости, несомнѣнно, что именно онъ движется и что именно я отдыхаю“ [1]).

Но если есть абсолютное движеніе, можно ли продолжать разсматривать движеніе, только какъ измѣненіе мѣста? Тогда слѣдуетъ возвести разнообразіе мѣстъ въ абсолютную разницу, и различать абсолютныя положенія въ абсолютномъ пространствѣ. Ньютонъ доходилъ до этого [2]), за нимъ слѣдовалъ и Ейлеръ [3]) и другіе. Но можно ли это вообразить или понять? Одно мѣсто абсолютно отличалась бы отъ другого только своимъ качествомъ или своимъ отношеніемъ къ цѣлому пространства, такъ что, по этой гипотезѣ, пространство оказалось бы составленнымъ изъ разнородныхъ частей или конечнымъ. Но конечному пространству мы дали бы границей другое

---

[1]) H. Morus, Scripta philosophica, 1679, т. II, стр. 248.

[2]) Newton, Principia (изд. Thomson'a, 1871, стр. 6 и слѣд.).

[3]) Euler, Theoria motus corporum solidorum, 1765, стр. 30—33.

пространство, а подъ разнороднымъ пространствомъ мы вообразили бы однородное пространство его поддерживающее; въ обоихъ случаяхъ мы неизбѣжно вернулись бы къ однородному и неопредѣленному пространству. Стало быть, мы не можемъ не разсматривать каждое мѣсто какъ относительное и не вѣрить въ существованіе абсолютнаго движенія.

Намъ скажутъ тогда, что реальное движеніе отличается отъ движенія относительнаго тѣмъ, что оно имѣетъ реальную причину, исходитъ изъ силы. Но надобно условиться въ значеніи этого послѣдняго слова. Въ наукахъ изучающихъ природу, сила есть лишь функція массы и скорости; она измѣряется сообразно ускоренію; ее знаютъ, ее высчитываютъ только по движеніямъ, которыя, предполагается, она производитъ въ пространствѣ. Будучи солидарной съ этими движеніями, она раздѣляетъ ихъ относительность. И физики, которые ищутъ принципъ абсолютнаго движенія въ силѣ, такимъ образомъ опредѣляемой, логикой своей системы приводятся къ гипотезѣ абсолютнаго пространства, котораго желали сначала избѣгнуть [1]). Приходится, стало быть, обратиться къ метафизическому смыслу слова и обосновать движеніе, воспринимаемое въ пространствѣ, глубокими причинами, аналогичными тѣмъ, которыя сознаніе наше улавливаетъ въ чувствѣ усилія. Но чувство усилія относится ли оно къ глубокимъ причинамъ? И не показано ли окончательнымъ анализомъ, что это чувство есть не что иное, какъ сознаніе движеній уже совершенныхъ или начатыхъ у периферіи тѣла? Стало быть, мы тщетно старались бы основать реальность движенія на причинѣ отъ него отличной: анализъ неизмѣнно возвращаетъ насъ къ самому движенію.

---

[1]) Въ частности Ньютонъ.

Но зачѣмъ искать внѣ этого? Пока вы опираете движеніе на линію имъ проходимую, одна и та же точка кажется вамъ поочередно, смотря по тому, къ чему вы ее относите, то въ покоѣ, то въ движеніи. Не то будетъ если вы извлечете изъ движенія подвижность, составляющую его сущность. Когда мой глазъ даетъ мнѣ ощущеніе движенія, это ощущеніе есть реальность и что нибудь дѣйствительно происходитъ, — или предметъ передвигается передъ моимъ глазомъ или мой глазъ двигается передъ предметомъ. Я тѣмъ болѣе увѣренъ въ реальности движенія, когда я произвожу его, по желанію и когда мышечное чувство доводитъ его до сознанія. Иначе сказать, я касаюсь реальности движенія, когда оно обнаруживается внутри меня, какъ измѣненіе состоянія или качества. Но въ такомъ случаѣ, почему не было-бы такъ же, когда я воспринимаю измѣненія качествъ въ вещахъ? Звукъ абсолютно отличается отъ тишины, точно также одинъ звукъ отъ другого. Между свѣтомъ и мракомъ, между цвѣтами, между оттѣнками — разница абсолютна. Переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому также абсолютно реальное явленіе. Я держу, стало быть, оба конца цѣпи, мышечныя ощушенія во мнѣ, чувственныя качества матеріи внѣ меня и, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ, я не улавливаю движеніе,— если есть движеніе,—какъ простое отношеніе: это—абсолютъ. Между этими двумя крайностями помѣщаются движенія внѣшнихъ тѣлъ, въ собственномъ смыслѣ слова. Какъ различить здѣсь кажущееся движеніе отъ движенія реальнаго? Про какой предметъ, извнѣ воспринятый, можно сказать, что онъ движется? про какой, что онъ остается неподвижнымъ? Поставить такой вопросъ значитъ признать, что прерывность, установленная здравымъ смысломъ между предметами независимыми одинъ отъ другого, имѣющими

каждый свою индивидуальность, подобный личностямъ, есть различеніе обоснованное. При обратной гипотезѣ дѣло шло бы уже не о томъ, чтобъ узнать, какъ въ опредѣленныхъ частяхъ матеріи происходятъ перемѣны положеній, но о томъ, какъ совершается въ цѣломъ перемѣна аспекта, перемѣна, природу которой оставалось бы, къ тому же, опредѣлить. Сформулируемъ теперь же наше третье положеніе;

III.—Всякое раздѣленіе матеріи на независимыя тѣла, съ абсолютно опредѣленными контурами, есть дѣленіе искусственное.

Тѣло, т. е. независимый матеріальный предметъ, представляется намъ прежде всего, какъ система качествъ, гдѣ сопротивляемость и цвѣтъ,—данныя зрѣнія и осязанія—занимаютъ центръ и держатъ, такъ сказать, подвѣшенными всѣ остальныя. Съ другой стороны, данныя зрѣнія и осязанія суть именно тѣ, которыя очевиднѣе всего распространяются въ пространствѣ, а существенный признакъ пространства непрерывность. Есть промежутки тишины между звукомъ, ибо слухъ не всегда занятъ; между запахами, между вкусами мы находимъ пустоты; обоняніе и вкусъ функціонируютъ, какъ будто, случайно: наоборотъ, какъ только мы открываемъ глаза, все наше поле зрѣнія окрашивается, и такъ какъ твердыя тѣла, по необходимости, смежны одни съ другими, наше осязаніе должно слѣдовать по поверхности или краямъ предметовъ, никогда не встрѣчая настоящаго перерыва. Какъ разбиваемъ мы первоначально воспринятую непрерывность матеріальнаго протяженія на отдѣльныя тѣла, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое вещество и свою индивидуальность? Конечно, эта непрерывность измѣняетъ видъ съ минуты на минуту, но почему мы не констатируемъ просто измѣненіе въ цѣломъ, какъ при поворотѣ калейдоскопа?

Почему, наконецъ, мы ищемъ въ подвижности цѣлаго намѣченныхъ путей, по которымъ слѣдовали тѣла въ движеніи? Намъ дана *двужущаяся непрерывность*, гдѣ все одновременно и измѣняется, и остается; почему мы раздѣляемъ эти два выраженія, постоянство и измѣненіе, и представляемъ постоянство *тѣлами*, а измѣненіе *однородными движеніями* въ пространствѣ? Это не есть данное непосредственной интуиціи; но это и не есть требованіе науки, потому что наука, наоборотъ, стремится вновь найти естественныя сочетанія вселенной, которую мы искусственно расчленили. Болѣе того, доказывая взаимодѣйствіе всѣхъ матеріальныхъ точекъ, наука возвращается вопреки видимостямъ, какъ будетъ показано, къ идеѣ всемірной непрерывности. Знаніе и сознаніе, въ сущности, согласны, если разсматривать сознаніе въ его наиболѣе непосредственныхъ данныхъ, а науку въ ея отдаленнѣйшихъ чаяніяхъ. Откуда происходитъ непреодолимое стремленіе построить прерывистую матеріальную вселенную, изъ тѣлъ съ ясно вырѣзанными гранями, которыя мѣняютъ мѣсто т. е. отношеніе между собою?

Рядомъ съ сознаніемъ и съ наукой стоитъ жизнь. Подъ принципами спекуляціи, столь тщательно анализированными философами, кроятся тенденціи, изученіемъ которыхъ пренебрегли, а онѣ объясняются просто необходимостью для насъ жить, т. е. дѣйствовать. Присущая индивидуальнымъ сознаніямъ, способность проявляться въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ уже требуетъ отдѣльныхъ матеріальныхъ зонъ, которыя соотвѣтствовали бы живымъ тѣламъ: въ этомъ смыслѣ, мое собственное тѣло и, по аналогіи съ нимъ, другія живыя тѣла суть то, что я лучше всего отличаю въ непрерывности вселенной. Но разъ это тѣло установлено и отличено, испытываемыя имъ потребности приводятъ его къ отличенію и установленію другихъ тѣлъ. У про-

стѣйшаго изъ живыхъ существъ питаніе требуетъ исканія, затѣмъ соприкосновенія, наконецъ ряда усилій, направленныхъ къ одному центру: этотъ центръ и станетъ именно независимымъ предметомъ, который долженъ служить пищей. Какова бы ни была природа матеріи, можно сказать, что жизнь установитъ въ ней сразу первую прерывность, выражающую двойственность потребности и того, что должно служить для ея удовлетворенія. Но потребность питанія не единственная потребность. Другія потребности организуются вокругъ нея и всѣ онѣ имѣютъ цѣлью сохраненіе индивида или вида, и каждая изъ нихъ приводитъ насъ къ различенію, рядомъ съ нашимъ собственнымъ тѣломъ, тѣлъ независимыхъ отъ него, къ которымъ мы должны стремиться или которыхъ должны избѣгать. Каждая изъ нашихъ потребностей есть пучекъ свѣта, направленный на непрерывность чувственныхъ качествъ и вырисовывающій тамъ отдѣльныя тѣла. Потребности наши могутъ быть удовлетворены только при условіи вырѣзанія въ этой непрерывности одного тѣла, затѣмъ отграничиванія другихъ тѣлъ, съ которыми это тѣло войдетъ въ соотношеніе, какъ съ личностями. Установленіе этихъ совершенно особыхъ отношеній между частями, такимъ образомъ вырѣзанными изъ чувственной реальности, есть именно то, что мы называемъ ж и з н ь ю.

Но если это подраздѣленіе реальнаго гораздо менѣе соотвѣтствуетъ непосредственной интуиціи, чѣмъ основнымъ потребностямъ жизни, какъ получимъ мы болѣе близкое познаніе вешей, продолжая это дѣленіе еще дальше? Этимъ продолжаютъ ж и з н е н н о е д в и ж е н і е, отвращаются отъ истиннаго познанія. Вотъ почему грубый пріемъ, состоящій въ разложеніи тѣла на однородныя съ нимъ части, приводитъ насъ въ тупикъ, такъ какъ мы скоро чувствуемъ, что не способны понять, почему это дѣленіе должно остановиться, ни какъ оно могло бы продолжаться

безконечно. Онъ представляетъ собою на самомъ дѣлѣ обыкновенную форму полезнаго дѣйствія, некстати перенесенную въ область чистаго познанія. Никогда, стало быть, не объяснятъ частицами, каковы бы онѣ ни были, простыхъ свойствъ матеріи: самое большее прослѣдятъ до этихъ частицъ, искусственныхъ какъ само тѣло, дѣйствія и реакціи этого тѣла относительно всѣхъ другихъ тѣлъ. Такова именно цѣль химіи. Она изучаетъ менѣе матерію, чѣмъ тѣла; и понятно, что она останавливается на атомѣ, обладающемъ всѣми общими свойствами матеріи. Но матеріальность атома все болѣе и болѣе улетучивается подъ взглядомъ физика. Мы не имѣемъ никакихъ причинъ, напримѣръ представлять себѣ атомъ въ твердомъ, въ жидкомъ или газообразномъ состояніи, или представлять себѣ взаимодѣйствіе атомовъ скорѣе какъ столкновеніе, чѣмъ какъ какое бы то ни было другое дѣйствіе. Почему мы мыслимъ твердый атомъ и столкновенія? Потому что твердыя тѣла суть тѣ, на которыя мы легче всего можемъ воздѣйствовать и которыя наиболѣе интересуютъ насъ въ нашихъ отношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, и потому также, что соприкосновеніе есть по видимости, единственное средство, которымъ мы располагаемъ, чтобъ дѣйствовать нашимъ тѣломъ на другія тѣла. Но весьма простые опыты доказываютъ, что никогда нѣтъ реальнаго соприкосновенія между двумя столкнувшимися тѣлами [1]); съ другой стороны, твердость далеко не есть абсолютно опредѣленное состояніе матеріи [2]). Твердость и столкновеніе, стало быть, пріобрѣтаютъ свою видимую яс-

---

[1]) См. по этому поводу, Maxwell, Action at a distance (Scientific papers, Cambridge, 1890, т. II стр. 313 - 314).

[2]) Maxwell, Molecular constitution of bodies (Scientific papers, т. II, стр. 618).—Съ другой стороны van der Waals доказалъ непрерывность жидкаго и газообразнаго состояній.

ность отъ привычекъ и потребностей практической жизни. Такого рода образы не бросаютъ никакого свѣта на основу вещей.

Къ тому же, если есть истина, которую наука поставила внѣ всякаго сомнѣнія, то это именно взаимодѣйствіе всѣхъ частей матеріи. Между предполагаемыми молекулами тѣлъ дѣйствуютъ силы притяженія и отталкиванія. Вліяніе тяготѣнія распространяется черезъ межпланетное пространство. Существуетъ, стало быть, нѣчто между атомами. Скажутъ, что это уже не матерія, а сила. Между атомами можно представить себѣ натянутыя нити, ихъ можно утончить, сдѣлать невидимыми и даже, какъ думаютъ, не матеріальными. Но къ чему можетъ служить этотъ грубый образъ? Сохраненіе жизни требуетъ, безъ сомнѣнія, чтобы мы различали, въ нашемъ повседневномъ олытѣ, в е щ и инертныя и д ѣ й с т в і я, совершаемыя этими вещами въ пространствѣ. Такъ какъ намъ полезно опредѣлить мѣсто в е щ и, въ той именно точкѣ, гдѣ мы могли бы ее коснуться, ея осязаемыя очертанія становятся для насъ ея реальной границей, и мы видимъ тогда въ ея д ѣ й с т в і и нѣчто, что отъ нея отдѣляется и отъ нея отличается. Но такъ какъ теорія матеріи задается цѣлью найти реальность подъ этими обычными образами, относящимися къ нашимъ потребностямъ, она должна прежде всего отвлечься отъ этихъ образовъ. И мы дѣйствительно вицимъ, что сила и матерія сближаются и соединяются по мѣрѣ того, какъ физика углубляетъ изученіе ихъ проявленій. Сила матеріализуется, атомъ идеализуется и оба эти понятія сходятся въ общемъ предѣлѣ; вселенная, такимъ образомъ, вновь обрѣтаетъ свою непрерывность. Объ атомахъ будутъ еще говорить; атомъ сохранитъ свою индивидуальность для нашего ума, его изолирующаго; но твердость и инертность атома раство-

рятся или въ движеніяхъ или въ линіяхъ силъ, взаимная солидарность которыхъ возстановитъ всемірную непрерывность. Къ этому заключенію, по необходимости, должны были прійти, исходя изъ совершенно разныхъ точекъ, два физика этого вѣка, глубже всѣхъ проникнувшіе въ строеніе матеріи—Томсонъ и Фарадей. Для Фарадея атомъ есть „центръ силъ“. Подъ этимъ онъ разумѣетъ, что индивидуальность атома состоитъ въ математической точкѣ, гдѣ скрещиваются линіи силъ, линіи безконечныя, излучающіяся въ пространствѣ и реально атомъ составляющія: каждый атомъ занимаетъ такимъ образомъ, употребляя его выраженіе, „всецѣлое пространство, на которое распространяется тяготѣніе“ и „всѣ атомы взаимно проникаются“ [1]). Томсонъ, исходя изъ другого ряда идей, предполагаетъ совершенную жидкость, непрерывную, однородную и несжимаемую, которая наполняетъ пространство; то, что мы называемъ атомомъ, есть кольцо неизмѣнной формы, вихрящееся въ этой непрерывности, его свойства зависятъ отъ его формы, его существованіе, а, слѣдовательно, и его индивидуальность, зависятъ отъ его движенія [2]). Но какъ въ той, такъ и въ другой гипотезѣ, мы видимъ, что по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ элементамъ матеріи, исчезаетъ прерывность, которую наше воспріятіе установило на ея поверхности. Психологическій анализъ уже открылъ намъ, что эта прерывность зависитъ отъ нашихъ потребностей; всякая философія природы находитъ ее, въ концѣ концовъ, несовмѣстимой съ общими свойствами матеріи.

---

[1]) Faraday, A speculation concerning electric conduction. (Philos. Magazine, 3-я серія, Vol. XXIV.

[2]) Thomson, On vortex atoms (Proc. of the Roy. Soc. of Edinb. 1867).—Гипотеза того же рода была высказана Graham'омъ, On the molecular mobility of gases (Proc. of the Roy. Soc. 1863, стр. 621 и слѣд.

По правдѣ сказать, вихри и линіи силъ въ мыслѣ физика не что иное, какъ удобныя фигуры, предназначенныя схематизировать его вычисленія. Но философія должна спросить себя, почему эти символы удобнѣе другихъ и позволяютъ идти дальше. Можемъ ли мы, работая съ ними, настигнуть опытъ, и не указываютъ ли намъ понятія, имъ соотвѣтствующія, по крайней мѣрѣ, направленіе, гдѣ надо искать представленіе о реальномъ? Но вѣдь направленіе ими указываемое не подлежитъ сомнѣнію; они обнаруживаютъ видоизмѣненія, пертурбаціи, измѣненія напряженія или энергіи, идущія по конкретному протяженію, и ничего другого. И въ этомъ они въ особенности стремятся приблизиться къ чисто психологическому анализу движенія, уже данному нами; анализъ этотъ представлялъ намъ движеніе не какъ простое измѣненіе отношенія между предметами, къ которымъ оно приставлялось бы какъ случайность, но какъ реальность истинную и, въ нѣкоторомъ родѣ, независимую. Ни наука, ни сознаніе не отвергнутъ, стало быть, это наше послѣднее положеніе:

IV. — Реальное движеніе есть скорѣе переносъ состоянія, чѣмъ вещи.

Формулируя эти четыре положенія, мы, въ сущности, только постепенно съузили промежутокъ между двумя выраженіями, противопоставляемыми одно другому, между качествами или ощущеніями и движеніями. На первый взглядъ разстояніе кажется недосягаемымъ. Качества разнородны между собою, движенія однородны. Ощущенія, недѣлимыя по сущности, ускользаютъ отъ измѣренія; движенія, всегда дѣлимыя, отличаются измѣримыми различіями направленія и скорости. Привыкли помѣщать качество, въ видѣ ощущеній, въ сознаніе, между тѣмъ какъ движеніе совершается, независимо отъ насъ, въ пространствѣ. Эти движенія, слагаясь между собою, никогда не дадутъ ничего

кромѣ движеній; наше сознаніе, неспособное ихъ коснуться, таинственнымъ процессомъ выражаетъ ихъ въ ощущеніяхъ, которыя отбрасываются затѣмъ въ пространство и покрываютъ, неизвѣстно какъ, движенія, которыя они выражаютъ. Отсюда два различные міра, которые могутъ сообщаться лишь чудомъ—съ одной стороны движенія въ пространствѣ, съ другой сознаніе съ ощущеніями. Конечно разница между качествомъ съ одной стороны и чистымъ количествомъ съ другой остается неустранимой, какъ мы сами это нѣкогда показали. Но вопросъ именно въ томъ, представляютъ ли реальныя движенія только различія количества, или они составляютъ само качество, которое вибрируетъ, такъ сказать, внутренно и скандируетъ свое собственное бытіе зачастую въ неисчислимомъ количествѣ моментовъ. Движеніе, изучаемое механикой, есть только абстрактъ или символъ, общая мѣра, общій знаменатель, позволяющій сравнивать между собою всѣ реальныя движенія; но движенія эти, разсматриваемыя сами по себѣ, недѣлимыя, обладаютъ дленіемъ, предполагаютъ „до“ и „послѣ“ и соединяютъ послѣдовательные моменты времени нитью измѣнчиваго качества, не лишеннаго аналогіи съ непрерывностью нашего собственнаго сознанія. Не можемъ ли мы представить себѣ, напримѣръ, что несовмѣстимость двухъ воспринятыхъ цвѣтовъ зависитъ въ особенности отъ сжатости дленія, въ которомъ сокращаются трилліоны вибрацій, ими совершаемыхъ, въ одно изъ нашихъмгновеній? Если бы мы могли растянуть это дленіе, т. е. переживать его болѣе медленнымъ ритмомъ, не увидѣли ли бы мы, по мѣрѣ замедленія ритма, что краски блѣднѣютъ и расплываются въ послѣдовательныя впечатлѣнія, еще окрашенныя, конечно, но все болѣе и болѣе приближающіяся къ тому, чтобъ слиться съ чистыми колебаніями? Гдѣ ритмъ движенія достаточно медленъ, чтобы подходить къ привычкамъ на-

шего сознанія, — какъ, напримѣръ, въ низшихъ нотахъ гаммы,—не чувствуемъ ли мы, что воспринятое качество само собою разлагается на повторныя и послѣдовательныя колебанія, связанныя между собою внутренней непрерывностью? Сближенію обыкновенно мѣшаетъ привычка связывать движеніе съ элементами, — атомами и другими,— которые вставляютъ свою твердость между самимъ движеніемъ и качествомъ, въ которое оно сокращается. Такъ какъ нашъ ежедневный опытъ показываетъ намъ тѣла, которыя двигаются, намъ кажется, что для поддержанія элементарныхъ движеній, къ коимъ качества сводятся, потребны по крайней мѣрѣ тѣльца (корпускулы). Движеніе является тогда для нашего воображенія лишь случаемъ, рядомъ положеній, измѣненіемъ отношеній; и такъ какъ это законъ нашего представленія, что устойчивое смѣщаетъ неустойчивое, то главнымъ и центральнымъ элементомъ является для насъ атомъ, движеніе котораго только соединяетъ послѣдовательныя положенія. Но эта концепція неудобна не только тѣмъ, что поднимаетъ относительно атома всѣ трудности проблемы, уже вызванныя матеріей; ея ошибка не только въ томъ, что она приписываетъ абсолютную цѣнность этому раздѣленію матеріи, отвѣчающему, по видимости, главнымъ образомъ потребностямъ жизни; она дѣлаетъ еще непонятнымъ процессъ, которымъ мы разомъ охватываемъ въ воспріятіи и состояніе нашего сознанія и реальность, независимую отъ насъ. Такой смѣшанный характеръ нашего непосредственнаго воспріятія, такое осуществившееся, повидимому, противорѣчіе есть главный теоретическій доводъ, заставляющій насъ вѣрить во внѣшній міръ, не совпадающій абсолютно съ нашимъ воспріятіемъ; а такъ какъ доводъ этотъ оставляется безъ вниманія въ доктринѣ, считающей ощущеніе совершенно разнороднымъ съ движеніями, которыхъ

она является сознательнымъ выраженіемъ, то эта доктрина должна бы, казалось, ограничиться ощущеніями, изъ коихъ сдѣлала единственное данное, а не присоединять къ нимъ движеній, которыя, безъ возможности съ ними соприкасаться, являются безполезнымъ дубликатомъ. Такъ понимаемый реализмъ самъ себя разрушаетъ. Въ концѣ концовъ у насъ нѣтъ выбора: если наше вѣрованіе въ болѣе или менѣе однородный субстратъ чувственныхъ качествъ обосновано, то исключительно помощью акта, который позволилъ бы намъ уловить или угадать, въ самомъ качествѣ, нѣчто переходящее за наше ощущеніе, какъ будто ощущеніе это чревато подозрѣваемыми, но не воспринятыми подробностями. Его объективность, т. е. тотъ плюсъ, который въ немъ содержится сверхъ того, что оно даетъ, будетъ заключаться тогда, именно въ огромной множественности движеній, выполняемыхъ имъ какъ бы внутри своей куколки. Оно разливается, неподвижное, по поверхности, но оно живетъ и вибрируетъ въ глубинѣ.

На самомъ дѣлѣ, никто не представляетъ себѣ иначе отношенія количества къ качеству. Вѣрить въ реальности, отличныя отъ реальностей воспринятыхъ, это значитъ прежде всего признать, что порядокъ нашихъ воспріятій зависитъ не отъ насъ, а отъ нихъ. Стало быть, въ совокупности воспріятій занимающихъ данный моментъ, должна заключаться причина того, что произойдетъ въ послѣдующій моментъ; и механизмъ только точнѣе формулируетъ это вѣрованіе, утверждая, что состоянія матеріи могутъ выводиться одно изъ другого. Этотъ выводъ, правда, возможенъ только въ томъ случаѣ, если подъ кажущейся разнородностью чувственныхъ качествъ, можно открыть однородные и измѣримые элементы. Но, съ другой стороны, если эти элементы находятся внѣ качествъ, правильный порядокъ коихъ они должны объяснить, они уже для этого не пригодны,

потому что въ такомъ случаѣ качества присоединяются къ нимъ какимъ то чудомъ и соотвѣтствуютъ имъ лишь въ силу предустановленной гармоніи. Приходится, стало быть, помѣстить эти движенія в ъ эти качества, въ видѣ внутреннихъ колебаній, считать эти колебанія менѣе однородными и эти качества менѣе разнородными, чѣмъ они кажутся при поверхностномъ взглядѣ, и приписать разницу аспектовъ двухъ понятій, необходимости для этой, такъ сказать, неопредѣленной множественности, сокращаться въ дленіи слишкомъ сжатомъ для скандированія его моментовъ.

Остановимся на послѣднемъ пунктѣ, о которомъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, но который мы считаемъ существеннѣйшимъ. Дленіе, переживаемое нашимъ сознаніемъ, есть дленіе опредѣленнаго ритма, весьма отличное отъ времени, о которомъ говоритъ физикъ и которое можетъ накоплять, въ данномъ промежуткѣ, любое число явленій. Въ теченіи секунды, красный свѣтъ—его волны наиболѣе длинны и колебанія ихъ, слѣдовательно, менѣе часты,—совершаетъ 400 трилліоновъ послѣдовательныхъ колебаній. Хотите составить себѣ понятіе объ этомъ числѣ? Тогда надобно раздвинуть отдѣльныя колебанія настолько, чтобъ сознаніе наше могло ихъ считать или, по крайней мѣрѣ, отличать ихъ послѣдовательность и тогда высчитать сколько эта послѣдовательность займетъ дней, мѣсяцевъ, лѣтъ. Самый малый промежутокъ пустого времени, нами сознаваемый, равняется, по Exner'у двумъ тысячнымъ секунды, да и то еще сомнительно, что мы можемъ воспринять нѣсколько столь короткихъ промежутковъ подъ рядъ. Примемъ все же, что мы можемъ это дѣлать безконечно. Словомъ, вообразимъ, что какое-нибудь сознаніе присутствуетъ при проходѣ 400 трилліоновъ колебаній мгновенныхъ и отдѣленныхъ только двумя тысячными секунды, необходимыми для ихъ различенія. Весьма простое

вычисленіе покажетъ, что надобно болѣе 25,000 лѣтъ, чтобъ окончить эту операцію. Такимъ образомъ, ощущеніе краснаго свѣта, испытываемое нами въ теченіи секунды, само въ себѣ содержитъ послѣдовательность явленій, которыя, развернутыя въ нашемъ дленіи съ величайшей экономіей времени, заняли бы 250 вѣковъ нашей исторіи. Можно ли это понять? Здѣсь надо различать наше собственное дленіе и время вообще. Въ нашемъ дленіи, въ томъ, которое воспринимаетъ наше сознаніе, данный промежутокъ можетъ лишь вмѣщать ограниченное число сознаваемыхъ явленій. Представляемъ ли мы себѣ, что это содержимое увеличивается и, говоря о безконечно дѣлимомъ времени, думаемъ ли мы объ этомъ дленіи?

Пока дѣло идетъ о пространствѣ, можно продолжать дѣленіе сколько угодно; этимъ ничто не измѣняется въ природѣ того, что дѣлятъ. Это потому, что пространство, по опредѣленію, внѣ насъ, и потому, что часть пространства кажется намъ все же существующей, даже когда мы перестаемъ ею заниматься. Пусть мы оставляемъ его нераздѣленнымъ, мы знаемъ, что оно можетъ ждать и что новое усиліе воображенія разложитъ его въ свою очередь. Къ тому же, оно никогда не перестанетъ быть пространствомъ, оно всегда предполагаетъ сопоставленіе и, слѣдовательно, возможное раздѣленіе. Пространство въ основѣ есть, къ тому же, схема безконечной дѣлимости. Но совсѣмъ не то дленіе. Части нашего дленія совпадаютъ съ послѣдовательными моментами акта его раздѣляющаго; сколько мы въ немъ устанавливаемъ моментовъ, столько въ немъ содержится частей; и если наше сознаніе можетъ различить въ одномъ промежуткѣ только опредѣленное число элементарныхъ актовъ, если оно гдѣ либо останавливаетъ дѣленіе,—тамъ дѣлимость и останавливается. Напрасно воображеніе наше силится пойти дальше, дѣлить

въ свою очередь послѣднія части и усиливать, въ нѣкоторомъ родѣ, круговоротъ нашихъ внутреннихъ явленій: усиліе продолжать дальше подраздѣленіе нашего дленія настолько же удлинитъ его. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что милліоны явленій слѣдуютъ другъ за другомъ, въ то время, какъ мы едва насчитываемъ нѣсколько. Говоритъ намъ это не одна физика; грубый опытъ чувствъ уже позволяетъ намъ это угадывать; мы предчувствуемъ въ природѣ послѣдовательности гораздо болѣе быстрыя, чѣмъ наши внутреннія состоянія. Какъ ихъ представить себѣ, и каково это дленіе, вмѣстимость котораго переходитъ за предѣлы всякаго воображенія?

Это безъ сомнѣнія, не наше дленіе; но это и не то безличное и однородное время, одинаковое для всего и для всѣхъ, которое протекало бы, безразличное и пустое, внѣ того, что̀ длится. Такъ называемое однородное время, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, есть идолъ слова, фикція, происхожденіе которой легко открыть. Въ дѣйствительности нѣтъ единаго ритма дленія; можно вообразить себѣ много различныхъ ритмовъ, которыя, болѣе медленные или болѣе быстрые, измѣряли бы степень напряженія или ослабленія сознаній и тѣмъ опредѣляли бы ихъ соотвѣтственныя мѣста въ ряду существъ. Это представленіе дленія неравной упругости, можетъ быть, тягостно для нашего ума, который пріобрѣлъ полезную привычку подставлять вмѣсто истиннаго дленія, переживаемого сознаніемъ, однородное и независимое время; но, во первыхъ, легко, какъ мы уже показали, разоблачить иллюзію, дѣлающую подобное представленіе тягостнымъ, и во вторыхъ эта идея имѣетъ, въ сущности, за себя и молчаливое согласіе нашего сознанія. Не случается ли намъ видѣть въ насъ самихъ, во время сна, двухъ отдѣльныхъ людей, живущихъ одновременно, изъ которыхъ

одинъ спитъ нѣсколько минутъ, въ то время какъ сновидѣніе другого занимаетъ дни и недѣли? И развѣ вся исторія цѣликомъ не заключалась бы въ очень короткомъ времени для сознанія болѣе напряженнаго, чѣмъ наше, которое присутствовало бы при развитіи человѣчества, такъ сказать, сжимая его въ крупные фазисы его эволюціи? Въ общемъ воспринимать, значитъ сгущать огромные періоды, безконечно растянутаго существованія въ нѣсколько дифференцированныхъ моментовъ болѣе интенсивной жизни, резюмируя, такимъ образомъ, очень длинную исторію. Воспринимать—значитъ иммобилизировать.

Это значитъ, что въ актѣ воспріятія, мы улавливаемъ нѣчто, что переходитъ за само воспріятіе, хотя матеріальная вселенная при этомъ существенно не отличается отъ нашего о ней представленія. Въ одномъ смыслѣ, мое воспріятіе внутри меня, потому что оно сокращаетъ въ единый моментъ моего дленія то, что, само въ себѣ, распространилось бы на неисчислимое число моментовъ. Но уничтожьте мое сознаніе, матеріальная вселенная останется такой, какой была: только, разъ откинутъ тотъ особый ритмъ дленія, который былъ условіемъ моего дѣйствія на вещи, эти вещи войдутъ сами въ себя, чтобъ скандироваться въ столькихъ моментахъ, сколько ихъ различаетъ наука, а чувственныя качества, не исчезая, распространятся и расплывутся въ дленіи, несравненно болѣе подраздѣленномъ. Матерія сводится, такимъ образомъ, къ безчисленнымъ колебаніямъ, соединеннымъ въ непрерывной слитности, солидарнымъ между собою и разбѣгающимся дрожью по всѣмъ направленіямъ. Словомъ, соедините между собою прерывистые предметы вашего повседневнаго опыта; сведите затѣмъ неподвижную непрерывность ихъ качествъ къ колебаніямъ на мѣстѣ; сосредоточтесь на этихъ движеніяхъ, освободясь отъ дѣ-

лимаго пространства, подведеннаго подъ нихъ, и оставивъ за ними одну подвижность, этотъ нераздѣльный актъ, который улавливаетъ ваше сознаніе въ движеніяхъ, вами самими совершаемыхъ: вы получите видѣніе матеріи, утомительное, можетъ быть, для вашего воображенія, но чистое, освобожденное отъ того, что потребности жизни заставляютъ васъ прибавлять къ внѣшнему воспріятію.— Возстановите теперь мое сознаніе, а съ нимъ и требованія жизни: то здѣсь, то тамъ, перескакивая всякій разъ чрезъ огромныя періоды внутренней исторіи вещей, будутъ сняты почти мгновенные виды,—виды на этотъ разъ живописные, болѣе рѣзкія краски которыхъ сгущаетъ безконечность повтореній и элементарныхъ измѣненій. Такъ тысячи послѣдовательныхъ положеній бѣгуна сокращаются въ одно символическое положеніе, воспринимаемое нашимъ глазомъ, воспроизводимое искусствомъ и которое становится для всѣхъ изображеніемъ бѣгущаго человѣка. Когда мы время отъ времени бросаемъ взглядъ вокругъ, онъ улавливаетъ только слѣдствія множества повтореній и внутреннихъ зволюцій, слѣдствій поэтому прерывистыхъ; непрерывность ихъ мы возстановляемъ относительными движеніями, которыя мы приписываемъ „предметамъ“ въ пространствѣ. Измѣненіе всюду, но оно глубоко; мы же локализируемъ его тамъ и сямъ на поверхности; и такъ мы образуемъ тѣла одновременно стойкія по качествамъ и подвижныя по положеніямъ, причемъ простая перемѣна мѣста сосредоточиваетъ въ себѣ, въ нашихъ глазахъ, всемірное превращеніе.

Неоспоримо, что въ нѣкоторомъ смыслѣ есть множество предметовъ,—человѣкъ отличается отъ человѣка, дерево отъ дерева, камень отъ камня, такъ какъ каждое изъ этихъ существъ, каждая изъ этихъ вещей имѣетъ характерныя особенности и подчиняется опредѣленному закону

эволюціи. Но раздѣленіе между вещью и тѣмъ, что ее окружаетъ, не можетъ быть рѣзко проведено; нечувствительными ступенями переходятъ отъ одного къ другому: тѣсная солидарность, связующая всѣ предметы матеріальнаго міра, непрестанность ихъ взаимодѣйствій и реакцій, доказываютъ, что они не имѣютъ тѣхъ точныхъ границъ, которыя мы имъ приписываемъ. Наше воспріятіе рисуетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, форму ихъ осадка; оно заканчиваетъ ихъ въ той точкѣ, гдѣ останавливается наше возможное дѣйствіе на нихъ и гдѣ, слѣдовательно, они перестаютъ касаться нашихъ потребностей. Такова первая и наиболѣе очевидная операція воспринимающаго ума: онъ чертитъ дѣленія въ безпрерывности протяженія, просто подчиняясь внушеніямъ потребности и необходимостямъ практической жизни. Но чтобъ такимъ образомъ подраздѣлять реальное, мы должны предварительно увѣриться, что реальное произвольно дѣлимо. Мы должны, слѣдовательно, натянуть подъ непрерывностью чувственныхъ качествъ, что и есть конкретная протяженность, сѣть съ петлями безконечно измѣнчивыми и безконечно уменьшающимися: этотъ субстратъ просто понимаемый, эта совершенно идейная схема произвольной и безконечной дѣлимости есть однородное пространство.—Теперь, въ то время какъ наше актуальное и, такъ сказать, мгновенное воспріятіе производитъ это дѣленіе матеріи на независимые предметы, память наша уплотняетъ въ чувственныя качества безпрерывный потокъ вещей. Она продолжаетъ прошлое въ настоящемъ, потому что наше дѣйствіе будетъ располагать будущимъ въ той самой мѣрѣ, въ какой наше воспріятіе, увеличенное памятью, сожметъ прошлое. Отвѣчать на испытанное дѣйствіе немедленной реакціей, которая принимаетъ тотъ же ритмъ и продолжается въ томъ же дленіи, быть въ настоящемъ и въ настоящемъ безостановочно возобновляющемся, — вотъ основной законъ мате-

ріи! въ этомъ состоитъ необходимость. Если есть свободныя дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, частью непредопредѣленныя, то они могутъ принадлежать только существамъ, способнымъ предвидѣть отдѣльные моменты будущаго, съ которымъ встрѣтится ихъ будущее, закрѣплять его въ отдѣльные моменты, сгущать такимъ образомъ матерію и, усвояя ее, преобразовывать ее въ движенія реакціи, которыя пройдутъ сквозь петли естественной необходимости. Большее или меньшее напряженіе ихъ дленія, которое, въ сущности, выражаетъ большую или меньшую интенсивность жизни, опредѣляетъ, такимъ образомъ, и силу сосредоточенія ихъ воспріятій и степень ихъ свободы. Независимость ихъ воздѣйствія на окружающую матерію утверждается по мѣрѣ того, какъ они освобождаются отъ ритма, въ которомъ протекаетъ эта матерія. Такъ что чувственныя качества, какими они появляются въ нашемъ воспріятіи, удвоенномъ памятью, суть именно послѣдовательные моменты, полученные закрѣпленіемъ реальнаго. Но чтобъ отличать эти моменты, а также, чтобъ связать ихъ нитью, общею и нашему бытію и бытію вещей, намъ приходится вообразить абстрактную схему послѣдовательности вообще, среду однородную и безразличную, которая была бы въ отношеніи потока матеріи, въ направленіи длины, тѣмъ, чѣмъ есть пространство въ направленіи ширины: въ этомъ состоитъ однородное время. Стало быть однородное пространство и однородное время не суть ни свойства вещей, ни существенныя условія нашей способности ихъ познавать: они выражаютъ, въ абстрактной формѣ, двойную работу отверденія и дѣленія, которымъ мы подвергаемъ подвижную непрерывность реальнаго, чтобы обезпечить себѣ въ ней точки опоры, чтобы намѣтить центры дѣйствія, чтобы ввести въ нее настоящія измѣненія; это схемы нашего дѣйствія на матерію. Первая ошибка, состоящая въ томъ,

*

чтобы сдѣлать изъ этого однороднаго времени и пространства свойства вещей, ведетъ къ непреодолимымъ трудностямъ метафизическаго догматизма,— механизма или динамизма. Динамизмъ возводитъ въ абсолюты послѣдовательныя сѣченія, которыя мы дѣлаемъ вдоль текущей вселенной, и потомъ тщетно старается связать ихъ между собою родомъ качественной дедукціи; механизмъ беретъ, въ какомъ-нибудь одномъ сѣченіи, дѣленія произведенныя въ ширину, т. е. мгновенныя различія величины и положенія, столь же тщетно силясь породить, при помощи этихъ различій, послѣдовательность чувственныхъ качествъ. Желаютъ ли принять иную гипотезу? признать съ Кантомъ, что пространство и время формы нашей чувственности? Тогда приходится объявить и матерію и духъ одинаково непознаваемыми. Но если сравнить обѣ гипотезы, видно, что у нихъ общая основа: дѣлая изъ однороднаго времени и однороднаго пространства созерцаемыя реальности или формы созерцанія, обѣ онѣ приписываютъ времени и пространству скорѣе спекулятивный, нежели жизненный интересъ. А тогда между метафизическимъ догматизмомъ съ одной стороны и критической философіей съ другой, есть мѣсто для доктрины, которая смотритъ на однородное время и пространство какъ на принципы дѣленія и отверденія, введенные въ реальное въ виду дѣйствія, а не познанія; эта доктрина приписываетъ вещамъ реальное дленіе и реальную протяженность и усматриваетъ, наконецъ, первоначало всѣхъ трудностей уже не въ этомъ дленіи и не въ этомъ протяженіи, дѣйствительно принадлежащимъ вещамъ и непосредственно обнаруживающимся нашему духу, но въ однородномъ времени и пространствѣ, которыя мы натягиваемъ подъ ними, чтобъ дѣлить непрерывное, опредѣлять осуществленія и давать нашей дѣятельности точки опоры.

Но ошибочныя понятія чувственнаго качества и пространства такъ глубоко вкоренились въ умъ, что надо оспаривать ихъ съ возможно большаго числа точекъ зрѣнія заразъ. Скажемъ еще, чтобъ представить ихъ въ новомъ аспектѣ, что они предполагаютъ двойной постулатъ, принимаемый и реализмомъ и идеализмомъ: 1. между различными родами качествъ нѣтъ ничего общаго; 2. нѣтъ также ничего общаго между протяженіемъ и чистымъ качествомъ. Мы же, напротивъ, полагаемъ, что есть нѣчто общее между качествами разныхъ родовъ, что они всѣ причастны въ разной степени протяженію и что эти двѣ истины нельзя упускать изъ виду, не затрудняя тысячами трудностей метафизику матеріи, психологію воспріятія и, въ болѣе общемъ смыслѣ, вопросъ объ отношеніяхъ сознанія къ матеріи. Не настаивая на этихъ послѣдствіяхъ, ограничимся тѣмъ, что обнаружимъ два оспариваемые нами постулата, въ основѣ различныхъ теорій матеріи, и прослѣдимъ иллюзію, отъ которой они происходятъ.

Сущность англійскаго идеализма въ томъ, что онъ считаетъ протяженіе свойствомъ осязательныхъ воспріятій. Такъ какъ чувственныя качества онъ разсматриваетъ только какъ ощущенія, а самыя ощущенія какъ состоянія души, то въ различныхъ качествахъ онъ не находитъ ничего, что обосновало бы параллелизмъ ихъ явленій: ему по необходимости приходится объяснять этотъ параллелизмъ привычкой, вслѣдствіе которой актуальныя зрительныя воспріятія, напримѣръ, внушаютъ намъ возможныя воспріятія осязанія. Если впечатлѣнія двухъ различныхъ чувствъ сходны не болѣе, чѣмъ два слова различныхъ языковъ, тщетно было бы и стараться вывести данныя одного изъ данныхъ другого; у нихъ нѣтъ общихъ элементовъ. И слѣдовательно, такъ же нѣтъ ничего общаго между протяженіемъ, которое всегда осязательно, и данными другихъ чувствъ, которыя никоимъ образомъ не протяженны.

Но въ свою очередь атомистическій реализмъ, который помѣщаетъ движенія въ пространство, а ощущенія въ сознаніе, не можетъ открыть ничего общаго между этими явленіями протяженія и ощущеніями имъ отвѣчающими. Эти ощущенія словно исходятъ изъ этихъ явленій, какъ родъ фосфоресценціи, или они какъ бы переводятъ на языкъ души проявленія матеріи; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они не отражаютъ образа ихъ причинъ. Конечно всѣ они исходятъ изъ общаго первоначала,—изъ движенія въ пространствѣ; но именно потому, что они развиваются внѣ пространства, они отказываются, поскольку они ощущенія, отъ сродства, соединявшаго ихъ причины. Разрывая связь съ пространствомъ, они разрываютъ и связь между собой, и не причастны ни другъ другу, ни протяженію.

Стало быть, тутъ идеализмъ и реализмъ отличаются только въ томъ, что первый отодвигаетъ протяженіе до осязательнаго воспріятія, исключительнымъ свойствомъ котораго оно становится, а второй—отталкиваетъ протяженіе еще дальше, за предѣлы всякаго воспріятія. Но обѣ доктрины согласны въ утвержденіи прерывности различныхъ родовъ чувственныхъ качествъ, а также и рѣзкаго перехода того, что есть чисто протяженное, въ то, что ни въ какомъ смыслѣ не протяженно. Главныя трудности, которыя обѣ эти доктрины встрѣчаютъ въ теоріи воспріятія, выходятъ изъ этого общаго постулата.

Желаютъ ли, съ Берклеемъ, чтобы всякое воспріятіе протяженія относилось къ осязанію? Можно, пожалуй, отказать въ протяженіи даннымъ слуха, обонянія и вкуса; но придется, по крайней мѣрѣ, объяснить генезисъ зрительнаго пространства, соотвѣтствующаго пространству осязательному. Правда, ссылаются на то, что зрѣніе становится символичнымъ осязанію и что въ зрительномъ воспріятіи

отношеній пространства нѣтъ ничего, кромѣ внушенія осязательныхъ воспріятій. Но намъ трудно понять, какъ, напримѣръ, зрительное воспріятіе выпуклости, воспріятіе производящее на насъ впечатлѣніе sui generis,—къ тому же неописуемое,—совпадаетъ съ простымъ воспоминаніемъ ощущенія осязанія. Ассоціація воспоминанія съ наличнымъ воспріятіемъ можетъ осложнить это воспріятіе, обогативъ его уже извѣстнымъ элементомъ, но не можетъ создать новаго рода впечатлѣнія, новаго качества воспріятія: между тѣмъ зрительное воспріятіе выпуклости представляетъ совершенно оригинальный характеръ. Можно ли получить иллюзію выпуклости отъ плоской поверхности? Отсюда можно бы было заключить, что поверхность, на которой игра свѣта и тѣней выпуклаго предмета хорошо изображены, можетъ напомнить намъ выпуклость; но чтобъ выпуклость можно было вспомнить, надобно еще, что бы она прежде того дѣйствительно была воспринята. Мы уже говорили, (не лишне еще разъ повторить это): наши теоріи воспріятія совершенно искажены мыслью, что если нѣкая комбинація производитъ, въ данный моментъ, иллюзію какого-нибудь воспріятія, то она всегда достаточна для произведенія того же воспріятія; — какъ будто роль памяти не состоитъ именно въ томъ, чтобъ сохранять сложность слѣдствія, послѣ упрощенія причины. Скажутъ ли намъ, что сама сѣтчатка плоская поверхность, и что если мы зрѣніемъ воспринимаеъ нѣчто протяженное, то это во всякомъ случаѣ только образъ на сѣтчаткѣ? Но развѣ не вѣрно, какъ мы показали въ началѣ этой книги, что въ зрительномъ воспріятіи предмета мозгъ, нервы, сѣтчатка и самъ предметъ составляютъ одно солидарное цѣлое, непрерывный процессъ, гдѣ образъ сѣтчатки составляетъ только эпизодъ: по какому праву можно отдѣлять этотъ образъ и сосредоточивать въ немъ все вос-

пріятіе? Затѣмъ, мы также показали это въ другомъ мѣстѣ [1]), можетъ ли поверхность быть воспринята какъ поверхность, иначе, какъ въ пространствѣ, при возстановленіи его трехъ измѣреній? Берклей шелъ, по крайней мѣрѣ, до конца своего положенія: онъ отрицалъ въ зрѣніи всякое воспріятіе протяженія. Но наши возраженія тогда пріобрѣтаютъ новую силу, такъ какъ непонятно, какъ, простой ассоціаціей воспоминаній, можетъ создаться то, что есть оригинальнаго въ нашихъ зрительныхъ воспріятіяхъ линіи, поверхности и объема, воспріятіяхъ столь ясныхъ, что математикъ ими довольствуется и обыкновенно разсуждаетъ надъ пространствомъ чисто зрительнымъ. Но не будемъ настаивать на этихъ пунктахъ, точно также, какъ на спорныхъ аргументахъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ слѣпыми, подвергнутыми операціи: классическая, послѣ Берклея, теорія пріобрѣтенныхъ зрительныхъ воспріятій, повидимому не можетъ устоять противъ многочисленныхъ нападокъ на нее современной психологіи [2]). Оставляя въ сторонѣ трудности психологической стороны вопроса, ограничимся указаніемъ одного пункта, для насъ существеннаго. Представимъ себѣ, на одну минуту, что зрѣніе изначально не даетъ намъ свѣдѣній ни о какихъ пространственныхъ отношеніяхъ. Зрительная форма, зрительная выпуклость, зрительное разстояніе становятся тогда символами осязательныхъ воспріятій. Но намъ должны объяснить, какъ этотъ сим-

---

[1]) Essai sur les données immédiates de la conscience, Paris, 1889, стр. 77 и 78. А. Бергсонъ. „Время и свобода воли“ пер. С. Гессена. Москва 1910.

[2]) См. по этому вспросу: Paul Janet, La perception visuelle de la distance, Revue philosophique, 1879, t. VII, стр. 1 и слѣд.—William James, Principles of Psychology t. II, chap. XXII.—См. по вопросу о зрительной перцепціи протяженія: Dunan, L'espace visuelle et l'espace tactile (Revue philosophique, февраль и апрѣль 1888, январь 1889).

волизмъ удается. Вотъ предметы, которые измѣняются въ формѣ и двигаются. Зрѣніе констатируетъ опредѣленныя измѣненія, которыя затѣмъ провѣряются осязаніемъ. Въ этихъ двухъ серіяхъ, зрительной и осязательной, или въ ихъ причинахъ, есть значитъ нѣчто, что заставляетъ ихъ соотвѣтствовать другъ другу и что обезпечиваетъ постоянство этого параллелизма. Въ чемъ принципъ этой связи.

Для англійскаго идеализма это можетъ быть только въ какой-то deus ex machina и мы возвращаемся къ тайнѣ. Для вульгарнаго реализма принциъ соотношенія ощущеній между собой находится въ пространствѣ отличномъ отъ ощущеній; но доктрина эта только отодвигаетъ трудность и даже увеличиваетъ ее, ибо надо, чтобы она сказала намъ, какъ система однородныхъ движеній въ пространствѣ вызываетъ различныя ощущенія, не имѣющія между собою никакого соотношенія. Мы только что видѣли, что генезисъ зрительнаго воспріятія пространства изъ простой ассоціаціи образовъ, какъ бы предполагалъ настоящее твореніе ex nihilo; здѣсь всѣ ощущенія рождаются изъ ничего или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ движенію ихъ производящему. Въ сущности, вторая теорія гораздо менѣе отличается отъ первой, чѣмъ это думаютъ. Аморфное пространство, атомы отталкивающіеся и сталкивающіеся,—не что иное какъ объективированныя осязательныя воспріятія, отдѣленныя отъ другихъ воспріятій въ силу исключительной важности, имъ приданной и возведенныя въ независимыя реальности, для отличенія ихъ отъ другихъ ощущеній, которыя становятся ихъ символами. Къ тому же, при этомъ ихъ лишили части ихъ содержимаго; сведя всѣ чувства на осязаніе, отъ самаго осязанія сохранили только абстрактную схему осязательнаго воспріятія, чтобы изъ этой схемы построить внѣшній міръ. Можно ли удивляться, что между

этой абстракціей съ одной стороны, и ощущеніями съ другой, уже не находятъ болѣе возможнаго сообщенія? Истина въ томъ, что пространство и не въ насъ, и не внѣ насъ и что оно не принадлежитъ къ привиллегированной группѣ ощущеній. Всѣ ощущенія причастны протяженію; всѣ пускаютъ въ протяженіе болѣе или менѣе глубокіе корни, и трудности вульгарнаго реализма лежатъ въ томъ, что разъ сходство между ощущеніями извлечено и отложено въ сторону въ видѣ безконечнаго и пустого пространства, мы уже не видимъ ни причастности этихъ ощущеній къ протяженію, ни ихъ соотвѣтствія между собою.

Мысль, что наши ощущенія до нѣкоторой степени экстенсивны, все болѣе и болѣе проникаетъ современную психологію. Утверждаютъ, не безъ видимаго основанія [1]), что нѣтъ ощущенія безъ „экстенсивности“ или безъ „чувства объема“ [2]). Англійскій идеализмъ хотѣлъ оставить за осязательнымъ воспрятіемъ монополію протяженія, причемъ другія ощущенія дѣйствовали бы въ пространствѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они напоминаютъ данныя осязанія. Наоборотъ, болѣе внимательная психологія обнаруживаетъ передъ нами —и обнаружитъ еще больше, безъ сомнѣнія— необходимость принимать, что всѣ ощущенія изначально растяженны, но что протяженность ихъ блѣднѣетъ и

---

[1]) Ward, статья Psychology, въ Encyclop. Britannica.

[2]) W. James, Principles of Psychology, t. II, стр. 134 и слѣд. — Замѣтимъ мимоходомъ, что мнѣніе это можно было бы, пожалуй приписать Канту, потому что въ трансцендентальной эстетикѣ онъ не дѣлаетъ различія между данными разныхъ чувствъ касательно ихъ распространенія въ пространствѣ. Но не надо забывать, что точка зрѣнія критики иная, чѣмъ точка зрѣнія психологіи, и что для ея предмета достаточно, если всѣ наши ощущенія заканчиваются локализаціей въ пространствѣ, когда воспріятіе достигло своей окончательной формы.

сглаживается передъ интенсивностью и высшей полезностью осязательнаго протяженія и также, безъ сомнѣнія, протяженностью зрительной.

Понятое такимъ образомъ, пространство есть дѣйствительно символъ стойкости и дѣлимости до безконечности. Конкретное протяженіе, т. е. разнообразіе чувственныхъ качествъ, не въ пространствѣ; мы помѣщаемъ пространство въ конкретное протяженіе. Оно не есть опора, на которую накладывается реальное движеніе; наоборотъ реальное движеніе отлагаетъ его подъ собою. Но воображеніе наше, занятое прежде всего удобствомъ выраженія и требованіями матеріальной жизни, предпочитаетъ опрокинуть естественный порядокъ членовъ.—Привыкшее искать точки опоры въ мірѣ образовъ готовыхъ, неподвижныхъ, кажущаяся стойкость которыхъ отражаетъ въ особенности неизмѣнность нашихъ низшихъ потребностей, оно не можетъ не вѣрить, что покой, предшествуетъ подвижности, не можетъ не принимать его за точку отправленія; не можетъ не помѣститься въ немъ и не видѣть, наконецъ, въ движеніи только измѣненіе разстоянія, при чемъ пространство предшествуетъ движенію. Тогда, въ однородномъ и безконечно дѣлимомъ пространствѣ, оно начертитъ траекторію и установитъ положенія: затѣмъ, приложивъ движеніе къ траекторіи, оно захочетъ, чтобы движеніе было такъ же дѣлимо какъ эта линія и, какъ она, лишено качествъ. Удивительно ли послѣ этого, что нашъ разумъ, работая отнынѣ по этой идеѣ, обратной дѣйствительности, не находитъ въ ней ничего кромѣ противорѣчій? Пріурочивъ движенія къ пространству, ихъ находятъ столь же однородными какъ пространство; а такъ какъ между ними хотятъ видѣть только измѣримыя различія направленія и скорости, то всякое соотношеніе между движеніемъ и качествомъ уничтожается. Тогда

остается только заключить движеніе въ пространство, качества въ сознаніе, и установить между этими двумя параллельными серіями, по гипотезѣ не способными никогда сойтись, таинственное соотвѣтствіе. Отброшенное въ сознаніе чувственное качество становится безсильнымъ снова овладѣть протяженіемъ. Помѣщенное въ пространствѣ,—въ пространствѣ абстрактномъ, гдѣ всегда есть только одно мгновеніе и гдѣ все всегда вновь начинается—движеніе отказывается отъ солидарности настоящаго съ прошлымъ, составляющей самую его сущность. И такъ какъ эти два аспекта воспріятія, качество и движеніе, одинаково затемняются, то явленіе воспріятія, гдѣ замкнутое въ самомъ себѣ и чуждое пространству сознаніе передаетъ, что происходитъ въ пространствѣ, становится совершенной тайной.—Отстранимъ, напротивъ, всякую предвзятую идею объясненія или мѣры, станемъ лицомъ къ лицу съ непосредственной реальностью: мы больше не находимъ непреодолимаго разстоянія, не находимъ существенной разницы, не находимъ даже настоящаго различія между воспріятіемъ и воспринимаемой вещью, между качествомъ и движеніемъ.

Мы возвращаемся, такимъ образомъ, длиннымъ обходомъ къ заключеніямъ, къ которымъ пришли въ первой главѣ этой книги. Наше воспріятіе, говорили мы, находится, скорѣе въ вещахъ, чѣмъ въ духѣ, скорѣе внѣ насъ, чѣмъ въ насъ. Воспріятія различнаго рода намѣчаютъ различныя направленія реальности. Но это воспріятіе, совпадающее со своимъ объектомъ прибавляли мы, существуетъ скорѣе de jure, чѣмъ de facto: оно происходитъ во мгновенномъ. Въ конкретное воспріятіе вступаетъ память, и субъективность чувственныхъ качествъ зависитъ отъ того, что наше сознаніе, которое въ началѣ только память, продолжаетъ одни въ другіе множество моментовъ, чтобъ сократить ихъ въ единой интуиціи.

Сознаніе и матерія, душа и тѣло, приходятъ такимъ образомъ въ соприкосновеніе въ воспріятіи. Но мысль эта оставалась темной нѣкоторыми своими сторонами, потому что, въ такомъ случаѣ, наше воспріятіе, а слѣдовательно и сознаніе наше, должны бы обладать свойствомъ дѣлимости, приписываемымъ матеріи. Въ дуалистической гипотезѣ для насъ естественно непріемлемо частичное совпаденіе воспринятаго объекта и воспринимающаго субъекта, потому что мы сознаемъ нераздѣльное единство нашего воспріятія, тогда какъ объектъ кажется намъ, по своей сущности, безконечно дѣлимымъ. Отсюда гипотеза сознанія съ не экстенсивными ощущеніями, обращеннаго къ протяженной множественности. Но если дѣлимость матеріи стоитъ въ зависимости только отъ нашего дѣйствія на нее, т. е. отъ нашей способности измѣнять ея аспектъ, если она принадлежитъ не самой матеріи, а пространству, которое мы подводимъ подъ эту матерію, чтобъ сдѣлать ея доступной нашему дѣйствію, тогда трудность исчезаетъ. Протяженная матерія, разсматриваемая въ ея цѣломъ, подобна сознанію, гдѣ все уравновѣшено, компенсировано и нейтрализовано; она дѣйствительно обнаруживаетъ недѣлимость нашего воспріятія; такъ что обратно, мы смѣло можемъ приписать воспріятію нѣчто отъ протяженности матеріи. Эти два выраженія, воспріятіе и матерія, идутъ другъ другу на встрѣчу, по мѣрѣ нашего освобожденія отъ того, что можно назвать предразсудкомъ дѣйствія: ощущеніе пріобрѣтаетъ вновь экстенсивность, конкретное протяженіе снова овладѣваетъ своей естественной непрерывностью и недѣлимостью. А однородное пространство, высившееся между этими двумя выраженіями какъ несокрушимая преграда, не имѣетъ иной реальности, кромѣ реальности схемы или символа. Оно касается поступковъ существа дѣйствующаго на матерію, но не работы ума, спекулирующаго надъ ея сущностью.

Этимъ же уясняется, въ нѣкоторой мѣрѣ, вопросъ, къ которому сводятся всѣ наши изслѣдованія, вопросъ соединенія души и тѣла. Неясность этой проблемы, въ дуалистической гипотезѣ, исходитъ изъ взгляда на матерію, какъ на дѣлимое по существу и на всякое состояніе души какъ на строго неэкстенсивное, такъ что съ самаго начала пресѣкаютъ сообщеніе между этими двумя выраженіями. Углубляя этотъ двойной постулатъ, въ немъ открываютъ, въ отношеніи матеріи, смѣшеніе конкретной и недѣлимой протяженности съ дѣлимымъ пространствомъ подъ ней подведеннымъ, а въ отношеніи духа, ошибочную мысль, что нѣтъ степеней, нѣтъ возможнаго перехода отъ протяженнаго къ непротяженному. Но если эти два постулата заключаютъ въ себѣ общую ошибку; если есть постепенный переходъ отъ идеи къ образу и отъ образа къ ощущенію; если по мѣрѣ того, какъ душевное состояніе двигается такимъ путемъ къ актуальности, т. е. къ дѣйствію, оно все болѣе приближается къ экстенсивности; если, наконецъ, эта экстенсивность, разъ достигнутая, остается недѣлимой и тѣмъ ничуть не нарушаетъ единства души, то становится понятнымъ, что духъ можетъ приложиться къ матеріи въ актѣ чистаго воспріятія, слѣдовательно соединяться съ нею, и все таки радикально отъ нея отличаться. Онъ отличается отъ нея тѣмъ, что даже тогда онъ есть п а м я т ь, т. е. синтезъ прошлаго и настоящаго въ виду будущаго, тѣмъ, что онъ сдвигаетъ моменты этой матеріи, чтобъ пользоваться ею и проявляться, въ д ѣ й с т в і я х ъ, въ чемъ настоящая цѣль его соединенія съ тѣломъ. Мы были, стало быть, правы, говоря въ началѣ этой книги, что различіе между тѣломъ и духомъ не должно установляться функціей пространства, но функціей времени.

Ошибка вульгарнаго дуализма въ томъ, что онъ становится на точку зрѣнія пространства, помѣщаетъ съ одной

стороны матерію съ ея измѣненіями въ пространство, съ другой неэкстнсивныя ощущенія въ сознаніе. Отсюда невозможность понять, какъ духъ дѣйствуетъ на тѣло или какъ тѣло дѣйствуетъ на духъ. Отсюда гипотезы, которыя суть ничто иное, и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только замаскированнымъ констатированіемъ факта,—идея параллелизма или предустановленной гармоніи. Но отсюда также проистекаетъ невозможность установить психологію памяти, и метафизику матеріи. Мы пытались доказать, что эта психологія и эта метафизика солидарны и что трудности сглаживаются въ дуализмѣ, который, исходя изъ чистаго воспріятія, гдѣ субъектъ и объектъ совпадаютъ, помѣщаетъ развитіе этихъ двухъ выраженій въ соотвѣтствующія имъ дленія, — матерія, по мѣрѣ углубленія ея анализа, приближается къ тому, чтобъ обратиться въ послѣдовательность безконечно быстрыхъ моментовъ, которые выводятся одинъ изъ другого и тѣмъ становятся равнозначными;—духъ, будучи памятью уже въ воспріятіи, все болѣе утверждается, какъ продолженіе прошлаго въ настоящемъ, какъ прогрессированіе, какъ настоящая эволюція.

Но становится ли яснѣе соотношеніе тѣла съ духомъ? Пространственное различіе мы замѣняемъ различіемъ временнымъ: но могутъ ли оттого легче соединиться эти два выраженія? Надобно замѣтить, что первое различіе не допускаетъ степеней: матерія въ пространствѣ, духъ внѣ пространства,—между ними нѣтъ возможнаго перехода. Наоборотъ, если самая низменная роль духа въ томъ, чтобы связывать послѣдовательные моменты длительности вещей, если въ этомъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ матеріей и этимъ же, сначала, отъ матеріи отличается, тогда мыслима безконечность ступеней между матеріей и духомъ въ полномъ своемъ развитіи, духомъ, способнымъ не только на непредопредѣленныя дѣйствія, но и на дѣйствія

разумныя и обдуманныя. Каждая изъ этихъ послѣдовательныхъ ступеней, измѣряющихъ растущую интенсивность жизни, отвѣчаетъ болѣе высокому напряженію дленія, выражается наружу бо́льшимъ различіемъ чувственно-двигательной системы. Увеличивающаяся сложность нервной системы укажетъ, повидимому, на возможность все большаго простора для дѣятельности живого существа, способность ждать, прежде чѣмъ реагировать, ставить полученное раздраженіе въ соотвѣтствіе съ ростущимъ богатствомъ двигательныхъ механизмовъ. Но это только внѣшность; болѣе сложная организація нервной системы, которая повидимому обазпечиваетъ живому существу бо́льшую независимость отъ матеріи, только матеріально символизируетъ самую эту независимость, т. е. внутреннюю силу, позволяющую существу освобождаться отъ ритма потока вещей, все лучше и лучше удерживать прошедшее, чтобы все глубже вліять на будущее, — то есть, его память, въ томъ особомъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову. Такимъ образомъ, между матеріей и духомъ, наиболѣе способнымъ къ размышленію, существуютъ всѣ возможныя интенсивности памяти или, что то же самое, всѣ степени свободы. Въ первой гипотезѣ, той, которая выражаетъ различіе между духомъ и тѣломъ въ понятіяхъ пространства, тѣло и духъ уподобляются двумъ рельсовымъ путямъ, пересѣкающимся подъ прямымъ угломъ; согласно второй—рельсы проложены по кривой, такъ что можно незамѣтно перейти съ одного пути на другой.

Но не есть ли это только образъ? Не останется ли, все же, рѣзкой разницы несовмѣстимаго противоположенія между матеріей въ собственномъ смыслѣ слова и самой низкой степенью свободы или памяти? Да, конечно, различіе остается, но соединеніе становится возможнымъ, ибо оно дается, въ радикальной формѣ частичнаго совпа-

денія въ чистомъ воспріятіи. Трудности вульгарнаго дуализма происходятъ не отъ того, что эти два члена различаются, а отъ того, что не видно, какъ одно изъ нихъ прививается къ другому. Мы показали, что чистое воспріятіе, которое есть низшая степень духа,—духъ безъ памяти—дѣйствительно составляетъ часть матеріи, какъ мы ее понимаемъ. Пойдемъ дальше: память вступаетъ не какъ функція, для матеріи совершенно чуждая и которой она не подражала бы на свой ладъ. Если матерія не помнитъ прошлаго, то только потому что, она безпрерывно повторяетъ прошлое, потому, что подчиненная необходимости, она развертываетъ рядъ моментовъ, изъ которыхъ каждый равнозначенъ предыдущему и можетъ изъ него выводиться: такъ, ея прошедшее дѣйствительно дано въ ея настоящемъ. Но существо, которое болѣе или менѣе свободно эволюируетъ, создаетъ въ каждый моментъ нѣчто новое: поэтому безполезно было бы искать его прошлое въ его настоящемъ, если бы прошлое не откладывалось въ немъ въ состояніи воспоминанія. Итакъ,—метафора много разъ повторявшаяся въ этой книгѣ—необходимо, по одинаковымъ причинамъ, чтобы прошлое разыгрывалось матеріей и воображалось духомъ.

ОБЩІЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I. Мы видѣли изъ фактовъ и подтвердили разсужденіемъ ту идею, что тѣло есть инструментъ дѣйствія и только дѣйствія. Ни въ какой мѣрѣ, ни въ какомъ смыслѣ, ни въ какомъ видѣ оно не служитъ для приготовленія и, еще менѣе, для объясненія представленія. Между такъ называемыми перцептивными способностями головного мозга и рефлекторными функціями спинного мозга разница только въ степени, а не по существу. Тогда какъ спинной мозгъ превращаетъ полученные импульсы въ движенія, которыя болѣе или менѣе неизбѣжно совершаются, головной мозгъ приводитъ эти импульсы въ сообщеніе съ двигательными механизмами, болѣе или менѣе свободно выбираемыми; но то, что въ нашихъ воспріятіяхъ объясняется головнымъ мозгомъ, это—наши дѣйствія начатыя, или подготовленныя, или внушенныя, а не сами наши воспріятія.—Тѣло сохраняетъ двигательныя привычки, способныя снова разыграть прошедшее; оно можетъ вновь принимать положенія, въ которыя вложится прошедшее; или повтореніемъ извѣстныхъ мозговыхъ явленій, которыя продолжили старыя воспріятія, оно предоставитъ воспоминанію точку соприкосновенія съ актуальнымъ, способъ обрѣсти утерянное вліяніе надъ наличной реальностью; но мозгъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ накаплять воспоминанія или образы.

Такъ, ни въ воспріятіи, ни въ памяти, ни, тѣмъ болѣе, въ высшихъ операціяхъ духа, тѣло не участвуетъ непосредственно въ представленіи. Развивая эту гипотезу въ ея множественныхъ аспектахъ и доводя такимъ образомъ дуализмъ до послѣдней крайности, мы, казалось, рыли бездонную пропасть между тѣломъ и духомъ. На самомъ же дѣлѣ, мы указывали единственное возможное средство сблизить и соединить ихъ.

II.—Въ самомъ дѣлѣ, всѣ трудности, поднимаемыя этой проблемой,—въ вуальгарномъ дуализмѣ, въ матеріализмѣ или идеализмѣ,—происходятъ изъ того, что въ явленіяхъ воспріятія и памяти тѣлесное и духовное разсматриваются какъ duplicata одно другого. Если я стану на матеріалистическую точку зрѣнія сознанія-эпифеномена, то непонятно, почему нѣкоторыя мозговыя явленія сопровождаются сознаніемъ, т. е. для чего служитъ или какъ происходитъ сознательное повтореніе матеріальной вселенной, заранѣе данной.—Если я встану на точку зрѣнія идеализма, то мнѣ даны только воспріятія и тѣло мое будетъ однимъ изъ нихъ. Но въ то время, какъ наблюденіе показываетъ мнѣ, что воспринятые образы вверхъ дномъ перевертываются отъ очень малыхъ измѣненій образа, который я называю своимъ тѣломъ (мнѣ стоитъ закрытъ глаза, чтобъ исчезла моя зрительная вселенная), наука увѣряетъ меня, что всѣ явленія должны слѣдовать и обусловливать другъ друга въ опредѣленномъ порядкѣ, въ коемъ всѣ слѣдствія въ строгомъ соотвѣтствіи съ причинами. Я долженъ, стало быть, искать въ томъ образѣ, который называю своимъ тѣломъ и который всюду за мною слѣдуетъ, измѣненій эквивалентныхъ, на этотъ разъ хорошо установленныхъ и точно соразмѣрныхъ другъ другу, образамъ вокругъ моего тѣла: мозговыя движенія, къ которымъ я вновь приду такимъ путемъ, сдѣлаются дупликатомъ мо-

ихъ воспріятій. Правда, эти движенія все еще будутъ воспріятіями, воспріятіями „возможными“, такъ что вторая гипотеза понятнѣе первой; но за то ей придется, въ свою очередь, предположить необъяснимое соотвѣтствіе между моимъ реальнымъ воспріятіемъ вещей и моимъ возможнымъ воспріятіемъ нѣкоторыхъ мозговыхъ движеній, которыя ни въ чемъ не похожи на эти вещи. Ближе всматриваясь, увидятъ, что въ этомъ камень преткновенія всякаго идеализма; онъ въ этомъ переходѣ отъ порядка, который является намъ въ воспріятіи, къ порядку, который удается намъ въ наукѣ,—или, если дѣло идетъ въ частности о кантовскомъ идеализмѣ, въ переходѣ отъ чувственности къ разсудку.—Остается тогда вульгарный дуализмъ. Я поставлю съ одной стороны матерію, съ другой стороны духъ, и предположу, что мозговыя движенія—причина или поводъ моего представленія о предметахъ. Но если они причина, если ихъ достаточно для произведенія представленія, я постепенно впадаю въ матеріалистическую гипотезу сознанія-эпифеномена. Если они только поводъ, они ни въ чемъ на нихъ не похожи; тогда, отнявъ у матеріи всѣ качества, которыми я одарилъ ее въ своемъ представленіи, я возвращусь къ идеализму. Идеализмъ и матеріализмъ это два полюса, между которыми всегда будетъ колебаться такого рода дуализмъ; а когда, для удержанія двойственности субстанцій, онъ рѣшится поставить ихъ обѣихъ на одну доску, онъ вынужденъ будетъ видѣть въ нихъ два перевода одного и того же оригинала, два параллельныхъ развитія, заранѣе установленныхъ одного и того же принципа, вынужденъ будетъ, такимъ образомъ, отрицать ихъ взаимное вліяніе и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, пожертвовать свободой.

Теперь, углубляя эти три гипотезы, я нахожу въ нихъ общее основаніе: онѣ принимаютъ элементарныя дѣйствія

духа, воспріятіе и память, за акты чистаго познаванія. Въ основу сознанія онѣ ставятъ, то безполезный дубликатъ внѣшней реальности, то инертную матерію совершенно незаинтересованнаго умственнаго построенія: но онѣ всегда пренебрегаютъ отношеніемъ воспріятія къ дѣйствію и воспоминанія къ поведенію. Конечно, можно представить себѣ, какъ идеальную границу—и безкорыстную память, и безкорыстное воспріятіе; но фактически, воспріятіе и память направлены къ дѣйствію, и тѣло подготовляетъ это дѣйствіе. Растущая сложность нервной системы приводитъ полученный импульсъ въ связь съ увеличивающимся разнообразіемъ двигательныхъ аппаратовъ и тѣмъ одновременно намѣчаетъ все болѣе значительное число возможныхъ дѣйствій. Первая функція памяти вызывать всѣ прошлыя воспріятія, аналогичныя наличному воспріятію, напоминать намъ то, что предшествовало, и то, что слѣдовало; внушать намъ такимъ путемъ самое полезное рѣшеніе. Но это не все. Заставляя насъ охватить въ единой интуиціи множественность моментовъ времени, она освобождаетъ насъ отъ движенія потока вещей, т. е. отъ ритма необходимости. Чѣмъ больше этихъ моментовъ она сможетъ сократить въ одинъ моментъ, тѣмъ прочнѣе власть, которую она даетъ намъ надъ матеріей; такъ что память живого существа, повидимому, прежде всего указываетъ на мощь его дѣйствія на вещи и является ея умственнымъ отголоскомъ. Будемъ же исходить изъ этой дѣйственной силы, какъ изъ истиннаго принципа; предположимъ, что тѣло есть центръ дѣйствія, только центръ дѣйствія, и посмотримъ какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого для воспріятія, для памяти и для соотношенія тѣла и духа.

III.—Прежде всего для воспріятія. Вотъ мое тѣло съ его „воспринимающими центрами“. Эти центры приходятъ въ колебаніе, и я получаю представленіе о вещахъ. Съ дру-

гой стороны, я предположилъ, что эти колебанія не могутъ ни произвести, ни выразить моего воспріятія. Стало быть, оно внѣ ихъ. Гдѣ оно? Для меня нѣтъ вопроса: принявъ мое тѣло, я принялъ нѣкій образъ, но, тѣмъ самымъ, принялъ цѣлокупность другихъ образовъ, ибо нѣтъ матеріальнаго предмета, котораго качества, опредѣленіе, словомъ, существованіе не зависѣли бы отъ мѣста имъ занимаемаго въ цѣломъ вселенной. Мое воспріятіе, стало быть, есть непремѣнно нѣчто отъ этихъ самыхъ предметовъ; оно скорѣе въ нихъ, а не они въ ней. Но, въ точности, какое нѣчто этихъ предметовъ есть воспріятіе? Я вижу, что мое воспріятіе, повидимому, слѣдуетъ за всѣми подробностями нервныхъ колебаній, называемыхъ чувствительными, съ другой стороны, я знаю, что роль этихъ колебаній единственно въ томъ, чтобы подготовить реакціи моего тѣла на окружающія тѣла, намѣтить мои виртуальныя дѣйствія. Стало быть, воспринимать—значитъ выдѣлять изъ совокупности предметовъ возможное дѣйствіе моего тѣла на нихъ. Тогда воспріятіе только выборъ. Оно ничего не создаетъ; ея роль напротивъ, въ томъ, чтобъ устранять изъ цѣлокупности образовъ всѣ образы, на которые я не могу воздѣйствовать, затѣмъ выдѣлить изъ всякаго удержаннаго образа все то, что не касается потребностей образа, который я называю своимъ тѣломъ. Таково, по крайней мѣрѣ, весьма упрощенное объясненіе, схематическое описаніе того, что мы назвали чистымъ воспріятіемъ. Отмѣтимъ теперь же, какое положеніе мы заняли между реализмомъ и идеализмомъ.

Что всякая реальность имѣетъ сродство, аналогію, отношеніе съ сознаніемъ, это мы уступили идеализму назвавъ вещи „образами“. Никакая философская доктрина, если она не противорѣчитъ сама себѣ, не можетъ къ тому же избѣгнуть этого заключенія. Но если бы сое-

динили всѣ состоянія сознанія, прошлыя, настоящія и возможныя, всѣхъ сознательныхъ существъ, то этимъ, по нашему мнѣнію, исчерпали бы только очень малую долю матеріальной реальности, потому что образы переходятъ за воспріятіе со всѣхъ сторонъ. Именно эти образы наука и метафизика желали бы возстановить, воссоздавая въ ея цѣлости цѣпь, изъ которой наше воспріятіе держитъ только нѣсколько звеньевъ. Но для того, чтобы установить между воспріятіемъ и реальностью отношенія части къ цѣлому, надобно было оставитъ за воспріятіемъ ея истинную роль, которая состоитъ въ подготовленіи дѣйствій. Этого идеализмъ не дѣлаетъ. Почему онъ и не можетъ, какъ мы только что сказали, перейти отъ порядка, который обнаруживается въ воспріятіи, къ порядку, который удается въ наукѣ, т. е. отъ простой смежности (contingence), съ которой наши ощущенія, повидимому, слѣдуютъ другъ за другомъ, къ детерминизму, соединяющему явленія природы. Именно потому, что онъ приписываетъ сознанію въ воспріятіи спекулятивную роль, такъ что не видно, какой интересъ имѣло бы сознаніе упускать между двумя ощущеніями, напримѣръ, посредствующія, помощью которыхъ второе выводится изъ перваго. Эти посредствующія и ихъ строгій порядокъ остаются тогда темными, возводятъ ли ихъ въ „возможныя ощущенія“, по выраженію Милля, приписываютъ ли этотъ порядокъ, какъ дѣлаетъ Кантъ, надстройкамъ, установленнымъ безличнымъ разумомъ. Но предположимъ, что мое сознательное воспріятіе имѣетъ чисто практическое назначеніе, что оно просто намѣчаетъ въ цѣломъ вещей то, что интересуетъ мое возможное дѣйствіе на нихъ: я понимаю, что все остальное ускользаетъ отъ меня, и что, тѣмъ не менѣе, все остальное той же природы какъ и то, что я воспринимаю. Мое познаніе

матеріи тогда и не субъективно, какъ въ англійскомъ идеализмѣ, и не относительно, какъ въ кантовскомъ идеализмѣ. Оно не субъективно, потому что оно скорѣе въ вещахъ, чѣмъ во мнѣ. Оно не относительно, потому что между „явленіемъ“ и „вещью“ отношеніе не видимости къ реальности, а просто части къ цѣлому.

Этимъ мы, повидимому, возвращаемся къ реализму. Но реализмъ, если въ него не внести поправки въ существенномъ пунктѣ, такъ же непріемлемъ, какъ идеализмъ, и по той же причинѣ. Идеализмъ, сказали мы, не можетъ перейти отъ порядка, который обнаруживается въ воспріятіи, къ порядку, который удается въ наукѣ, т. е. къ реальности. Наоборотъ, реализму не удается извлечь изъ реальности то непосредственное познаніе, которое мы о ней имѣемъ. Можно ли стать на точку зрѣнія обыденнаго реализма? Съ одной стороны, имѣется многообразная матерія, составленная изъ болѣе или менѣе независимыхъ частей, разлитая въ пространствѣ, съ другой—духъ, который не можетъ имѣть съ ней никакой точки соприкосновенія, если не признать въ немъ, вмѣстѣ съ матеріалистами, непонятный эпифеноменъ. Отдать ли предпочтеніе кантовскому реализму? Между вещью самой въ себѣ, т. е. реальностью, и чувственнымъ разнообразіемъ, изъ котораго мы строимъ наше познаніе, нѣтъ никакого мыслимаго отношенія, никакой общей мѣры. Теперь, при углубленіи этихъ двухъ крайнихъ формъ реализма, видно, что онѣ направляются къ одной и той же точкѣ; и та, и другая возводятъ однородное пространство какъ непреодолимую преграду между умомъ и вещами. Наивный реализмъ дѣлаетъ изъ этого пространства реальную среду, гдѣ вещи подвѣшены; кантовскій реализмъ видитъ въ немъ идеальную среду, гдѣ множественность ощущеній координируется; но какъ для одного, такъ и для другого, эта среда дана и з н а-

чала, какъ необходимое условіе того, что въ нее помѣщается. И углубляя эту общую гипотезу, въ свою очередь, найдемъ, что она состоитъ въ томъ, что приписываетъ однородному пространству безкорыстную роль—служить поддержкой матеріальной реальности, или имѣть функцію, также всецѣло спекулятивную,—доставлять ощущеніямъ средство координироваться между собою. Такъ что реализмъ теменъ, какъ и идеализмъ, потому что онъ направляетъ наще сознательное воспріятіе и условія нашего сознательнаго воспріятія къ чистому познанію, а не къ дѣйствію.—Но предположимъ теперь, что это однородное пространство логически не предшествуетъ, а слѣдуетъ за матеріальными вещами и за чистымъ познаніемъ, которое мы можемъ о нихъ имѣть; предположимъ, что протяженіе предшествуетъ пространству; предположимъ, что однородное пространство есть условіе нашего дѣйствія, — только нашего дѣйствія, — будучи какъ безконечно раздѣленная сѣть, которую мы натягиваемъ подъ матеріальной непрерывностью, чтобъ овладѣть ею, чтобъ разложить ее въ направленіи нашей дѣятельности и нашихъ потребностей. Тогда мы выигрываемъ не только въ томъ, что сходимся съ наукой, которая показываетъ, что всякая вещь вліяетъ на остальныя и слѣдовательно занимаетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, совокупность протяженія (хотя мы воспринимаемъ только центръ этой вещи, и установляемъ ея границы въ точкѣ, гдѣ останавливается власть нашего тѣла надъ ней). Мы выигрываемъ этимъ въ метафизикѣ не только то, что устраняемъ или смягчаемъ противорѣчія, связанныя съ дѣлимостью въ пространствѣ, противорѣчія которыя всегда возникаютъ, какъ мы показали, отъ смѣшенія двухъ точекъ зрѣнія—дѣйствія и познанія. Мы этимъ выигрываемъ особенно въ томъ, что разрушаемъ неопреодолимую преграду, возведенную реализмомъ между вещами протя-

женными и нашимъ воспріятіемъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ ставили съ одной стороны множественную и раздѣленную внѣшнюю реальность, а съ другой—ощущенія, чуждыя протяженности и безъ возможнаго соприкосновенія съ нею, мы же видимъ, что конкретное протяженіе въ дѣйствительности не раздѣлено, точно такъ же какъ непосредственное воспріятіе на самомъ дѣлѣ не лишено экстенсивности. Исходя изъ реализма, мы возвращаемся къ той же точкѣ, куда привелъ насъ идеализмъ; мы вновь помѣщаемъ воспріятіе въ вещи. И мы видимъ, что реализмъ и идеализмъ сближаются, по мѣрѣ устраненія постулата, принятаго обоими безъ обсужденія и служащаго имъ общимъ предѣломъ.

Резюмируя, скажемъ, что если предположить протяженную непрерывность и, въ самой этой непрерывности, центръ реальнаго дѣйствія, представляемый нашимъ тѣломъ, эта дѣятельность будетъ какъ бы освѣщать всѣ части матеріи ей доступныя въ каждое мгновеніе. Тѣ же потребности, та же способность дѣйствовать, которыя выдѣлили наше тѣло изъ матеріи, отграничатъ раздѣльныя тѣла въ средѣ, насъ окружающей. Все будетъ происходить такъ, какъ еслибы мы пропускали реальное дѣйствіе вещей черезъ фильтръ, останавливая и задерживая только виртуальное дѣйствіе внѣшнихъ вещей: это виртуальное дѣйствіе вещей на наше тѣло и нашего тѣла на вещи и есть именно наше воспріятіе. Но такъ какъ сотрясенія, получаемыя нашимъ тѣломъ отъ окружающихъ тѣлъ, безпрерывно вызываютъ въ его веществѣ зарождающіяся реакціи, и такъ какъ эти внутреннія движенія мозгового вещества въ каждый моментъ намѣчаютъ наше возможное дѣйствіе на вещи, то мозговое состояніе въ точности соотвѣтствуетъ воспріятію. Оно не есть ни его причина, ни его слѣдствіе, и ни въ какомъ смыслѣ, не дубликатъ: оно просто продолжаетъ его,

такъ какъ воспріятіе есть наше виртуальное дѣйствіе, а мозговое состояніе наше начатое дѣйствіе.

IV.—Но эту теорію „чистаго воспріятія“ нужно въ двухъ пунктахъ смягчить и дополнить. Это чистое воспріятіе, которое было бы простымъ осколкомъ реальности, принадлежало бы существу, которое не примѣшивало бы къ воспріятію другихъ тѣлъ воспріятія своего тѣла, т. е. аффектовъ, ни къ своей интуиціи актуальнаго момента интуиціи другихъ моментовъ, т. е. своихъ воспоминаній. Другими словами сперва, для удобства изученія, мы разсматривали живое тѣло, какъ математическую точку въ пространствѣ и сознательное воспріятіе какъ математическое мгновеніе во времени. Надобно было придать тѣлу его протяженіе, а воспріятію его дленіе. Такимъ образомъ мы вновь возвращаемъ сознанію его два субъективные элемента: чувствительность и память.

Что такое чувство? Наше воспріятіе, сказали мы, намѣчаетъ возможное дѣйствіе нашего тѣла. Но тѣло наше будучи протяженнымъ, способно дѣйствовать на само себя, точно также какъ и на другія тѣла. Въ наше воспріятіе войдетъ, стало быть, нѣчто и отъ нашего тѣла. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло идетъ объ окружающихъ тѣлахъ, они, по гипотезѣ, отдѣлены отъ нашего тѣла болѣе или менѣе значительнымъ пространствомъ, измѣряющимъ отдаленности ихъ обѣщаній или угрозъ во времени: вотъ почему наше воспріятіе этихъ тѣлъ рисуетъ только возможныя дѣйствія. Наоборотъ, чѣмъ болѣе уменьшается разстояніе между этими тѣлами и нашимъ тѣломъ, тѣмъ болѣе возможное дѣйствіе стремится превратиться въ дѣйствіе реальное, и дѣйствіе становится тѣмъ безотлагательнѣе, чѣмъ разстояніе становится короче. Когда же разстоянія этого нѣтъ, т. е. когда воспринимаемое тѣло—наше собственное тѣло, то воспріятіе рисуетъ уже не

виртуальное дѣйствіе, а дѣйствіе реальное. Такова именно природа боли, актуальное усиліе пораженной части привести ткани въ порядокъ, усиліе мѣстное, отдѣльное и тѣмъ самымъ осужденное на неуспѣхъ въ организмѣ, способномъ лишь на дѣйствія сообща. Боль, стало быть, находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ она появляется, какъ предметъ находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ воспринимается. Между воспринятымъ чувствомъ и воспринятымъ образомъ различіе въ томъ, что чувство въ нашемъ тѣлѣ, а образъ внѣ нашего тѣла. Вотъ почему поверхность нашего тѣла, общая граница этого тѣла и другихъ тѣлъ, дана намъ заразъ въ формѣ ощущенія и въ формѣ образа.

Въ томъ, что чувство внутренне, состоитъ его субъективность, а во внѣшности образовъ вообще заключается ихъ объективность. Но здѣсь мы снова находимъ всегда повторяющуюся ошибку, которую мы преслѣдовали въ теченіи всей нашей работы. Хотятъ, чтобъ ощущеніе и воспріятіе существовали сами для себя; имъ приписываютъ чисто спекулятивную роль; и такъ какъ пренебрегаютъ реальными и виртуальными дѣйствіями, съ которыми они интимно связаны, и которыя позволили бы различать ихъ, между ними находятъ только различіе въ степени. Тогда, пользуясь тѣмъ, что чувство лишь смутно локализовано (по причинѣ неясности его усилія), его объявляютъ неэкстенсивнымъ; изъ этихъ уменьшенныхъ чувствъ или неэкстенсивныхъ ощущеній, дѣлаютъ матеріалы, помощью которыхъ мы строимъ образы въ пространствѣ. Этимъ обрекаютъ себя на невозможность объяснить — ни откуда являются элементы сознанія или ощущенія, которыя ставятъ какъ абсолюты, ни какъ эти неэкстенсивныя ощущенія достигаютъ пространства, координируясь въ немъ потомъ, ни зачѣмъ они принимаютъ скорѣе одинъ порядокъ, чѣмъ другой, ни какимъ путемъ,

наконецъ, имъ удается создать прочный опытъ, общій всѣмъ людямъ. Напротивъ, именно изъ этого опыта, необходимой арены нашей дѣятельности, надобно исходить. Сначала надо принять чистое воспріятіе, т. е. образъ. А ощущенія, — не матеріалъ, изъ котораго образъ строится,—обнаружатся какъ примѣсь къ образу, будучи тѣмъ, что мы проицируемъ изъ нашего тѣла во всѣ другія тѣла.

V.—Но пока мы придерживаемся ощущенія и чистаго воспріятія, почти нельзя сказать, что мы имѣемъ дѣло съ духомъ. Конечно, мы установляемъ противъ теоріи сознанія-эпифеномена, что никакое мозговое состояніе не однозначно воспріятію. Конечно, выборъ воспріятія между образами вообще есть слѣдствіе различенія, уже предвѣщающаго духъ. Наконецъ, сама матеріальная вселенная, опредѣляемая какъ цѣлокупность образовъ, есть уже своего рода сознаніе, сознаніе, гдѣ все компенсируется и нейтрализируется, сознаніе, гдѣ всѣ случайныя части уравновѣшиваютъ другъ друга реакціями, всегда равными дѣйствіямъ, и тѣмъ взаимно препятствуютъ другъ другу выступать. Но чтобъ достигнуть реальности духа, надо стать на ту точку, гдѣ индивидуальное сознаніе, продолжая и сохраняя прошлое въ настоящемъ, причемъ настоящее обогощается прошлымъ, ускользаетъ отъ закона необходимости, по которому прошлое непрерывно слѣдуетъ само за собою въ настоящемъ, просто его повторяющимъ въ другой формѣ, и по которому все всегда протекаетъ. Переходя отъ чистаго воспріятія къ памяти, мы окончательно покидаемъ матерію для духа.

VI.—Теорія памяти, составляющая центръ нашей работы, должна была быть и теоретическимъ слѣдствіемъ и экспериментальной провѣркой нашей теоріи чистаго воспріятія. Что мозговыя состоянія, сопровождающія воспріятіе,

не суть ни ея причина, ни ея дубликатъ, что отношеніе воспріятія къ его физіологическому коррелату есть отношеніе виртуальнаго дѣйствія къ дѣйствію начатому, этого мы не могли установить фактами, потому что при нашей гипотезѣ все произойдетъ такъ, какъ будто воспріятія есть результатъ мозгового состоянія. Въ чистомъ воспріятіи воспринятый предметъ есть предметъ наличный, есть тѣло, которое измѣняетъ наше тѣло. Стало быть образъ его актуально данъ, и поэтому факты позволяютъ намъ по произволу сказать, что мозговыя измѣненія намѣчаютъ рождающіяся реакціи нашего тѣла, или что они создаютъ сознательный дубликатъ наличнаго образа. Но совсѣмъ не то съ памятью, ибо воспоминаніе есть представленіе отсутствующаго предмета. Здѣсь обѣ гипотезы дадутъ противоположныя слѣдствія. Если, въ случаѣ наличнаго предмета, состоянія нашего тѣла было уже достаточно, чтобъ создать представленіе предмета, тѣмъ болѣе этого состоянія будетъ достаточно при отсутствіи этого предмета. Стало быть, по этой теоріи, надобно, чтобы воспоминаніе зарождалось отъ ослабленнаго повторенія мозгового явленія, вызвавшаго первое воспріятіе и состояло просто въ ослабленномъ воспріятіи; отсюда двойное положеніе: *память есть лишь функція мозга, и между воспріятіемъ и воспоминаніемъ разница только въ интенсивности*.—Наоборотъ, если мозговое состояніе ни въ коемъ случаѣ не создаетъ нашего воспріятія наличнаго предмета, но просто продолжаетъ его, то оно сможетъ продолжить и воспоминаніе, нами вызванное, но не сможетъ его породить. А такъ какъ съ другой стороны, наше воспріятіе наличнаго предмета было частью самого этого предмета, то наше представленіе отсутствующаго предмета будетъ явленіемъ совершенно другого разряда чѣмъ воспріятіе, потому что между присутствіемъ и

отсутствіемъ нѣтъ степени, нѣтъ середины. Отсюда двойное положеніе, обратное предыдущему: память есть нѣчто иное, чѣмъ функція мозга, и между воспріятіемъ и воспоминаніемъ различіе не въ степени, а по существу.—Противоположность двухъ теорій принимаетъ такимъ образомъ острую форму и, на этотъ разъ, опытъ можетъ ихъ разсудить.

Мы не вернемся здѣсь къ подробностямъ провѣрки, которую мы пытались сдѣлать. Напомнимъ просто главные пункты. Всѣ фактическіе доводы, на которые можно ссылаться въ пользу вѣроятности накопленія воспоминаній въ корковомъ веществѣ, черпаются изъ локализованныхъ болѣзней памяти. Но еслибы воспоминанія дѣйствительно отлагались въ мозгу, то рѣзко выраженнымъ амнезіямъ соотвѣтствовали бы характерныя пораженія мозга. Но вѣдь при амнезіяхъ, гдѣ внезапно и радикально исчезаютъ цѣлые періоды нашей прошлой жизни, не наблюдается точно опредѣленныхъ мозговыхъ пораженій; и наоборотъ, въ разстройствахъ памяти, гдѣ мозговая локализація ясна и несомнѣнна, т. е. въ разныхъ афазіяхъ и въ болѣзняхъ зрительнаго и слухового узнаванія, не то или иное опредѣленное воспоминаніе, такъ сказать, вырвано изъ мѣста своего нахожденія, но болѣе или менѣе уменьшена въ своей жизненности способность призыва, какъ будто субъекту болѣе или менѣе трудно привести воспоминаніе въ соприкосновеніе съ наличнымъ положеніемъ. Стало быть надо изучить механизмъ этого соприкосновенія и посмотрѣть, не заключается ли роль мозга скорѣе въ томъ, чтобъ обезпечить отправленіе этого механизма, чѣмъ въ томъ, чтобъ заключать самыя воспоминанія въ свои клѣтки. Это заставило насъ прослѣдить во всѣхъ его эволюціяхъ прогрессивное движеніе, которымъ прошлое и настоящее приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, т. е. прослѣдить узна-

ваніе. И мы нашли, что узнаваніе наличнаго предмета можетъ совершаться двумя совершенно различными способами, но что ни въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ, мозгъ не является резервуаромъ образовъ. Въ самомъ дѣлѣ, иногда, совершенно пассивнымъ узнаваніемъ,—скорѣе разыграннымъ чѣмъ мысленнымъ,—тѣло отвѣчаетъ на возобновленное воспріятіе дѣйствіемъ, ставшимъ автоматическимъ: тогда все объясняется двигательными аппаратами, созданными въ тѣлѣ привычкой, и тогда пораженія памяти могутъ зависѣть отъ разрушенія этихъ механизмовъ. Иногда, наоборотъ, узнаваніе совершается активно, при помощи образовъ-воспоминаній, идущихъ на встрѣчу наличному воспріятію, но тогда надо, чтобъ эти воспоминанія, въ моментъ, когда они налагаются на воспріятіе, могли бы пустить въ ходъ тѣ же мозговые аппараты, которые воспріятіе обыкновенно приводитъ въ движеніе для дѣйствія: иначе, заранѣе осужденныя на безсиліе, они не обнаружатъ никакого стремленія актуализироваться. Вотъ почему, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мозговое пораженіе затрагиваетъ извѣстную категорію воспоминаній, эти воспоминанія не схожи между собою, ни въ томъ, что они относятся къ той же эпохѣ, ни по логическому сродству между собою, но сходны только въ томъ, что всѣ они или слуховыя, или зрительныя, или двигательныя. То, что повидимому повреждено, это различныя чувственныя или двигательныя области или, еще чаще, придатки, позволяющіе пускать ихъ въ ходъ изнутри самого корковаго слоя, а не сами воспоминанія. Мы пошли дальше, и внимательнымъ изслѣдованіемъ узнаванія словъ, а также явленій сенсоріальной афазіи, мы пытались установить, что узнаваніе совершается совсѣмъ не механическимъ пробужденіемъ воспоминаній, дремлющихъ въ мозгу. Оно предполагаетъ, наоборотъ, болѣе или менѣе высокое напряженіе сознанія, которое

идетъ на поиски въ область чистой памяти за чистыми воспоминаніями, чтобы постепенно матеріализовать ихъ при соприкосновеніи съ наличнымъ воспріятіемъ.

Но что такое эта чистая память и эти чистыя воспоминанія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы дополнили доказательство нашего положенія. Мы установили его первый пунктъ, а именно, что память есть нѣчто иное, чѣмъ функція мозга. Намъ оставалось доказать, анализомъ „чистаго воспоминанія", что между воспоминаніемъ и воспріятіемъ не простое различіе въ степени, но коренная разница по существу.

VII.—Укажемъ теперь же на матафизическое, а не только психологическое значеніе этой послѣдней проблемы. Слѣдующій тезисъ, конечно, чисто психологическій: воспоминаніе есть ослабленное воспріятіе. Но пусть не обманываются: если воспоминаніе только болѣе слабое воспріятіе, то обратно—воспріятіе будетъ нѣчто вродѣ болѣе сильнаго воспоминанія. Тутъ зародышъ англійскаго идеализма. Между реальностью воспринятаго предмета и идеальностью представляемаго предмета этотъ идеализмъ принимаетъ только различіе въ степени, а не по существу. Мысль, что мы строимъ матерію изъ нашихъ внутреннихъ состояній, что воспріятіе есть только правдивая галлюцинація, идетъ также оттуда. Эту мысль мы не переставая оспаривали, когда говорили о матеріи. Или наша концепція матеріи ошибочна, или воспоминаніе радикально отличается отъ воспріятія.

Такъ мы переставили метафизическую проблему до совпаденія ея съ проблемой психологіи, которую можетъ рѣшить простое наблюденіе. Какъ оно ее рѣшаетъ? Если воспоминаніе воспріятія было бы самимъ воспріятіемъ, но ослабленнымъ, то намъ случалось бы, напримѣръ, принимать воспріятіе слабаго звука за воспоминаніе сильнаго шума. Такого смѣшенія не происходитъ никогда. Но

можно идти дальше и доказать, опять таки наблюденіемъ, что сознаніе воспоминанія никогда не начинается болѣе слабымъ актуальнымъ состояніемъ, которое мы старались бы откинуть въ прошлое, сознавъ его слабость: къ тому же, еслибы мы не имѣли уже представленія о прошломъ ранѣе пережитомъ, то какъ могли бы мы удалять въ него наименѣе интенсивныя психологическія состоянія, тогда какъ было бы такъ просто ихъ поставить рядомъ съ состояніями сильными, какъ болѣе смутный наличный опытъ съ наличнымъ опытомъ болѣе яснымъ? Дѣло въ томъ, что память состоитъ совсѣмъ не въ возвращеніи настоящаго къ прошлому, но наоборотъ, въ передвиженіи прошлаго въ настоящее. Мы сразу становимся въ прошлое. Мы исходимъ изъ виртуальнаго состоянія, которое мы, мало по малу, проводимъ чрезъ серію различныхъ плоскостей сознанія до конца, гдѣ оно матеріализуется въ актуальномъ воспріятіи, т. е. до точки, гдѣ оно становится состояніемъ наличнымъ и дѣйствующимъ, т. е., до крайней плоскости нашего сознанія, гдѣ рисуется наше тѣло. Чистое воспоминаніе заключается въ этомъ виртуальномъ состояніи.

Почему здѣсь не принимаютъ во вниманіе свидѣтельства нашего сознанія? Почему изъ воспоминанія дѣлаютъ болѣе слабое воспріятіе, о которомъ нельзя сказать, ни зачѣмъ мы отбрасываемъ его въ прошлое, ни какъ мы находимъ его дату, ни по какому праву оно вновь появляется скорѣе въ данный моментъ, чѣмъ въ какой либо иной? Все потому же, что забываютъ практическое назначеніе нашихъ актуальныхъ психологическихъ состояній. Изъ воспріятія дѣлаютъ безкорыстное дѣйствіе духа, только созерцаніе. Но такъ какъ чистое воспоминаніе можетъ быть лишь чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ (потому что оно не соотвѣтствуетъ наличной и безотлагательной реальности), то воспоминаніе и воспріятіе дѣлаются состояніями

одинаковой природы, между которыми уже нельзя найти иного различія, кромѣ различія въ интенсивности. Но дѣло въ томъ, что наше настоящее не должно опредѣляться какъ то, что интенсивнѣе: оно есть то, что дѣйствуетъ на насъ и что насъ заставляетъ дѣйствовать, оно чувственно и оно двигательно;—наше настоящее есть прежде всего состояніе нашего тѣла. Наше прошедшее, наоборотъ, есть то, что уже не дѣйствуетъ, но могло бы дѣйствовать, что будетъ дѣйствовать вложившись въ наличное ощущеніе, у котораго оно заимствуетъ жизненность. Но, правда, въ моментъ, когда воспоминаніе актуализируется, вступая въ дѣйствіе, оно перестаетъ быть воспоминаніемъ и вновь становится воспріятіемъ.

Тогда понятно, почему воспоминаніе не могло происходить изъ мозгового состоянія. Мозговое состояніе продолжаетъ воспоминаніе, оно даетъ ему власть надъ настоящимъ, придавая ему матеріальность; но чистое воспоминаніе есть духовное проявленіе. Съ памятью мы, дѣйствительно, вступаемъ въ область духа.

VIII. Эту область намъ изслѣдовать не надлежало. Находясь въ точкѣ сліянія духа и матеріи, желая видѣть ихъ взаимное сліяніе, намъ важно было выдѣлить изъ самопроизвольности ума только точку его соединенія съ тѣлеснымъ механизмомъ. Такимъ образомъ мы могли видѣть ассоціацію идей и рожденіе простѣйшихъ общихъ идей.

Въ чемъ главная ошибка ассоціаціонизма? Въ томъ, что онъ помѣстилъ всѣ воспоминанія въ одной и той же плоскости, что онъ упустилъ изъ виду болѣе или менѣе значительное разстояніе, которое отдѣляетъ ихъ отъ наличнаго тѣлеснаго состоянія, т. е. отъ дѣйствія. Поэтому онъ не могъ объяснить, ни какъ воспоминаніе присоединяется къ воспріятію его вызывающему, ни почему ассоціація совершается скорѣе по сходству или смеж-

*

ности, чѣмъ какимъ либо инымъ путемъ, ни также какой прихотью это опредѣленное воспоминаніе выбирается среди тысячи воспоминаній, которыя по сходству или смежности тоже связаны съ актуальнымъ воспріятіемъ. Это значитъ, что ассоціаціонизмъ перепуталъ и смѣшалъ всѣ различныя плоскости сознанія, упорно принимая менѣе полное воспоминаніе за воспоминаніе менѣе сложное, тогда какъ въ дѣйствительности въ этомъ воспоминаніи меньше мечты, т. е. оно ближе къ дѣйствію и поэтому болѣе банально, болѣе способно приспособляться—какъ готовое платье,—къ новизнѣ наличнаго положенія. Противники ассоціаціонизма, впрочемъ, слѣдовали за нимъ на этой почвѣ. Они упрекали его за то, что онъ объясняетъ высшія операціи ума ассоціаціями, но не за то, что онъ упустилъ изъ виду истинную природу самой ассоціаціи. Между тѣмъ въ этомъ и есть первоначальный порокъ ассоціаціонизма.

Напротивъ, между плоскостью дѣйствія,—плоскостью, гдѣ тѣло наше сжало свое прошлое въ двигательныхъ привычкахъ,—и плоскостью чистой памяти, гдѣ нашъ духъ сохраняетъ во всѣхъ подробностяхъ картину нашей протекшей жизни, мы различили, казалось намъ, тысячи и тысячи различныхъ плоскостей сознанія, тысячи полныхъ и все же различныхъ повтореній всего нами пережитого опыта. Пополнить воспоминаніе болѣе личными подробностями совсѣмъ не значитъ механически сопоставить другія воспоминанія къ этому воспоминанію, но перенестись на болѣе обширную плоскость сознанія, удалиться отъ дѣйствія въ направленіи мечты. Точно также, локализировать воспоминаніе не значитъ втискивать его механически между другими воспоминаніями, но расширеніемъ памяти въ ея цѣломъ очертить кругъ достаточно обширный, чтобы эта подробность прошлаго въ немъ заключалась. Эти плоскости, къ тому же, не даны какъ вещи го-

товыя, наложенныя одна на другую. Онѣ существуютъ скорѣе виртуально, тѣмъ существованіемъ, которое присуще вещамъ духа. Умъ, въ каждый моментъ, двигаясь вдоль промежутка ихъ раздѣляющаго, безостановочно снова находитъ ихъ, или, скорѣе, творитъ ихъ наново: его жизнь состоитъ именно въ этомъ движеніи. Тогда мы понимаемъ, почему законы ассоціаціи суть сходство и смежность, а не иные законы, и почему память выбираетъ между воспоминаніями схожими или смежными скорѣе одни образы, чѣмъ другіе, и наконецъ, какъ образуются, общей работой тѣла и духа, первыя общія понятія. Для живого существа выгодно схватитъ въ наличномъ положеніи то, что походитъ на одно изъ прежнихъ положеній, затѣмъ сблизить съ нимъ то, что предшествовало и особенно то, что слѣдовало, чтобы воспользоваться своимъ прошлымъ опытомъ. Изъ всѣхъ ассоціацій, которыя можно вообразить, однѣ только ассоціаціи по сходству и по смежности прежде всего имѣютъ жизненную полезность. Но чтобъ понять механизмъ этихъ ассоціацій и, въ особенности, съ виду прихотливый выборъ, который онѣ дѣлаютъ въ воспоминаніяхъ, надобно поочередно становиться въ двѣ крайнія плоскости, названныя нами плоскостью дѣйствія и плоскостью грезы.

Въ первой помѣщаются только двигательныя привычки, о которыхъ можно сказать, что это скорѣе ассоціаціи разыгранныя или пережитыя, чѣмъ представленныя: здѣсь сходство и смежность слиты, ибо аналогичныя внѣшнія положенія, повторяясь. связали нѣкоторыя движенія нашего тѣла между собою, а тогда та же автоматическая реакція, въ которой мы разовьемъ эти смежныя движенія, извлечетъ изъ положенія, ихъ вызывающаго, сходство его съ раньше бывшими положеніями. Но по мѣрѣ перехода отъ движеній къ образамъ, и отъ образовъ бѣдныхъ къ образамъ болѣе роскошнымъ, сходство и смежность отдѣляются другъ отъ

друга: въ концѣ концовъ онѣ противопоставляются въ другой крайней плоскости, гдѣ ни одно дѣйствіе не связано съ образами. Выборъ одного сходства среди многихъ сходствъ, одной смежности среди многихъ смежностей происходитъ не случайно: онъ зависитъ отъ безпрестанно измѣняющагося напряженія памяти, которая, въ разныхъ случаяхъ, склоняется ли она скорѣе къ тому, чтобъ вложиться въ наличное дѣйствіе, или чтобъ отдѣлиться отъ него, цѣликомъ транспонируется въ тотъ или иной тонъ. Это же двойное движеніе памяти между двумя крайними границами намѣчаетъ, какъ мы показали, первыя общія понятія,—двигательная привычка поднимается къ подобнымъ образамъ, чтобъ извлечь изъ нихъ сходство; подобные образы спускаются къ двигательной привычкѣ, чтобы смѣшаться, напримѣръ, въ автоматическомъ произнесеніи соединяющаго ихъ слова. Зарождающаяся обобщенность идеи состоитъ стало быть уже въ нѣкоторой дѣятельности духа въ движеніи между дѣйствіемъ и представленіемъ. Вотъ почему извѣстнаго рода философіи всегда будетъ легко, сказали мы, локализировать общую идею въ одномъ изъ этихъ крайнихъ предѣловъ, кристаллизовать ее въ словахъ или заставить улетучиться въ воспоминаніяхъ, тогда какъ въ дѣйствительности она состоитъ въ ходѣ духа, идущаго отъ одного крайняго конца къ другому.

IX.—Представляя себѣ въ такомъ видѣ элементарную умственную дѣятельность, дѣлая изъ нашего тѣла со всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ, послѣднюю плоскость нашей памяти, конечный образъ, движущееся остріе, которое наше прошлое ежеминутно толкаетъ въ наше будущее, мы подтвердили и уяснили то, что раньше говорили о роли тѣла и одновременно подготовили пути къ сближенію между тѣломъ и духомъ.

Изслѣдовавъ чистое воспріятіе и чистую память, мы еще

должны были сблизить ихъ. Если чистое воспоминаніе есть уже духъ, и если чистое воспріятіе есть еще нѣчто отъ матеріи, мы должны были, помѣстившись въ точкѣ соединенія чистаго воспріятія съ чистымъ воспоминаніемъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на взаимодѣйствіе духа и матеріи. Фактически „чистое“ воспріятіе, т. е. воспріятіе мгновенное, есть только идеалъ, предѣлъ. Всякое воспріятіе занимаетъ нѣкоторую толщу дленія, продолжаетъ прошлое въ настоящемъ и тѣмъ самымъ причастно памяти. Принимая тогда воспріятіе въ его конкретной формѣ, какъ синтезъ чистаго воспоминанія и чистаго воспріятія, т. е. духа и матеріи, мы включаемъ проблему соединенія души и тѣла въ ея тѣснѣйшіе предѣлы. Мы пытались сдѣлать это въ особенности въ послѣдней части этой книги.

Противоположеніе этихъ двухъ принциповъ, въ дуализмѣ вообще, разрѣшается тройнымъ противопоставленіемъ непротяженнаго протяженному, качества количеству и свободы необходимости. Если наша концепція роли тѣла, если наши анализы чистаго воспріятія и чистаго воспоминанія должны уяснить съ какой либо стороны соотношеніе тѣла и духа, то лишь при условіи отстраненія или смягченія этихъ трехъ противопоставленій. Разсмотримъ же здѣсь по очереди, представляя ихъ въ болѣе метафизической формѣ, выводы, которые мы желали получить исключительно изъ психологіи.

1. Если вообразить съ одной стороны протяженность дѣйствительно раздѣленную на частицы, а съ другой— сознаніе съ его ощущеніями неэкстенсивными сами по себѣ, которыя проицируются въ пространство, то очевидно, что нельзя найти ничего общаго между этой матеріей и этимъ сознаніемъ, между тѣломъ и духомъ. Но это противопоставленіе воспріятія и матеріи есть искусственное созданіе разума, который разлагаетъ и вновь слагаетъ

по своимъ привычкамъ и своимъ законамъ: оно не дано непосредственной интуиціи. Намъ даны неэкстенсивныя ощущенія: какъ могли они войти въ пространство, выбрать тамъ мѣсто, наконецъ тамъ координироваться для созданія универсальнаго опыта? Реальное точно такъ же не есть протяженіе, раздѣленное на независимыя части: не имѣя никакого возможнаго отношенія къ нашему сознанію, какъ можетъ дать оно серію измѣненій, порядокъ которыхъ и отношенія съ точностью соотвѣтствовали бы порядку и отношеніямъ нашихъ представленій? То, что дано, что реально, есть нѣчто промежуточное между раздѣленнымъ протяженіемъ и чистой непротяженностью, это то, что мы назвали экстенсивнымъ. Экстенсивность есть наиболѣе очевидное качество воспріятія. Уплотняя и подраздѣляя ее помощью абстрактнаго пространства, подведеннаго нами подъ нее, для потребностей дѣйствія, мы образуемъ протяженіе безконечно дѣлимое. Наоборотъ, утончая ее, заставляя ее то растворяться въ аффективныхъ ощущеніяхъ, то улетучиваться въ поддѣлкахъ чистыхъ идей, мы получаемъ тѣ неэкстенсивныя ощущенія, изъ которыхъ потомъ тщетно пытаемся возсоздать образы. И оба противоположныя направленія, въ которыхъ мы продолжаемъ эту двойную работу, естественно намъ открываются, ибо изъ необходимостей дѣйствія вытекаетъ, что протяженіе разбивается для насъ на совершенно независимые предметы (отсюда указаніе для подраздѣленія протяженія), и что незамѣтными степенями переходятъ отъ чувства къ воспріятію (отсюда стремленіе предполагать воспріятіе все болѣе и болѣе неэкстенсивнымъ). Но нашъ разумъ, роль котораго именно установлять логическія различенія и слѣдовательно рѣзкія противопоставленія, устремляется поочередно по обоимъ путямъ и по каждому идетъ до конца. Оно возводитъ на одномъ концѣ безконечно дѣлимое протяженіе, а на другомъ—совершенно не-

экстенсивныя ощущенія. Такъ оно создаетъ противоположеніе, которое затѣмъ и созерцаетъ.

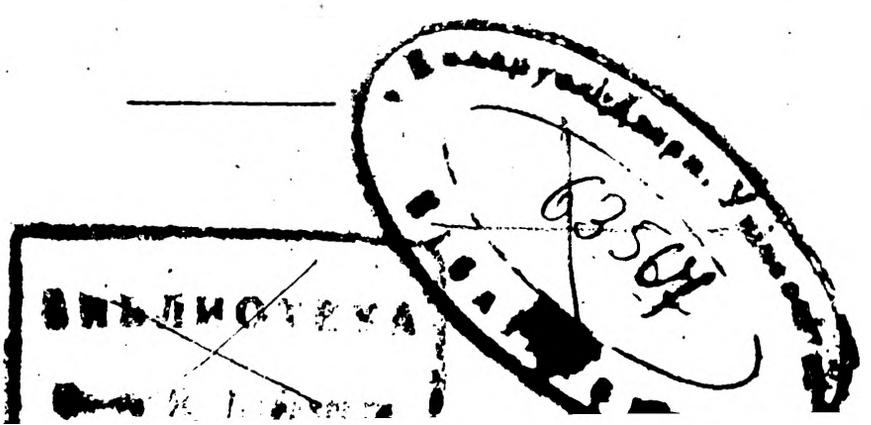
2. Гораздо менѣе искусственно противоположеніе качества количеству, т. е. сознанія движенію: это второе противоположеніе радикально только, если сначала принять первое. Предположите, что качества вещей сводятся къ неэкстенсивнымъ ощущеніямъ, поражающимъ сознаніе, такъ что качества эти представляютъ собою только какъ бы символы, однородныя и измѣримыя измѣненія, происходящія въ пространствѣ, и вы вынуждены тогда вообразить между этими ощущеніями и этими измѣненіями непонятное соотношеніе. Наоборотъ, откажитесь отъ установленія между ними a priori этой искусственной противоположности: вы увидите, какъ одна за другой падутъ преграды, ихъ повидимому раздѣлявшія. Прежде всего, невѣрно, что свернутое въ себѣ самомъ сознаніе присутствуетъ при внутреннемъ шествіи неэкстенсивныхъ воспріятій. Перемѣстите чистое воспріятіе въ самыя вещи, и вы избѣгнете перваго препятствія. Правда, вы встрѣтите другое: однородныя и измѣримыя измѣненія, надъ которыми оперируетъ наука, принадлежатъ, какъ кажется, множественнымъ и независимымъ элементамъ, каковы атомы, и суть только ихъ проявленія; эта множественность станетъ между воспріятіемъ и его объектомъ. Но если раздѣленіе протяженности чисто относительно къ нашему возможному дѣйствію на нее, то идея независимыхъ тѣлецъ a fortiori схематична и временна; къ тому же, сама наука позволяетъ намъ устранить ее. Такъ падаетъ и вторая преграда. Остается пройти еще одно разстояніе, отдѣляющее разнородность качествъ отъ кажущейся однородности движеній въ протяженности. Но именно потому, что мы устранили элементы,—атомы или что либо иное,—въ которыхъ эти движенія совершаются, не можетъ быть рѣчи о движеніи, являющемся моментомъ движущагося

тѣла, абстрактнаго движенія, изучаемаго механикой, которое, въ сущности, есть только общая мѣра конкрект-ныхъ движеній. Какъ можетъ это абстрактное движе-ніе, которое становится неподвижностью, если перемѣ-нить точку отправленія, обосновать измѣненія реаль-ныя, т. е. ощущаемыя? Составленное изъ ряда мгновен-ныхъ положеній, какъ можетъ оно заполнить дленіе, части котораго продолжаются одна въ другую? Остает-ся стало быть возможной единственная гипотеза, что кон-кретное движеніе, способное, подобно сознанію, продол-жать свое прошлое въ своемъ настоящемъ, способное, повторяясь, порождать чувственныя качества, есть уже нѣ-что отъ сознанія, есть уже нѣчто отъ ощущенія. Оно тоже ощущеніе, но растворенное, распредѣленное на безконечно большое число моментовъ; то же самое ощущеніе, вибрирую-щее, какъ мы говорили, внутри своей хризолиды. Тогда остает-ся выяснить одинъ послѣдній пунктъ: какъ происходитъ сжа-тіе конечно уже не однородныхъ движеній въ отдѣльныя качества, но менѣе разнородныхъ измѣненій въ измѣненія болѣе разнородныя? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ нашъ анализъ конкретнаго воспріятія: это воспріятіе, живой син-тезъ чистаго воспріятія и чистой памяти, неизбѣжно резю-мируетъ въ своей кажущейся простотѣ, огромную множе-ственность моментовъ. Между чувственными качествами, разсматриваемыми въ нашемъ представленіи, и тѣми же качествами, обсуждаемыми какъ измѣримыя измѣненія, раз-личіе только въ ритмѣ дленія, различіе внутренняго на-пряженія. Такимъ образомъ, идеей напряженія мы старались устранить противопоставленіе качества количе-ству, идеей экстенсивности противоположеніе непро-тяженнаго протяженному. Экстенсивность и напряженіе до-пускаютъ многочисленныя степени, но всегда опредѣленныя. Функція разума въ томъ, чтобъ отдѣлить отъ этихъ

родовъ, экстенсивности и напряженія, ихъ пустое содержащее, т. е. однородное пространство и чистое количество, и тѣмъ подставить вмѣсто гибкихъ реальностей, допускающихъ степени, окоченѣлыя абстракціи, родившіяся отъ потребностей дѣйствія, которыя надо принимать или непринимать, и тѣмъ ставить мышленію дилеммы, ни одна альтернатива которыхъ не принимается вещами.

3. Но если такъ разсматривать отношенія протяженнаго къ непротяженному, количества къ качеству, станетъ менѣе трудно понять третее и послѣднее противопоставленіе,—свободы и необходимости. Абсолютная необходимость будетъ представлена совершенной однозначностью послѣдовательныхъ моментовъ дленія между собою. Такъ ли это относительно дленія матеріальной вселенной? Можно ли математически выводить каждый моментъ его изъ предшествующаго момента? Всюду въ этомъ трудѣ, для удобства изученія, мы именно это и предполагали, и дѣйствительно разстояніе между ритмомъ нашего дленія и ритмомъ потока вещей таково, что связность вещей природы, столь глубоко изученная одной новѣйшей философіей, должна практически быть для насъ необходимостью. Сохранимъ же нашу гипотезу, хотя ее слѣдовало бы смягчить. Даже тогда свобода не будетъ въ природѣ царствомъ въ царствѣ. Мы говорили, что эту природу можно разсматривать какъ нейтрализованное и слѣдовательно скрытое сознаніе, возможныя проявленія котораго взаимно сталкиваются и уничтожаются именно въ тотъ моментъ, когда они хотятъ обнаружиться. Первые проблески, бросаемые на нее индивидуальнымъ сознаніемъ, освѣщаютъ ее неожиданнымъ свѣтомъ: это сознаніе только отстранило препятствіе, извлекло изъ реальнаго цѣлаго виртуальную часть, выбрало и высвободило то, что его интересуетъ; и если этимъ разумнымъ выборомъ оно свидѣтельствуетъ, что по формѣ принадле-

житъ духу, оно черпаетъ изъ природы свой матеріалъ. Присутствуя при зарожденіи этого сознанія, мы въ то же время видимъ, какъ вырисовываются живыя тѣла, способныя, даже въ самой простой своей формѣ, къ самопроизвольнымъ и непредвидимымъ движеніямъ. Прогрессъ живой матеріи состоитъ въ дифференціаціи функцій, приводящей сперва къ образованію, затѣмъ къ постепенному усложненію нервной системы, способной регулировать раздраженія и организовать дѣйствія: чѣмъ болѣе развиваются высшіе центры, тѣмъ многочисленнѣе становятся двигательные пути, между которыми одно и тоже раздраженіе предложитъ дѣйствію выборъ. Все большій просторъ, оставляемый движенію въ пространствѣ, вотъ что мы наблюдаемъ. Чего не видно, это напряженія растущаго и сопутствующаго сознанія во времени. Не только памятью прежняго опыта сознаніе это все лучше и лучше удерживаетъ прошлое, чтобъ организовать его съ настоящимъ въ болѣе богатомъ и болѣе новомъ рѣшеніи, но, живя болѣе интенсивной жизнью, сокращая памятью непосредственнаго опыта ростущее число внѣшнихъ моментовъ въ своемъ наличномъ дленіи, оно становится болѣе способнымъ создавать акты, внутренняя непредопредѣленность которыхъ, распредѣляясь на какую угодно множественность моментовъ матеріи, тѣмъ легче проскользнетъ черезъ петли необходимости. Такъ, разсматриваемая во времени или въ пространствѣ, свобода всегда, повидимому, пускаетъ въ необходимость глубокіе корни и тѣсно съ нею организуется. Духъ черпаетъ изъ матеріи воспріятія, изъ которыхъ онъ извлекаетъ себѣ пищу и возвращаетъ ихъ матеріи въ формѣ движенія, въ которомъ онъ запечатлѣлъ свою свободу.



Куно Фишеръ

Исторія новой философіи.

8 томовъ.

Т. I. **Декартъ**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. подъ ред. Н. Полилова. Стр. 459. Ц. 2 р. 50 к.

Т. II. **Спиноза**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. С. Л. Франка. Стр. 583. Ц. 3 р. 50 к.

Т. III. **Лейбницъ**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. Н. Полилова. Стр. 735. Ц. 4 р.

Т. IV. **Иммануилъ Кантъ** и его ученіе. Ч. 1-я. Пер. съ нѣм. Н. Полилова, Н. Лосскаго и Д. Жуковскаго, Изд. 2-ое. Стр. 632. Ц. 4 р.

Т. V. **Иммануилъ Кантъ** и его ученіе. Ч. 2 ая. Пер. съ нѣм. О. Аносовой и Д. Жуковскаго. Стр. 636. Ц. 3 р. 50 к. (Изд. т-ва Знаніе, Невскій, 92).

Т. VI. **Фихте**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. П. Струве, Н. Полилова, Д. Жуковскаго. Стр. 733. Ц. 4 р. 50 к.

Т. VII. **Шеллингъ**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго. Стр. 893. Ц. 5 р.

Т. VIII. **Гегель**, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. съ нѣм. Н. Лосскаго.

Полут. 1-ый. Стр. 760. Ц. 3 р. 50 к.

Полут. 2-ой. Стр. 463. Ц. 2 р. 50 к.

Цѣна за всѣ восемь томовъ въ переплетѣ 40 р.

Складъ изданій: **т-во „Общественная Польза“, СПБ., Большая Подъяческая, 39.**

20000-г

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

въ т-вѣ „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, 39.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.